796.9
П-16

Н. А. ПАНИН-КОЛО́МЕНКИН
ЗАСЛУЖЕННЫЙ МАСТЕР СПОРТА

СТРАНИЦЫ ИЗ ПРОШЛОГО

ВОСПОМИНАНИЯ СПОРТСМЕНА

ТОМ I

268032

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ"
МОСКВА–1951

Редактор *Р. И. Прагер*
Техн. редактор *З. Г. Малышева.* Корректор *Л. В. Чернова.*

Л-123285. Подп. к печати 20 XI 1950 г. Формат 60×92¹/₂. Объём 6,625 бум. л. 13,25 печ. л. 13,19 уч.-изд. л. 39818 зн. в 1 п. л. Тираж 15000 экз.
Цена 4 руб. Заказ № 817.

2-я типография „Печатный Двор" им. А. М. Горького Главполиграфиздата при Совете Министров СССР. Ленинград, Гатчинская, 26.

ОТ АВТОРА

Ленинград грохотал. Окруженный злобными фашистскими полчищами, он яростно отбивался, и звуки выстрелов зенитных орудий сливались с разрывами вражеских бомб и снарядов. С воздуха и с окрестных высот фашистская авиация и дальнобойные пушки планомерно осыпали ими город, стараясь угодить в госпитали, больницы, в самые людные места, чтобы убить и искалечить как можно больше женщин, детей, стариков и раненых бойцов.

Город горел от зажигательных бомб. Тушить пожары было нечем: водопровод замерз и не работал, не было ни топлива, ни света, ни транспорта.

Институт физической культуры имени Лесгафта, где я работал, также был мишенью для вражеских обстрелов.

Но никто не терял веры в скорое избавление и в окончательную победу. Рабочие, не щадя своих сил, под непрерывным обстрелом трудились на оборонных предприятиях, чтобы на переднем крае наши родные бойцы не имели недостатка в оружии и боеприпасах. На линии фронта враг наткнулся на непреодолимую твердыню. Ни шагу дальше! . .

В самое тяжелое время блокады — зимой 1941/42 года сопротивление города Ленина не только не ослабевало, но все более и более возрастало. Однако силы отдельных защитников истощались, и правительство все время заботилось об эвакуации нуждавшегося в этом населения, работников научных учреждений, учебных заведений, театров, чья деятельность становилась невозможной в сложившейся обстановке. Попал и я, на семьдесят первом году жизни, в один из эшелонов эвакуируемых ленинградцев.

Не могу не отметить сердечного отношения к нам главы ленинградской партийной организации и руководителя обороны города — Андрея Александровича Жданова; он принял горячее участие в эвакуации и в дальнейшей судьбе отъезжавших. В частности, и я испытал на себе его внимание и никогда не забуду теплого приема, оказанного мне в Смольном 17 февраля 1942 года.

В шедшем от Москвы на Урал поезде я встретил большую группу командиров, отправленных с Западного фронта в глубокий

тыл кто для лечения ранений и болезней, кто на отдых, кто на специальную учебу или работу. Здесь были представители всех родов оружия. Среди моих спутников царило уверенное и бодрое настроение. Разгром немцев под Москвой еще более возвысил боевой дух нашей Армии, не поколебленный кажущимся успехом врага в первые месяцы его вероломного вторжения. Волнующие рассказы о пережитых боевых днях захватывали всех нас горячей волной энтузиазма и ярости.

Понятно, что за время длительного переезда и я в дружеских беседах рассказал кое-что о своей жизни. Мои новые друзья стали убеждать меня, что мое спортивное прошлое представляет большой интерес; воспоминания о спортивных событиях и спортсменах старой России заслуживают внимания широкого круга читателей. Позднее, по возвращении с Урала, товарищи по работе говорили мне о том же, и я решил написать свои спортивные мемуары.

Я поставил целью показать не только картину зарождения и развития во мне и в моих сверстниках страсти к спорту и путей к высоким достижениям в нем, но, попутно, по мере своих сил и возможностей, те глубокие изменения, которые происходили в отечественном спорте, в его форме и содержании. Ведь лишь немногие десятилетия тому назад спорт был доступен преимущественно состоятельным слоям населения; царское правительство стремилось превратить спорт в средство отвлечения молодежи от общественно-политических интересов. А теперь, в нашей социалистической стране физическая культура и спорт стали делом государственным и всенародным, помогают воспитывать молодое поколение горячими патриотами своей Родины, носителями коммунистической морали.

Вот как возникла эта книга.

Вместе с тем мне хотелось дать характеристику тех деятелей, которые сыграли заметную роль в развитии нашего спорта и с которыми мне довелось соприкасаться.

Книга охватывает последние десятилетия XIX и начало XX вв. вплоть до 1917 года. Годы развития советского спорта войдут в следующий том воспоминаний.

Должен предупредить читателя, что я не претендую на полноту освещения всего хода развития русского спорта, на широкие обобщения и выводы. Я могу рассказать лишь о том, чему был непосредственным свидетелем или о чем имею достоверные сведения.

Вполне понятно, что я уделю преимущественное внимание тем видам спорта, которые сыграли в моей жизни наибольшую роль, — фигурному катанью на коньках и стрельбе из пистолета и револьвера.

Надеюсь, что эта книга поможет советской молодежи познакомиться с прошлым отечественного спорта, сопоставить с настоящим и легче найти путь к высотам спортивной техники.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

80-Е ГОДЫ – КОНЕЦ XIX ВЕКА

I. КАК ЗАРОЖДАЛАСЬ СТРАСТЬ К СПОРТУ

...Спорт... Состязание... Первые впечатления, связанные с этими словами, резко ворвались в мое детское сознание, когда мне было едва 7—8 лет.

В начале восьмидесятых годов прошлого столетия наша семья жила в Воронеже, на Малой Московской улице. В старину, когда едва ли не единственным средством передвижения по необъятным просторам Руси служила ямская тройка, пара, а то и одинокая лошадка в оглоблях тарантаса или тележки, сословие ямщиков было весьма многочисленным. При каждом сколько-нибудь значительном городке вырастали на окраинах специальные поселки ямщиков, носившие название «ямских слобод».

Возникла такая слобода и в Воронеже. Как раз в нее упиралась одним концом наша улица, пересекаясь с широчайшей немощеной Лесной улицей.

По старинному обычаю, в воскресные дни на этом широком перекрестке с обеих сторон — из города и слободы — собирался народ «людей посмотреть и себя показать», в лихой забаве побиться «на кулачки». Сходились стенка на стенку во всю ширину нашей улицы и бились, по выражению Н. С. Лескова, «на отчаянность». Между «городскими» и «ямскими» с незапамятных времен сложились добродушно-насмешливые отношения, выражавшиеся при встречах в обычное время в подтрунивании друг над другом, в иронических прозвищах.

Но кулачные состязания всегда проходили «в строгих правилах искусства», всегда по воскресеньям, на одном и том же месте и с соблюдением определенных неписаных традиций: бить только по туловищу, преимущественно «в подмикитки» (т. е. под ложечку), в грудь и в бока «под девятое ребро», но не в «личность», наносить удары только голыми кулаками, лежачего не бить. Несмотря на пыл схватки, правила эти всегда соблюдались, но бывали иногда и несчастные случаи. Впрочем, они были редким исключением, и эти встречи носили в основном спортивный характер.

И вот в один погожий осенний день я, маленький мальчишка, по общему мнению слабого сложения и здоровья, выбежал, вопреки домашнему запрету, на улицу и осторожно пробрался поближе к видневшейся в ее конце шумной толпе. Крики, смех и отдельные возгласы сливались в сплошной гул. Народ стоял двумя рядами друг против друга на некотором расстоянии. В середине бились на кулачки подростки: юнцы усердно соревновались в ловкости ударов с более или менее одинаковым успехом для той и другой стороны.

Страх сжимал мне сердце, хотелось бежать назад, но любопытство превозмогало. Я спрятался за выступ ворот и смотрел, что будет дальше. В середине противоположного фронта взрослых я увидел поразившую меня фигуру: огромного роста плечистый детина в красной рубахе с засученными рукавами, с расчесанной надвое русой бородкой, с вызывающим и веселым лицом. Он что-то кричал и размахивал кулаками.

Вдруг крики и смех на той стороне усилились, подростки разбежались в стороны, а ряды взрослых противников бросились навстречу друг другу. Началась общая схватка. Вскоре середина боевой линии начала клином подаваться в сторону города; красная рубаха шла напролом, сокрушая всех на своем пути. Через несколько минут городские бросились бежать... Ямские ринулись было за ними, но тотчас остановились и вернулись на свои позиции. Но это я увидел уже издали, потому что вместе с городскими пустился наутек.

Зрелище старинной русской народной забавы произвело на меня неизгладимое и сложное впечатление: с одной стороны оно внушало мне страх, а с другой — эта буйная удаль имела какое-то непонятное для меня очарование, пугающую привлекательность. Но любоваться кулачными боями мне пришлось недолго. Местная власть подозрительно относилась к кулачным боям, так как видела, что они физически закаляют «простой» народ, воспитывают в нем волю к борьбе. Полиция искала предлога для запрещения народных видов спорта. Такой предлог скоро был найден. После несчастного случая на одном из боев «стенки» были запрещены.

Мои личные спортивные «подвиги» начались с более невинных физических упражнений, если можно так назвать катанье на одном коньке по замерзшей канаве.

Многие школьники отправлялись тогда на учебу, скользя на коньках по утоптанному уличному снегу. Большинство из них пользовалось простыми коньками кустарного изделия. Это были трехгранные деревянные бруски, одно из ребер которых было срезано, закруглено с переднего конца и подбито железной полоской шириной около сантиметра. В такой колодке проделывались отверстия для ремней, а то и веревок, которыми конек привязывался к подошве обуви. Острых ребер простой конек не имел; на нем можно было бегать только по плотному снегу; он был раскрашен в яркие цвета или покрыт изображениями цветов и птиц.

У некоторых были «тульские» коньки: они состояли из колодки, точно сделанной по следу обуви из полированного чинарового или иного твердого дерева, с вделанным в нее стальным полозом (подрезом) с желобком и очень острыми ребрами. Полоз доходил только до середины каблука. В этом месте в колодке был укреплен винт-штопор, ввинчивавшийся в каблук путем вращения колодки. Передняя часть конька закреплялась на стопе ремнями.

У немногих счастливцев были целиком металлические коньки, быстро надевавшиеся на обувь и так же быстро снимавшиеся. Коньков, привинченных наглухо к подошвам обуви, в то время я еще ни у кого в Воронеже не видел.

Когда мне было лет 7—8, коньки составляли предмет моих мечтаний. В один прекрасный день мечты сбылись: мать привезла из Москвы пару чудесных коньков с медной подошвой и никелированным полозом; они прикреплялись за каблук медной цапкой на винту, а за переднюю часть стопы — широким ремнем с пряжками. Я был, как говорят, на «седьмом небе» и, ложась спать, клал коньки под подушку.

Любя свою сестру, которая была старше меня на полтора года, я по-братски поделился с ней, подарив ей правый конек. Мы стали кататься: она — на одном правом, а я — на одном левом коньке, подталкиваясь свободной от конька ногой.

Эти упражнения отразились на моем дальнейшем физическом развитии. Даже в годы расцвета моего искусства катанья на коньках все самые ответственные фигуры я исполнял всегда не на правой, а на левой ноге: левая была заметно сильнее и ловче правой.

На следующий год и сестра получила коньки; я стал кататься на обеих ногах. Однако бег на коньках давался мне с большим трудом, и я с завистью смотрел на катке в городском саду на местных корифеев искусства катанья. Один из них отчаянно вертелся на одной ноге, согнув свободную ногу в колене до прямого угла и держа колени вместе. Другой неплохо катался на наружном ребре и, помнится, делал тройки. Третий катался преимущественно в паре с дамами и так непринужденно и естественно, что считался лучшим конькобежцем из всех посетителей катка.

В 9—10 лет мне пришлось познакомиться с другим спортивным удовольствием. Будучи летом в гостях у родных в селе Хреновом, Воронежской губернии в центре Государственного рысистого коннозаводства, я сблизился с одним из наездников — коренастым человеком с лукавыми черными глазами и орлиным носом. Федор Семенович (фамилии его не помню) частенько брал меня с собой на проездки. Я садился сзади него верхом на беговые дрожки и обеими руками крепко держался за красный кушак, опоясывавший его поверх поддевки. Когда он пускал какого-нибудь красавца — серого в яблоках «Лихача», вороного «Соперника» или каракового «Консула» — полным ходом по гладкой степной дороге, ветер выл в ушах, и я испытывал одно-

временно и некоторый страх и огромное наслаждение, особенно, когда разгоряченный рысак переставал реагировать на натянутые вожжи и самовольно наддавал машистого хода.

Около этого же времени я впервые, и пока лишь отдаленно, познакомился с велосипедом. Отправившись однажды на прогулку по Задонскому шоссе, я увидел там вереницу молодых людей с пожилым человеком во главе, катившихся по обочине шоссе на необычайного вида машинах. Каждый из них сидел верхом на огромном тонком колесе, к которому сзади было пристроено колесо меньшего размера. Это были члены местного кружка велосипедистов. Они ехали на экскурсию в г. Задонск на машинах типа «Паук». Велосипеды с двумя колесами одинакового диаметра и с передачей тяги от средника на заднее колесо были тогда еще неизвестны.

Этим и ограничивается мое первое знакомство со спортивной жизнью в годы раннего детства. В конце лета 1885 года я вместе с сестрами и матерью переехал из Воронежа в Петербург, где начались мои гимназические годы, сначала во 2-й прогимназии, затем во 2-й гимназии, и первые настоящие спортивные увлечения.

Но не эти учебные заведения развили у меня интерес к спорту.

В прогимназии, вне учебных занятий, никто не интересовался ни нашим духовным, ни физическим развитием. Физическое воспитание учащихся ограничивалось тогда двумя уроками гимнастики в неделю по 1 часу, состоявшими из вольных движений, простейших упражнений на параллельных брусьях да еще из лазанья по шесту и наклонной лестнице, а больше всего из «шагистики». Никто никогда не говорил нам о необходимости физического развития; преподавателями физического воспитания были отставные унтер-офицеры. Они превращали гимнастику в муштру, и занятия с ними были для нас мучительно скучными. Понятно, что они не могли пробудить в нас влечение к спорту.

Я хорошо помню свои тогдашние вкусы и стремления. Моя будущность представлялась мне в необыкновенных, возвышенных формах. Я воображал себя то выдающимся ученым, то знаменитым писателем, то путешественником, проникающим в никому неведомые таинственные страны, то полководцем, затмевающим славу Суворова.

Вероятно, уже с тех давних пор во мне зародилось стремление к чему-то особенному, новому, захватывавшему меня целиком, и я старался быть первым во всем, что меня особенно сильно увлекало. Я хорошо учился, но всерьез увлекался только некоторыми предметами, например физикой и греческим языком с его бессмертным эпосом Гомера. С Илиадой и Одиссеей я познакомился по Гнедичу еще в детстве, и чтение этих произведений в оригинале доставляло мне истинное наслаждение. Лаэртид, легендарный стрелок из лука и кулачный боец, был моим любимым героем.

Очевидно, спорт уже тогда бессознательно привлекал меня, и первым видом его, завладевшим мною, была стрельба. Воспитывавший меня в то время мой отчим и друг, страстный охотник и стрелок, дал мне однажды выстрелить из ружья по птице, а позже мы состязались с ним в комнатной стрельбе из самодельного самострела в приколотую к двери мишень.

Стрельба в цель стала моим любимым развлечением, но настоящего оружия у меня не было. Его заменил сперва самострел со стальной пружиной, а потом специально сконструированный мною прибор для стрельбы парафиновыми пулями, сделанными из елочных свечей. Помню, что меня едва не исключили из прогимназии за то, что я принес этот прибор в класс и продемонстрировал товарищам его действие. Классный надзиратель пришел в ужас от раскатившихся по полу «пуль» и немедленно отправил меня домой. Потребовалось много хлопот и неприятных объяснений с начальством для того, чтобы уладить этот инцидент.

В те времена (1887—1889 гг.) наша семья проводила летние каникулы в дачной местности под Петербургом, расположенной по самому берегу Невы.

Среди дачников была семья, увлекавшаяся парусным спортом. Ее глава состоял в «Речном яхт-клубе», владел небольшой парусной яхтой и прекрасной двухпарной прогулочной гичкой. Самый младший член семьи, гимназист Вася, был года на три моложе меня, но тем не менее, мы близко подружились, так как оба любили рыбную ловлю и катанье по Неве под парусами. В нашей компании был и еще один соседний любитель водного спорта, мой сверстник кадет Коля. Гичка «Кадет» с парой гибких распашных весел стала нашим почти постоянным пристанищем. Вася как слабейший и более легкий исполнял обязанности рулевого.

Мы исчертили нашей лодкой всю Неву до самых порогов и вскоре настолько сгреблись, что всегда обгоняли все попадавшиеся нам лодки. Это так понравилось нам, что мы стали специально добиваться максимальной скорости на коротких расстояниях (то, что теперь называют бросками). Гребем, бывало, средним ходом, затем, по команде рулевого, учащаем удары до максимума и, разогнавшись длинными гребками, гоним лодку изо всех сил на 200—300 метров, подражая приемам академической гребли, щеголяя красивой проводкой по самой поверхности воды вывернутого на замахе весла. В конце концов, мы так натренировались, что легко обходили профессиональных гребцов-яличников, по найму катавших владельцев двухпарных шлюпок. При нашем приближении они обещали гребцам даже деньги за победу над нами, но ничто им не помогало.

Мы очень гордились своими успехами и всегда искали на реке, кого бы нам вызвать на состязание и обогнать. У нас появилась страсть к соревнованию, и мы поняли, что только упорная работа над собой приводила нас к победе. Так возникло у нас сознание огромного значения систематической тренировки для достижения

спортивных успехов. Это понимание, как мы увидим дальше, легло в основу всей моей спортивной деятельности.

В тех случаях, когда «Кадет» был занят старшими, мы отправлялись в плавание на ялике. Он не был, конечно, таким ходким, как «Кадет», и мы, чтобы не тратить сил и времени на подъем против течения, норовили прицепиться багром к рулю баржи, влекомой буксирным пароходом к верховьям реки.

Иногда при низовых сильных норд-вестах, разводивших сильную волну с «барашками», мы ловко плавали по Неве под парусами. Поднявшись возможно выше на фордевинд против течения, мы потом возвращались, лавируя в бейдевинд обратно, или делали в полветра галс за галсом * поперек реки от берега до берега. На Неве было тогда довольно много парусных лодок, но организованных парусных гонок не устраивалось.

Кроме гребли и паруса, для нас, подростков, нашлось еще одно интересное занятие. У хозяина нашей дачи был сад, в котором помещался кегельбан. По воскресеньям там собирались взрослые дачники, пили пиво и усердно состязались в шарометании. Конечно, и мы попробовали эту игру. Неожиданно у меня оказалась сноровка: я как-то быстро приспособился делать короткий двухшажный разбег прыжком, напоминающий движение лыжника на «одновременном» ходу, причем рука с шаром, посланная перед разбегом вперед, в конце прыжка оказывалась позади туловища и делала в следующий момент сильный размах в вертикальной плоскости. В результате шар шел точно и сильно по средней доске и в худшем случае выбивал «сердце», а то и лучшую фигуру. Вскоре я стал играть со взрослыми и побеждать их, несмотря на то, что был еще мальчишкой и новичком.

Тогда, помнится, я впервые подумал, что, несмотря на слабое здоровье, я все же могу иметь превосходство над сверстниками и даже над взрослыми; надо только хорошенько обдумывать способы совершенствования своей ловкости и работать над собой.

В 1890 году я перешел во вторую гимназию. Общеизвестно, что царские гимназии были реакционными учебными заведениями, воспитывавшими молодежь в соответствии с потребностями помещичье-буржуазного строя. Учащиеся всячески отвлекались от политических вопросов, подвергались слежке и жестоким наказаниям за малейшее проявление демократических устремлений. Не составляла исключения в этом отношении и вторая гимназия. Однако в нашем классе подобрался в большинстве такой замечательный преподавательский и ученический состав, что три года, проведенные в этой новой среде, составили счастливейший период моей ранней юности. Почти все учителя в нашем VI классе были подлинными педагогами, умели установить наилучшие взаимоотношения с классом, заинтересовать нас работой и вовлечь в нее «не

---

* Фордевинд — попутный ветер; бейдевинд — ветер под углом менее 90° к курсу судна; галс — положение курса судна относительно ветра.

за страх, а за совесть». Большинство их пользовалось глубоким уважением и любовью своих воспитанников.

Новые товарищи произвели на меня очень хорошее впечатление и навсегда остались моими друзьями. Это был исключительный класс как по успеваемости, так и по дружеской сплоченности. Из нашего выпуска впоследствии стали профессорами: историк Н. М. Соколов, горные инженеры В. И. Соколов и П. Г. Рубин, медик Ф. Ф. Сысоев, биолог Д. А. Судовский, пушкинист академик Б. Л. Модзалевский; преподавателями высших учебных заведений: математик А. А. Коренев, Н. В. Тихомиров, Н. М. Максин, я и некоторые другие.

Мы все так сдружились, что общие встречи у кого-нибудь из нас стали потребностью, которая сохранилась до настоящего времени. А так как я был единственным спортсменом в этом кружке, то представлял собой как бы эксперимент для выявления действия спорта на организм: друзья впоследствии добродушно попрекали меня «неувядаемостью» в сравнении с ними.

Вставали мы в пансионе гимназии в 6 часов утра, ложились в 10 вечера; весь день был строго регламентирован, но при этом оставалось достаточно времени и для чтения, и для развлечений. Одним из них было занятие музыкой. У нас организовался довольно большой оркестр, и мы с увлечением репетировали свой не слишком обширный репертуар.

Помимо музыки, некоторые из нас (правда, немногие) занимались спортом, не говоря об играх на большом внутреннем дворе-плацу. Особенно понравилось нам фехтование, вернее драка на эспадронах, несколько пар которых обычно хранилось в шкафу в гимнастическом зале. Фехтовали мы «по Сенкевичу», подражая герою его романа пану Володыевскому, т. е. работая только кистью вытянутой руки и все время описывая клинком полукруги, так что они ритмически скрещивались то во второй, то в четвертой позиции, из которых мы и переходили в атаку. Излюбленным приемом был удар плашмя в правое плечо: третья защита не могла спасти от него, так как клинок сгибался и пребольно шлепал имевшейся на конце лепешкой по спине. Такой шлепок вызывал у обоих противников дикое веселье и «жажду мести» у потерпевшего.

Настоящих спортсменов в гимназии было тогда только двое: Сергей Иванов, занимавшийся летом парусным спортом, а зимой — коньками, и Сергей Рафалович, ездивший на велосипеде и игравший в лаун-теннис. О футболе мы не имели тогда никакого представления.

Зимой большой внутренний двор гимназии заливался под каток. В часы отдыха почти все пансионеры и некоторые из приходящих учеников катались на коньках, играли в «пятнашки» и в снежки. Но я не хотел кататься просто, как все, и решил заняться более сложным видом спорта на льду — фигурным катаньем. Еще в бытность в прогимназии я бывал изредка на катке

«Прудки», бывшем на месте теперешнего сквера на Греческом проспекте.

Мое настоящее катанье началось с того, что я, будучи уже в VI классе гимназии, накопил 8 рублей и приобрел в ломбарде пару подержанных «яхтклубских» коньков с ботинками. Стальной полоз с острым носком и закругленным задком был вставлен на заклепках в три медные точеные стойки, прикрепленные к двум медным же пластинкам, имевшим точную форму подошвы и каблука ботинка, к которым они и привинчивались чуть ли не десятком винтов. Коньки были высотой около 5 сантиметров и имели большую кривизну лезвия; поэтому кататься на них было довольно трудно. На них-то я и начал свои упражнения на нашем гимназическом катке.

Первой целью я поставил себе научиться скольжению на наружном ребре конька. Но наклоняться наружу набок было страшновато: падение казалось неизбежным. И вот я, привязав к бедрам мягкие свертки из сложенных в несколько раз полотенец, начал смело наклоняться после толчка на наружное ребро. Против ожидания, я ни разу не упал и в тот же день к концу катанья уверенно и с упоением выписывал по катку плавные полукруги.

Примерно в то же время я познакомился с одним из учащихся VI гимназии Г. П. Майковым (племянником поэта), также увлекавшимся фигурным катаньем на «Прудках». В дни отпусков из пансиона, т. е. по субботам вечером и днем по воскресеньям, я вместе с ним стал посещать этот каток, бывший тогда лучшим из частнопредпринимательских катков Петербурга. Там я впервые близко познакомился с настоящим фигурным катаньем, увидев однажды соревнование, среди участников которого был Афанасьев. Его посредственное катанье показалось мне верхом совершенства.

Наибольшей популярностью среди посетителей катков в Петербурге в то время пользовался Зимницкий. Настоящим фигуристом его нельзя было назвать, так как весь его репертуар исчерпывался полудугами, перетяжками, тройками без намека на геометрическую правильность рисунка и на симметрию, троечными прыжками и плохоньким волчком в 4—5 оборотов. Но зато Зимницкий был неподражаем в пляске на коньках. Трепак с присядкой, мазурка и другие танцы он исполнял с такой непринужденной легкостью и ловкостью, что вокруг него немедленно собиралась толпа. Содержатели катков охотно платили ему «трешки» за посещение их предприятий, так как многие ходили на каток, желая не столько покататься, сколько полюбоваться замечательным плясуном. Он занимался, между прочим, и скоростным бегом. На груди своей матроски Зимницкий любил носить все свои призовые жетоны — предмет великой зависти посещавших каток мальчишек.

Другим, более серьезным и более уважаемым среди спортсменов фигуристом-любителем был ремесленник Андрианов. Удивительный самородок, он никогда ни у кого не учился, не знал большей части обязательных, так называемых «школьных» упражнений

международной программы, но некоторые из них, а также множество собственных «произвольных» и «специальных» * фигур исполнял уверенно, эффектно, динамично и, что удивительнее всего, с неподражаемой грацией, свободой и легкостью движений, несмотря на довольно жесткое, почти вытянутое колено опорной ноги. Андрианов обладал прекрасным сложением, одевался в черное трико, короткую куртку и на голове носил белую папаху. Он был, безусловно, лучшим из так называемых «диких», т. е. не принадлежавших ни к какому клубу, фигуристов. К сожалению, он не имел возможности овладеть всей совокупностью техники любимого им спорта, никогда не допускался на организуемые спортивными обществами соревнования и потому не оставил заметных следов в истории фигурного катанья. Но его искусство в то время привлекало молодежь, побуждало ее заниматься этим видом спорта. Помню, с каким восхищением и завистью глядели я и мои товарищи на удивительное катанье Андрианова и возмущались тем, что его не допускают к официальным соревнованиям только потому, что он принадлежит к простому народу.

На «Прудках» я познакомился с учеником одной из Петербургских школ Сережей Палеховым, ставшим вскоре моим ближайшим другом. Это был страстный приверженец и пропагандист спорта во всех его видах, и его влияние способствовало развитию во мне и в других юношах страсти к спорту. Он так же, как и я, мечтал овладеть фигурным катаньем, занимался им без руководства со стороны специалистов и в то время был сильнее меня.

Мой товарищ по классу С. Иванов, о котором я уже упоминал, тоже увлекался фигурным катаньем, но он катался на катке «Петербургского общества любителей бега на коньках» в Юсуповом саду **.

Об этом лучшем в городе катке и о членах Общества — знаменитом скороснике Александре Никитиче Паншине и не менее знаменитом фигуристе Алексее Павловиче Лебедеве — на «Прудках» рассказывали чудеса. Нам с Сережей Палеховым очень хотелось посмотреть на Паншина и Лебедева, но попасть в Юсупов сад было не так-то просто: требовалась рекомендация от одного из членов Общества, а мы никого из них не знали. Сергей Иванов был там только абонентом и помочь нам не мог. К счастью, оказалось, что мой дядя П. В. Смирновский, известный в свое время автор учебников русского языка, хорошо знаком с председателем Общества В. И. Срезневским. Письмо дяди к Срезневскому от-

---

* Исполнение фигур, входящих в школьную программу, или «школу», позволяет овладеть техникой всего фигурного катанья. Содержание и формы «произвольного» катанья (т. е. выбор фигур, их комбинации, последовательность исполнения и пр.), как видно из названия, зависят от самого конькобежца. «Специальные» фигуры придумывает (компанует) тоже сам конькобежец; они оцениваются по новизне, трудности и чистоте исполнения.

** На Садовой улице против проспекта Римского-Корсакова.

крыло нам вход в Юсупов сад. Мы приобрели абонементные билеты на каток, которые стоили очень дорого. Это было в конце 1891 года.

С этого момента начинается мое более глубокое увлечение спортом, увлечение, сохранившееся на всю жизнь.

II. НАЧАЛО БОЛЕЕ СЕРЬЕЗНОЙ СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Юсупов сад... По всем каткам Петербурга шла слава о том, что там «все» великолепно катаются и что туда пускают только после экзамена по искусству владения коньками. Проходя вечером по Садовой улице мимо чугунной решетки сада, можно было издали сквозь деревья любоваться, как при ярком голубоватом свете электрических фонарей с вольтовой дугой мелькают по льду, взявшись за руки «корзинкой», пары, тройки, четверки, а то и целые шеренги, стройно наклоняясь то вправо, то влево. По четвергам вечером и по воскресеньям днем звуки военного оркестра разносились в морозном воздухе далеко по окрестным улицам.

Ежегодно во вторник на масленой неделе все помещения катка были переполнены любителями фигурного катанья. Каток сверкал. Разноцветные огни озаряли фантастические декорации и ледяные архитектурные сооружения, отвечавшие теме, избранной для очередного костюмированного праздника. Вечер начинался в 8 часов общим катаньем, а в 9 открывалась торжественная процессия: из-под моста с левого пруда одна за другой на полозьях выезжали платформы с живыми картинами, за ними ехали на коньках другие группы и стройные ряды масок. Когда процессия под музыку объезжала весь каток, начинался общий полонез; маски группировались то парами, то четверками, то восьмерками, полонез переходил в общий вальс и, наконец, в простое катанье. В 10 часов 30 минут раздавался оглушительный выстрел, возвещавший начало фейерверка.

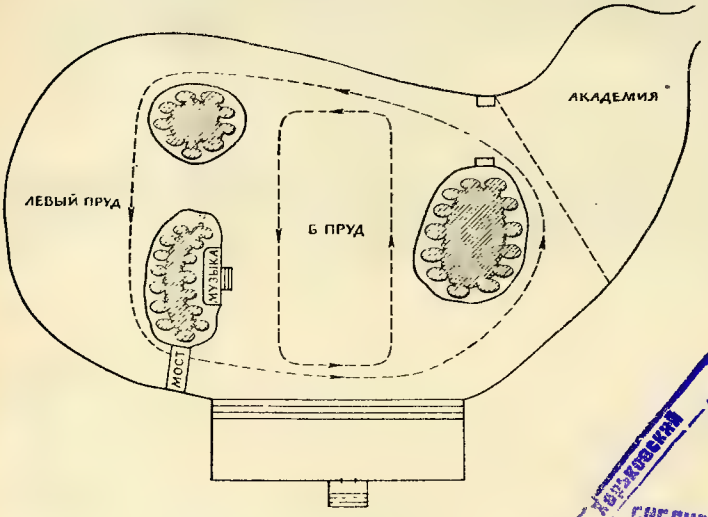
Каждую субботу и воскресенье мы бывали в этом царстве конька. Слухи об «экзамене» оказались вздором, но класс катанья посетителей катка был действительно довольно высок. Тогда не существовало того, что теперь известно под названием «простого» конька *. Все катались на обыкновенных слегка выгнутых коньках, держась при этом вполне естественно, т. е. почти прямо, не сгибаясь наподобие конькобежцев-скоростников. Каждый старался придать своим движениям некоторое изящество или грацию,

---

* Так называемый «простой» конек с прямым, не выгнутым лезвием, укрепленным на трубчатой основе, правильнее было бы называть «полубеговым», или «хоккейным» (как его и называли в старое время), так как он пригоден преимущественно для скоростного бега во время игры в хоккей; он совершенно исключает скольжение по кривым, а следовательно и фигурное катанье.

однако, без каких-либо вычурностей. Большинство каталось по дугам, на наружных ребрах обоих коньков попеременно; это уже являлось первым элементом фигурного катанья. Понятно поэтому, что очень многие из посетителей сада были в известной степени фигуристами.

Каток «Петербургского общества любителей бега на коньках» располагался в городском Юсуповом саду на большом пруду неправильной формы с тремя островами на нем. Они разделяли всю площадь пруда на три части: середину между тремя островами



План катка в Юсуповом саду

Харьковский политехнический институт
БИБЛИОТЕКА
им. В. И. Ленина

занимал главный, или «большой» пруд; средний по размерам левый пруд отделялся от главного двумя островами с тремя проездами между ними и служил местом тренировки хоккеистов; малый правый пруд отделялся от большого одним круглым островом. Впоследствии там обосновалась «академия» фигуристов.

Каток был не наливной, а на естественном водоеме, и поэтому в большие морозы лед сильно трескался, но щели постоянно замазывались смоченным снегом. Поливка льда производилась ежедневно и притом так тщательно, что лед, по сравнению с другими катками, казался идеальным.

Здесь мы с Сережей Палеховым быстро вошли в компанию сверстников из учащейся молодежи, в числе которых был мой одноклассник С. В. Иванов и его товарищ гимназист В. Н. Песков, впоследствии военно-морской врач.

В Юсуповом саду я впервые услышал от очевидцев о знаменитом состязании по конькам 1890 года и увидел его героев. Как

268032

„Большой пруд“ Юсупова сада

известно, это конькобежное состязание было первым, заслуживающим названия мирового первенства. Оно собрало участников не только из большинства европейских стран, культивировавших тогда этот вид спорта, но и из Америки. Рассказы о блестящей победе А. П. Лебедева, так же как и разговоры о победах за границей А. Н. Паншина в беге на скорость, произвели на меня большое впечатление.

Но я никак не мог примириться со странным решением судейской коллегии по мужскому парному катанью. Все очевидцы рассказывали, что только из «любезности», а может быть, и из опасения быть заподозренными в пристрастии к «своим», коллегия не решилась присудить петербуржцам вполне заслуженное ими по очкам первое место и отдала первый приз венской паре. Вот до какой степени доходило тогда в определенных слоях так называемого «высшего общества» подобострастие перед иностранщиной, раболепное преклонение перед заграницей.

Это преклонение проявлялось в те времена буквально на каждом шагу. Оно шло «сверху», от правящих кругов, от аристократической верхушки общества, где все иностранное считалось превосходным, «недосягаемым». Среди интеллигенции жил осмеянный еще Грибоедовым обычай говорить между собой по-французски или по-английски. В «высшем обществе» встречались нередко русские люди, безукоризненно писавшие на этих языках, но делавшие массу ошибок в русском письме и даже в русской речи. Заграничные изделия, фрукты, вина и другие продукты ценились

чуть не вдвое выше отечественных, хотя по качеству последние часто превосходили их.

То же было и в спорте. Велосипеды, лыжи, ракеты и мячи для лаун-тенниса и другой заграничный спортивный инвентарь пользовался предпочтением перед отечественным. Приглашение заграничных тренеров оправдывалось иногда отсутствием собственных, но бывали и такие случаи, когда при наличии русского преподавателя пользовались услугами иностранца только потому, что он был англичанин, француз или итальянец и брал за свой труд втридорога. А если в наших соревнованиях принимал участие иностранец, то считалось «неприличным» отпустить его без приза или ценного подарка.

В состязании 1890 года против Лебедева выступали: венцы Кайзер (чемпион Германии) и Динстль; петербургский шведофинн Рудольф Сундгрен — победитель международного состязания в Стокгольме в 1889 году; Джон Катани из Гельсингфорса и швед Ивар Хульт. Самым опасным соперником был Луис Рубенстейн, канадец из Монреаля, бывший тогда чемпионом Соединенных Штатов Америки и Канады, но в совершенстве владевший техникой только школьного катанья. Он должен был проиграть и проиграл Лебедеву потому, что катался в старом американском стиле, культивировавшем точность рисунка и трудность произвольных упражнений, но пренебрегавшем красотой постановки тела, грацией и свободой движений, единством художественного исполнения.

По словам очевидцев, уже в первые дни состязания, когда проходили школьные, обязательные для всех, и специальные фигуры, Лебедев имел явное преимущество, но еще нельзя было сказать наверное, кто выйдет в конечном счете победителем: русский или американец. Зато в последний день, когда после Рубенстейна, исполнившего ряд трудных и эффектных, но эстетически малоценных упражнений, выступил Лебедев и показал музыкально и динамично исполненную, цельную, продуманно скомпанованную, безукоризненно связную программу, то превосходство его стало для всех несомненным и первенство осталось за ним.

В страстном стремлении научиться фигурному катанью мы пытались использовать иностранную специальную литературу. Однако славившиеся тогда книги Холлечека и Корпера не содержали ясных и правильных технических и методических указаний. Мы учились «вприглядку», наблюдая за катаньем лучших местных мастеров, но стеснялись обращаться к ним за советом. Успехи наши росли крайне медленно. Состязания устраивались редко, раз в год, участвовали в них в 1891—1895 гг. только местные фигуристы, ни о какой организованной учебной и тренировочной работе не было и речи.

В 1893 году я окончил гимназию и поступил на отделение естественных наук физико-математического факультета университета.

Летом 1894 года я узнал от Сережи Палехова о возникновении в Петровском парке «Общества любителей бега». Он уговорил меня принять участие в занятиях Общества. Несмотря на болезнь сердца, в наличии которой меня убедил один профессор, я согласился сначала пойти посмотреть, а потом и пробежать 100 ярдов — тогда это было обычной короткой дистанцией. К своему удивлению, я обогнал всех соперников.

П. П. Москвин

Тогда спорт представлялся мне чем-то особенным и, во всяком случае, необыкновенным делом. Занятие им возвышало меня в собственных глазах. Все это так гармонировало с моими тогдашними мыслями и настроениями, что постепенно спорт занял значительное место в моей жизни, превратился в потребность и помог мне выработать в себе нечто вроде иммунитета от болезней. Он несомненно сыграл огромную роль в укреплении моего здоровья и помог до глубокой старости сохранить работоспособность и творческую активность.

В «Обществе любителей бега» я познакомился с основателем и первым председателем его, банковским служащим Петром Павловичем Москвиным. Это был энергичный, деятельный, подвижный человек, небольшого роста, с густыми черными усами и такими же черными всегда веселыми глазами. Он держался настолько приветливо и дружески, что вскоре после знакомства с ним каждому невольно думалось, что именно он заслужил его глубочайшую и исключительную симпатию. Эти качества немало способствовали популярности Москвина и успеху его организационных начинаний в спорте.

В 1888 году семья Москвиных проводила лето на даче в деревне Тярлево, близ Царского Села (ныне г. Пушкин) и Павловска. Петр Павлович, тогда еще подросток, вместе со своими сверстниками любил смотреть скачки на близлежавшем царскосельском ипподроме. Ребята начали играть в скачки, изображая собой жокеев. Потом эта игра перешла в состязания в беге. Они обычно устраивались на тярлевской «Березовой аллее». Петя

Москвин был душой этого дела. Постепенно он достиг блестящих по тому времени результатов в беге на короткие дистанции.

Осенью занятия продолжались уже в Петербурге на аллеях Петровского Острова. Здесь группа Петра Павловича назвалась вышеупомянутым «Петровским обществом любителей бега». В последующие годы эта организация официально оформилась под названием «Санкт-Петербургский кружок любителей спорта». В ней Петр Павлович сумел сплотить вокруг себя почти всех любителей легкой атлетики и многих приверженцев спортивных игр в тогдашнем Петербурге и создал первую у нас солидную легкоатлетическую организацию, ставшую в дальнейшем сильнейшей в стране.

П. П. Москвин был основоположником организованных занятий легкой атлетикой в России и пионером некоторых других видов спорта. Так, например, впоследствии он ввел игру в хоккей в спортивную жизнь городов Дальнего Востока. Его имя должно быть названо в ряду тех активнейших поборников развития спорта в России, которым приходилось преодолевать если не совсем враждебное, то, по меньшей мере, подозрительное отношение властей к занятиям спортом.

Москвин быстро вовлек меня в работу кружка, и с тех пор я во все время пребывания в нем, т. е. до 1901 года, был бессменным членом гоночной комиссии. Будучи отличным бегуном, Петр Павлович долгое время первенствовал в этом виде легкой атлетики. В 1897 году он должен был уступить первенство в беге В. А. Васильеву — псевдоним «Волин» (в те времена многие начальствующие лица столь неодобрительно относились к занятиям спортом, что их подчиненные вынуждены были скрывать свои спортивные выступления под псевдонимами). Володя Васильев долгое время был совершенно непобедимым бегуном. Вспоминая теперь стиль его бега, я могу с уверенностью сказать, что своим исключительным успехом он был обязан умению расслаблять во время бега неработающие группы мышц.

Там же, в «Кружке любителей спорта», я встретился с другим человеком, который сыграл крупную роль в истории русского буржуазного спорта. Это был Георгий Александрович Дюперрон, красивый и остроумный молодой человек, в то время студент-юрист первого курса. Он исполнял обязанности секретаря кружка. Его спортивной специальностью в то время был велосипед; занимался он и легкой атлетикой, а затем стал тяготеть к спортивным играм, главным образом, к футболу и хоккею. Несмотря на сильную склонность к спорту, Дюперрон ни в одном его виде никогда не показывал высоких спортивных достижений. Он был ловким дельцом, пропагандистом французских методов физического воспитания, собственником журнала «Спорт» *.

---

* Журнал «Спорт» начал издавать в 1900 г. А. П. Нагель; с 1902 года журнал перешел в руки Дюперрона.

Г. А. Дюперрон написал и издал немало книг по легкой атлетике, играм, по теории физического воспитания и библиографии спорта. В своих трудах он широко рекламировал французскую специальную литературу, насаждал низкопоклонство перед Западом, высмеивал русских теоретиков и практиков физического воспитания.

В годы возникновения союзов и лиг по футболу, хоккею, легкой атлетике, гребному спорту и прочим видам Дюперрон являлся если не основателем, то наиболее активным организатором большей их части, был секретарем Российского олимпийского комитета и до самой Великой Октябрьской социалистической революции оставался в спорте верным слугой буржуазии, противником русских методов физического воспитания, пропагандистом французского влияния в русском спорте, апологетом школы «нормального атлета» военизатора спорта француза Эбера.

Когда я вступил в «Кружок любителей спорта», он еще не имел своей базы. Вскоре нам удалось арендовать на Надеждинской улице Крестовского Острова обширный участок, на котором была выровнена площадь под футбольное поле, построен небольшой домик с раздевалкой и душем, тир для стрельбы из малокалиберного оружия, устроены два теннисных корта, беговая дорожка и места для прыжков и метаний. Кружок не мог существовать на доходы от сравнительно небольших членских взносов, но среди его членов было несколько богатых людей, которые влияли на политику кружка и время от времени вносили в его кассу значительные суммы. Главная же масса членов состояла из мелких служащих учреждений и предприятий; преобладала учащаяся молодежь.

Я занимался легкой атлетикой, преимущественно бегом и прыжками с не плохим, но и не очень высоким результатом, который давался мне ценой упорной и систематической работы над собой. Однажды я победил на 0,2 секунды самого Москвина, выступавшего под псевдонимом «Морин», в беге на 100 метров и в том году получил по очкам за весь сезон по всем видам легкой атлетики третье место. Я остался этим весьма доволен: быть третьим в специальном легкоатлетическом клубе уже неплохо!

Но легкая атлетика не сделалась моей страстью; мне более нравились такие виды спорта, как лаун-теннис, рапира, пистолет, фигурное катанье. Легкая же атлетика интересовала меня лишь как средство общего физического развития.

На кортах Надеждинской улицы я начал играть в лаун-теннис и впервые познакомился там с Г. В. Брэем, учеником Петербургского коммерческого училища, впоследствии чемпионом страны по лаун-теннису. Он уже тогда выделялся необыкновенной резкостью удара, точной пласировкой и хорошей наступательной тактикой. Игра с ним принесла мне большую пользу в приобретении техники и опыта.

Фехтованием на рапирах я занимался недолго. Но педагогические способности преподавателя и мой глубокий интерес к фехтованию помогли мне усвоить технику боя настолько прочно, что через много лет, в 1943 и 1944 гг., я мог исполнять обязанности старшего преподавателя кафедры рукопашного боя в Центральном институте физической культуры имени Сталина.

После открытия в «Кружке любителей спорта» футбольного поля я одно время очень увлекался футболом. В то время первая команда кружка была самой сильной в Петербурге. Большую роль в ее формировании сыграл П. П. Москвин. Он удачно использовал имевшихся членов кружка, правильно распределив их по игровым функциям в зависимости от физических данных и спортивных способностей. Для лучшего и скорейшего овладения техникой и тактикой игры он не останавливался перед привлечением в кружок нескольких опытных игроков из других клубов; некоторые из них оказали большую помощь в поднятии класса игры, взяв на себя роль тренеров-любителей без какого-либо вознаграждения.

Я играл в футбольной команде левым полузащитником. Тяжелая работа! Роль полузащитника известна: где мяч, там будь и ты. Мяч в нападении — беги к вражеским воротам; прорвалась атака противника — ты должен мгновенно превратиться в защитника. Я теперь удивляюсь, как выдерживало такую нагрузку мое сердце, осужденное врачами на строго умеренный двигательный режим. Повидимому, это объясняется тем, что я одновременно более или менее правильно тренировался в легкой атлетике.

Вратарем в нашей команде играл артист своего дела — Л. Г. Росс-старший (его младший брат А. Г. Росс выступал в качестве фигуриста). Ему, правда, было далеко до искусства наших теперешних мастеров — Акимова, Хомича, Никанорова, Иванова и многих других, но тогда его игра казалась нам чудом ловкости и силы.

Остальные игроки в команде были преимущественно из легкоатлетов, показывавших хорошие результаты в беге на короткие и средние дистанции: В. Васильев, Москвин, Евстафьев, Трифонов, Рябов, позже Дюперрон, Репинский и другие.

До поступления в «Кружок любителей спорта», будучи студентом I курса, я увлекался еще одним видом спорта — стрельбой в цель из пистолета. Виноват в этом был Сильвио из пушкинского «Выстрела»: «Увидит, бывало, на стене муху...» и т. д. Вместе с Сережей Палеховым мы устраивали у меня в комнате ежедневные упражнения и соревнования в стрельбе из монтекристо по маленьким самодельным мишеням, прибитым к повешенному на стену березовому полену. Стрельба из пистолета — довольно трудный вид спорта. Он требует особой устойчивости позы стрелка и особенно его вооруженной руки, мягкости и постепенности нажима пальца на спуск, долгой задержки дыхания, непрерывности зрительного восприятия при прицеливании и выстреле, полнейшего спокойствия и выдержки. Мой гладкоствольный и слишком

легкий пистолет бил, однако, довольно точно, и мы после долгих упражнений попадали почти без промаха в трехсантиметровый кружок, но на расстоянии всего 7 шагов.

Позднее, в «Кружке любителей спорта», я выступал уже с серьезным оружием — целевым пистолетом «Смит и Вессон» малого калибра $^{22}/_{100}$ под «длинно-винтовочный» патрон и никому не уступал там первого места. Я собственноручно наладил в своем пистолете точнейшие мушку и прицел, мягчайший спуск курка и удобную ручку; в результате бой его стал безукоризненно точным.

В начале 90-х годов в Петербурге сильно развился велосипедный спорт. Уже появились машины на пневматических шинах, и хотя стоили они очень дорого, но некоторые из моих товарищей были счастливыми обладателями такой машины. С завистью любовался я катаньем множества велосипедистов на Марсовом Поле (ныне площадь Жертв Революции) и в Александровском саду, и хотя не имел средств приобрести собственную машину, но ездить все же научился.

Мечтая о велосипеде, я долго и упорно копил деньги, и когда в 1895 году мои капиталы достигли ста рублей, я купил подержанный, но самый модный и «шикарный» дорожно-гоночный велосипед с новомодными деревянными ободами, обтянутыми лакированым шелком.

Ухаживать за блестящим красавцем-велосипедом, протирать зубной щеткой его мелкие детали, смазывать и регулировать машину доставляло мне огромное наслаждение. Однако хотелось и ездить на нем как следует, хотелось овладеть искусством езды по всяким дорогам и без дорог, не портя машины, ловко управлять им, не держась за руль, и стоять на месте неограниченное время в случаях задержки движения.

Поучиться искусству владения велосипедом было у кого: тогда устраивались состязания не только на скорость, но и на медленность езды, а также и в фигурной езде. Два замечательных любителя этого дела студенты Андрей Нагель (ставший впоследствии, как упоминалось, основателем журнала «Спорт») и Борис Постников выделывали на своих специальных машинах с прямыми передними вилками удивительные фокусы: с разгона мчались, стоя одной ногой на седле, а другой — на руле; ездили не только сидя на седле задом наперед, что не так трудно, но и задним ходом в обыкновенной посадке; на ходу снимали руль и седло, вертели педали руками и т. д. Бывало мчится Постников по Дворцовой набережной среди экипажей и вдруг вскинет машину «на дыбы» и едет на одном заднем колесе, пока не надоест.

Оба они нередко выступали перед зрителями в манеже на Литейном. Среди их номеров были такие, как перепрыгивание на машине через толстое бревно и езда по длинному столу: наезжая на стол с узкой стороны его, ездок поднимал машину «на дыбы» и попадал передней педалью на край стола; в следующее мгновение переднее колесо оказывалось на столе, за ним поднималось

и заднее и велосипедист ехал вдоль стола на двух колесах, приближался вплотную к противоположному краю его и, подпрыгнув рывком корпуса вверх и вбок, спрыгивал на оба колеса на пол и катился дальше.

Но самым замечательным номером этой пары была игра в поло на машинах, без молотков. На противоположных сторонах манежа, или, вернее, зала с паркетным полом, ставилось двое ворот-ящиков. В один из них нападающему следовало загнать крокетный шар ударом переднего или заднего колеса, а защитник мешал ему, отбивая шар тем же способом и, в свою очередь, стремился загнать его в противоположные ворота. Игроки со всего хода в погоне за шаром сталкивались плечами, отскакивали друг от друга и с поразительной меткостью и силой посылали шар в ворота. Удар передним колесом наносился путем резкого поворота руля, а задним — путем подпрыгивания на нем вбок. И все это — на быстром ходу! Неподражаемая ловкость и смелость игроков приводили зрителей в восторг, и эта игра была тогда излюбленным зрелищем посетителей манежа.

Стойка на месте на велосипеде

Став завзятым велосипедистом, я в 1895 году был избран в члены «Царскосельского кружка велосипедистов». Этот кружок зародился среди местной и дачной молодежи за несколько лет до моего вступления в него. Сперва здесь просто катались в парках, а потом начали устраивать гонки по дорожкам Екатерининского парка, у Орловских ворот. В 1892 году, близ станции Царское Село по Новодеревенскому шоссе напротив Скакового ипподрома, кружок соорудил сперва земляной, а потом цементный огромный полуверстовой трек с надлежаще поднятыми виражами, трибуной для зрителей и кабинками для переодевания гонщиков.

В кружке я познакомился со многими выдающимися спортсменами: среди них были М. И. Дьяков, М. М. Репинский, П. Г. Соколов (псевдоним «Орлов»), Г. Ф. Сандерс и другие. Все они принадлежали к мелкобуржуазным кругам Петербурга и Царского Села.

Примерно в то же время мне довелось более серьезно, чем прежде, ознакомиться с парусным спортом. Мой неоднократно уже упомянутый однокашник по гимназии и юсуповский конькобежец-фигурист С. В. Иванов, сын чиновника министерства земледелия, жил на даче в Шувалове, имел небольшую яхту, состоял членом местного парусного клуба и, следовательно, мог пользоваться и другими судами на Шуваловском озере. Это озеро имело свою особенность: на нем почти отсутствовали сильные воздушные течения. Поэтому многие местные суда применяли огромную площадь парусности. В редкие дни шквальной погоды команды были «на чеку»; несмотря на сравнительно большую устойчивость судов, они кувыркались довольно часто.

На одном из швертботов — «Китри» — кататься было особенно интересно. На нем стоял грот таких громадных размеров, что при малейшей неосторожности он ложился на воду. Это суденышко так и звали «опрокидонтом».

Таким образом, мое увлечение спортом все углублялось и находило свое проявление в различных его видах, как, например, фигурное катанье на коньках, легкая атлетика, лаун-теннис, фехтование, футбол, стрельба, велосипедный и парусный спорт. Все это сильно содействовало разносторонности моего физического развития, что, как мы теперь знаем, является непременным условием высоких достижений.

III. РАЗВИТИЕ СПОРТА В ПЕТЕРБУРГЕ

В то время, когда я начал постепенно втягиваться в серьезные занятия спортом, число спортсменов в Петербурге было невелико. Большинство молодежи неорганизованно занималось тем или иным видом физических упражнений. Молодые люди плавали, гребли на лодках, ходили под парусами, катались на коньках и т. д. Иногда молодежь устраивала и соревнования, не стараясь, однако, правильно организовывать их. В этой среде время от времени зарождалось стремление к объединению с целью упорядочить свои занятия спортом.

Так начала возникать вторая, организованная форма развития спорта. Именно так зародилось в 1881 году «Петербургское общество любителей бега на коньках», в 1888 году — «Петербургский кружок любителей спорта», а около 1890 года — «Царскосельский кружок велосипедистов» и другие кружки, клубы и общества.

Но и в Петербурге, и в некоторых других городах России уже с 60-х годов существовали аристократические спортивные организации, объединявшие любителей спорта и культивировавшие отдельные его виды. Иногда одна организация охватывала несколько близких и даже не близких видов спорта. Таких клубов вначале было немного. В списке их членов имена «титулованных» и «высокопоставленных» лиц перемежались с именами крупных

капиталистов и состоятельных людей. Сюда относились главным образом клубы парусного спорта и лаун-теннис-клубы.

В 90-х годах число буржуазных спортивных клубов стало быстро расти.

Деятельность этих спортивных организаций обычно определялась утвержденными правительством уставами, в которых указывалась и цель этой деятельности — распространение и развитие спорта во всех его видах, практика всякого рода физических упражнений как средства к телесному развитию и укреплению здоровья.

Структура спортивных организаций определялась тем же уставом и предусматривала права и обязанности общего собрания членов. Оно избирало исполнительные органы, от возглавлявшего общество распорядительного комитета до комиссий по состязаниям, и отдельных должностных лиц. Обсуждавшиеся на общем собрании вопросы решались обычно простым большинством голосов, но в исключительных случаях требовалось большинство $^2/_3$ голосов всех присутствовавших. Расходы организации пополнялись членскими взносами, субсидиями ее богатых членов и доходом от входной платы в помещения обществ, от подписки на соревнованиях и т. п.

Во главе многих спортивных организаций стояли крупные капиталисты. Это льстило им, создавало популярность и оставляло «бразды правления» в их руках. Зато они не жалели денег на поддержку «своего» клуба и занимали обычно посты председателей, членов правления или казначеев, как, например, граф Рибопьер — в «Петербургском атлетическом обществе», банкир Штифтер — в «Сестрорецком лаун-теннис-клубе», биржевой маклер Макферсон — в «Крестовском лаун-теннис-клубе», заводчик Кениг — в «Павловско-Тярлевском кружке любителей спорта», банкир Юнкер — в «Московском обществе любителей лаун-тенниса», капиталист Фульда — в «Сокольническом клубе спорта» в Москве, владелец модного портновского ателье Фолленвейдер и собственник технической конторы Шинц — в «Петербургском кружке любителей спорта». Часто общества и клубы избирали себе почетных «покровителей» из высокопоставленных лиц.

Что касается царского правительства, то оно, за редчайшими исключениями, и то лишь в последние годы перед первой мировой империалистической войной, не оказывало спортивным организациям никакой материальной поддержки ни в их деятельности по развитию спорта в стране, ни по организации международных встреч. И если эти встречи иногда устраивались, то лишь благодаря патриотическому энтузиазму отдельных спортсменов, добившихся высокого спортивного мастерства, или по инициативе общественности клубов. Царское правительство до 1911 года не только не помогало спортсменам, но часто ставило непреодолимые преграды их деятельности.

В 90-х годах прошлого века огромное большинство спортивных клубных организаций носило по составу своих членов ярко выраженный буржуазный или мелкобуржуазный характер, за исключением таких аристократических клубов, как «Императорский Петербургский яхт-клуб», «Императорское Российское автомобильное общество», «Императорское Царскосельское поощрительное скаковое общество», «Петербургское общество велосипедной езды» и некоторые лаун-теннис-клубы и охотничьи кружки.

Почти все спортивные организации ограничивали вступление в число своих членов путем более или менее строгой баллотировки на общих собраниях. Это затрудняло, а во многих случаях и совершенно преграждало доступ в эти организации людям из малоимущих слоев населения и, конечно, рабочему люду.

Общественно-политические цели обычно никак не декларировались, и занятия спортом имели видимость полнейшей аполитичности. Но на деле это было не так. Предоставляя своим членам возможность развлекаться, заниматься личным физическим развитием, спортивные организации стремились отвлечь молодежь от революционных общественно-политических интересов и в то же время внушить ей буржуазные «идеалы».

Боясь возникновения самостоятельных, подлинно демократических спортивных организаций, буржуазное руководство менее замкнутых клубов и обществ, открывая в 90-х годах вход на свои базы, станции и площадки широким кругам небогатой молодежи, не допускало ее, однако, к руководству деятельностью клубов. Молодежь вынуждена была мириться с этим: тогда спорт для многих оставался чуть ли не единственной областью, в которой можно было свободно проявить свою энергию и потребность в творческой деятельности.

С другой стороны, занятия спортом требовали известных расходов. Нужно было приобретать спортивный инвентарь — организации не снабжали им своих членов, — платить вступительные и членские взносы. В «Петербургском кружке спортсменов» («Таврический лаун-теннис-клуб»), в «Речном» и в «Невском» яхт-клубах годовой взнос превышал двухмесячный заработок служащего, в «Автомобильном обществе» — четырехмесячный, в «Мало-Вишерском охотничьем обществе» — полугодовой заработок.

В связи с такими большими расходами среди действительных членов спортивных организаций встречались преимущественно люди состоятельные или обеспеченные хорошо оплачиваемой работой. Менее состоятельные и более демократически настроенные и потому не имевшие шансов пройти баллотировку в действительные члены должны были довольствоваться ролью посетителей, не имевших права голоса на общих собраниях, а следовательно, и влияния на деятельность клуба. Сюда относились мелкие служащие в государственных учреждениях, частных предприятиях и небогатая учащаяся молодежь.

Спорт в царской России, как мы видим, носил чисто классовый характер. До поры до времени он служил почти исключительно аристократии и буржуазии; это особенно отличало такие его виды, как морской яхтенный спорт, автомобилизм, фехтование, конный спорт, игра в поло на лошадях, лаун-теннис, стэндовая стрельба по голубям.

IV. ВЕЛОСПОРТ В ДЕВЯНОСТЫХ ГОДАХ

Итак, как я уже выше рассказал, после фигурного катанья и легкой атлетики предметом моего нового спортивного увлечения стал велосипед. Вступив в «Царскосельский кружок велосипедистов», я включился в жизнь довольно широких по тем временам кругов велосипедной общественности.

Царскосельский кружок велосипедистов по своим достижениям считался тогда самой сильной велосипедной организацией Севера России. Но своей популярностью он был обязан не образцовой организационной и учебно-спортивной работе, а лишь наличию в кружке пяти-шести выдающихся гонщиков; они достигли больших успехов благодаря своей личной склонности к спорту и упорной самостоятельной работе над собой. О массовых занятиях с молодежью, о задачах ее обучения и воспитания и не задумывались. Зато руководство кружка очень благоволило к коллективным поездкам по паркам и окрестностям, ко всяким увеселительным прогулкам и пикникам, которые отвлекали молодежь от участия в разрешении злободневных вопросов общественной жизни.

Центральное ядро гонщиков состояло, как я уже указывал, из М. И. Дьякова, студентов М. М. Репинского, П. Г. Соколова * («Орлов»), Э. Г. Фолленвейдера и других.

Фолленвейдеру, представителю средней буржуазии, стоявшему одновременно во главе «Петербургского кружка любителей спорта», пришла мысль совершить в 1898 году туристскую поездку на велосипеде через всю Россию из Архангельска в Севастополь в кратчайший срок, чтобы доказать прикладность велосипедного спорта в условиях русского бездорожья. Он осуществил это, затратив значительную сумму из личных средств. Фолленвейдер проехал огромное расстояние по шоссейным и проселочным дорогам, подчас едва проходимым. В каждом городе и селении ему делали в путевом журнале официальные отметки о времени проезда. Царскосельский кружок наградил его специальным жетоном. Конечно, богачу Фолленвейдеру совершить эту поездку было нетрудно, а малоимущие члены кружка вынуждены были довольствоваться местными экскурсиями.

Студент-юрист Репинский, впоследствии погибший в первую мировую войну, славился своей физической силой. На гонках он

* Военный врач Красной Армии Петр Григорьевич Соколов погиб на своем посту в годы гражданской войны.

ездил слишком смело, садясь на колесо ведущего, частенько задевал за него своим передним колесом и, конечно, летел кувырком, увлекая за собой всех сзади идущих. Я помню один такой случай на гонке в Царском Селе. Большая группа гонщиков шла на $4^1/_2$ версты (тогда почти все дистанции устанавливались кратные 1 английской мили = $1^1/_2$ версты). Подходя к началу последнего круга и стараясь занять наилучшие места для финиша, вся группа сильно прибавила ходу, и в этот момент Репинский, шедший вторым, задел за колесо ведущего и упал. Трудно себе представить, что последовало затем: один за другим гонщики врезались в образовавшуюся кучу машин и тел и летели кувырком друг через друга. Такие катастрофы, к счастью, бывали редко.

В Царскосельских гонках обычно участвовали также петербуржцы, стрельнинцы и другие. Утром в дни таких гонок Волхонское шоссе (Петергоф — Стрельна — Александровка) представляло оживленную картину: десятки участников и зрителей ехали на гонки в Царское Село или в Стрельну на дорожно-гоночных, реже на дорожных велосипедах, везя гоночные трековые на плече. Лидерские тендемы, триплеты и квадруплеты * обязательно загружались гоночными машинами, их везли на своих плечах сидящие на вторых, третьих и четвертых местах.

Это шоссе, тогда едва ли не самое благоустроенное в окрестностях Петербурга (гудронированных дорог в то время еще не существовало), служило излюбленным местом для шоссейных гонок небольшого протяжения — около 23 верст. Ехать по нему было большим удовольствием: путь из Стрельны в Царское Село мы проезжали иногда при попутном ветре в 40 минут.

Кроме «Царскосельского кружка велосипедистов», в Петербурге и его окрестностях существовало еще несколько спортивных организаций, культивировавших велосипедный спорт.

Наиболее мощным из них было «Петербургское общество велосипедистов-любителей», имевшее постоянное клубное помещение на Литейном проспекте и отличный цементный трек на Каменноостровском (ныне Кировском) проспекте. Велодром общества имел дорожку длиной в 400 метров с надлежаще поднятыми виражами. Большая деревянная крытая трибуна, раздевалки с душами и просторный буфет обеспечивали удобства для участников соревнований и зрителей.

Среди руководителей Общества упомяну пожилого полковника в отставке И. Р. Галченкова **, страстного любителя спорта и в особенности стрельбы из пистолета. Он потом, после Москвина, Лебедева и других, председательствовал в «Кружке любителей спорта» и учредил там свой переходящий кубок для велогонок. Общество имело весьма сильных гонщиков — А. Ф. Целибеева,

---

* Двух-, трех- и четырехместные длинные велосипеды с огромной передачей.

** Умер в 1912 г.

В. В. «Чернова»-Шварца *, знаменитого конькобежца-скоростника А. Н. Паншина и других.

Банковский служащий Целибеев был разносторонним спортсменом — велосипедистом, гребцом, футболистом и легкоатлетом, но в велогонках уступал царскоселу Дьякову и был его постоянным, но не счастливым соперником. Немец «Чернов»-Шварц, богатый владелец типографии и большой парусной яхты, стремился только к личным успехам и, конечно, нисколько не думал о развитии и славе русского спорта. Он страдал непомерным самомнением, претендовал на первые места в соревнованиях, но получал их только в отсутствии Дьякова и во второстепенных встречах.

Третьим крупным клубом было дачное «Общество стрельнинских велосипедистов-любителей», имевшее в Стрельне асфальтовый трек — «циклодром» в $^1/_3$ версты с очень крутыми виражами, поднимавшимися к наружному краю под углом около 30° и двумя трибунами. Здесь же было просторное помещение для собраний и вечеров с танцами и даже летний театр. Поэтому руководство общества с успехом привлекало в качестве гостей-«посетителей» дачную молодежь, преимущественно учащихся, а также и старших членов их семейств.

В Стрельнинском обществе не было такого спортивного духа, как в Царскосельском кружке, там больше интересовались танцами, флиртом, чем гонками. Тем не менее, как и в Царском Селе, гонки проходили всегда с большим интересом и собирали немало зрителей.

Среди гонщиков Общества выделялись торговец велосипедами А. М. Фокин, брат известного в свое время балетмейстера, завоевавший после Дьякова первенство страны, Д. Д. Маршалов, С. А. Крупский и другие. Фокин был в то время цветущим молодым человеком, не знавшим поражений на коротких и средних дистанциях.

Семейство Маршаловых с полным правом можно назвать спортивным семейством. Отец, Дмитрий Иванович Маршалов, был старый завзятый парусник, почетный член «Речного яхт-клуба». Он работал в должности управляющего одним из частных домов Петербурга. С первого года существования яхт-клуба (1860 г.) и до конца своей жизни (умер в 1903 г.) Дмитрий Иванович почти непрерывно состоял членом комитета клуба. Он представлял редкий для того времени пример неизменной и горячей любви к водному спорту. Дмитрий Иванович выступал и на гребных гонках; четверка, в которой он был загребным, долгое время считалась непобедимой. В парусном спорте он являлся одним из самых искусных рулевых своего времени, руководил мастерской яхтклубского судостроения в период процветания этой верфи и был блестящим конструктором яхт. По его чертежам в 70-х годах была построена

* Ничего общего не имеет с советским чемпионом Э. Черношварцем. Фамилия «Чернов» была спортивным псевдонимом Шварца.

одна из лучших яхт десятитонного класса «Витязь». Он же был составителем «сигнальной книги» яхт-клуба, и едва ли в истории клуба найдется страница, на которой не встречалось бы его имя. Наружность Дмитрия Ивановича как нельзя более отвечала его спортивной страсти: седые баки на бритом лице, плотно сжатые губы, спокойный и твердый взгляд стального цвета глаз; короче говоря, настоящий «морской волк».

Оба его сына также страстно любили парусный спорт, но в период моего первого знакомства с ними около 1894—1895 гг. увлекались велосипедом. Старший, Николай, окончивший математический факультет университета, занялся в Обществе преимущественно организационной работой. Младший, Митя, студент того же факультета, стал неплохим велогонщиком и выступал тогда во II классе.

Четвертой организацией велосипедистов было аристократическое «Петербургское общество велосипедной езды». Председателем его был какой-то великий князь, а управлял спортивной частью один из гвардейских офицеров, организовывавший гонки Общества. Членами его состояли преимущественно представители «высшего общества». Постоянным треком клуб не располагал, но ежегодно весной им устраивались по средам и воскресеньям большие гонки на временном деревянном треке, который специально для этого строили в Михайловском манеже *. Трек имел дорожку в 1/4 версты и чрезвычайно крутые и опасные для малоопытных гонщиков виражи: были случаи падений за борт с высоты около 6 метров с тяжелыми последствиями. Общество располагало очень большими средствами, повидимому, из великокняжеского кармана; в то время, как другие организации выдавали в качестве призов небольшие золотые, серебряные и бронзовые жетоны, здесь золотой жетон с эмалью составлял низшую награду.

Для своих членов Общество устраивало особые заезды, закрытые для остальных гонщиков. Смешно было видеть, как офицеры-преображенцы в длинных сюртуках на красной шелковой подкладке и кавалергарды в белых суконных колетах, с совершенно прямой посадкой, держа руки на высоко поднятом руле, как будто не торопясь, вертели педали без туклипсов. Нашлись, правда, и между ними два хороших ездока — семеновец Лодэ и конногвардеец Глинка-Маврин, но и только. Участвовали на этих гонках и специальных заездах и французские профессиональные ездоки — мужчины и женщины; выступления последних были тогда большой новостью.

В этом Обществе особенно остро проступал антагонизм между членами аристократического клуба и остальной массой участников гонок, среди которых было немало представителей демократически настроенной молодежи. Члены клуба не удостаивали разговорами и даже просто не замечали рядовых гонщиков при встречах.

---

* В 1949 г. превращен в Зимний стадион.

Исключение делалось разве только для таких чемпионов, как Дьяков.

Несмотря на это, гонки в Михайловском манеже, продолжавшиеся целых шесть недель (в дни «великого поста»), привлекали к себе большое внимание участников, а также зрителей, большинство которых состояло из учащейся молодежи, постепенно втягивавшейся в велосипедный спорт. Общество извлекало из этого солидный доход.

Кроме этих организаций, существовали еще русское отделение французского «Туринг-клуба», «Велосипедно-атлетическое общество» и состоявшее сплошь из немцев велосипедное общество «Унион». Эти общества гонок не устраивали, а немцы в «Унионе» занимались исключительно развлечениями, катаньем по паркам и пикниками, в их обществе даже была специальная «увеселительная» комиссия.

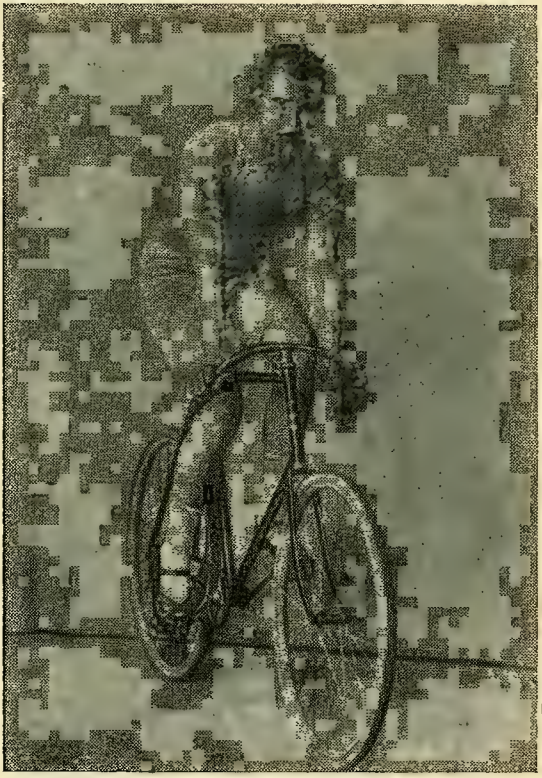
Об общественно-политическом лице этих спорторганизаций нет нужды особенно распространяться, тем более, что в предыдущей главе я уже дал общую характеристику спортивных обществ.

Наибольшее спортивное значение имели Царскосельский кружок и Стрельнинское общество, бывшие между собой в хороших товарищеских отношениях; Петербургское же общество держалось в стороне, и на гонках «болельщики» резко распадались на два враждебных лагеря. О единстве национальных спортивных интересов не было и речи.

Я никогда не выступал на гонках, все еще боясь за свое сердце, но глубоко, во всех подробностях интересовался спортивными успехами своих товарищей. В связи с этим у меня, естественно, возник вопрос о тренировке, ее особенностях, периодичности и т. д. На эту тему мы много беседовали с Сережей Крупским, моим близким товарищем-студентом и стрельнинским гонщиком. Я решил сделать первый опыт. Это было в 1895 году, как раз перед началом гонок в Михайловском манеже. Наблюдая за тренировкой Крупского, я вел систематические записи времени прохождения им дистанции на тренировках, его самочувствия и состояния здоровья; при малейших признаках переутомления или при ухудшении результатов я предписывал Сереже перерыв в работе, применение массажа и втирание специальной мази. Скоро к Крупскому присоединились два других товарища из Царскосельского кружка — М. И. Дьяков и М. М. Репинский, и таким образом создалась тренировочная группа.

Дьяков был в то время уже выдающимся гонщиком и, отчасти на его примере, отчасти самостоятельно, я скоро пришел к твердому выводу, что, помимо всяких наблюдений за состоянием организма и за правильным режимом жизни, главным условием успеха является не что иное, как настойчивая и упорная работа над собой, т. е. тренировка в данном виде спорта и глубоко продуманная тактика на гонках.

Я не смею приписывать себе результатов тренировки «моей» группы, так как мои знания и опыт в данной области были тогда совершенно ничтожны, но результаты эти были блестящи. Если Репинский проигрывал в I классе, то лишь потому, что встречал там Дьякова и притом ездил так неосторожно, что слишком часто падал (к счастью, он падал «умеючи» и не имел серьезных повреждений). Зато другие двое совершенно не знали поражений: Дьяков — в I, а Крупский — во II классе.

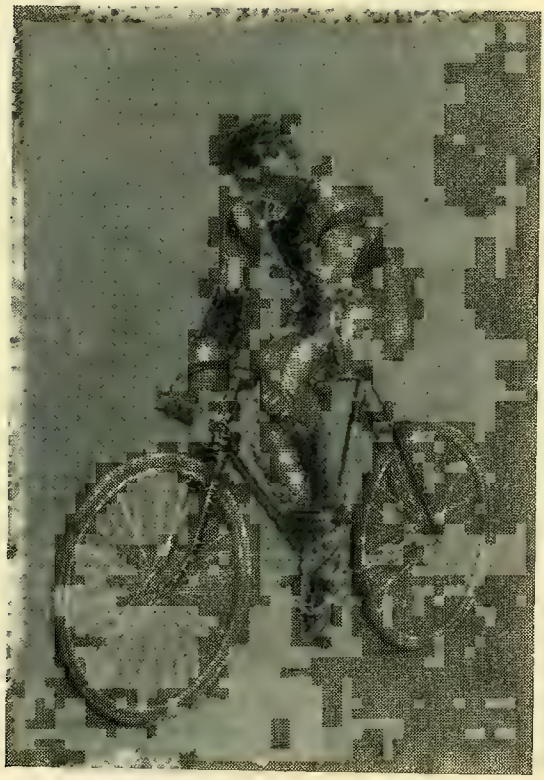


С. А. Крупский

Отец Крупского, профессор химии в Технологическом институте, был ярым противником спорта и категорически запрещал Сергею участвовать в гонках. Но страсть к ним преодолевала все, и Сергей, чтобы не раздражать отца, выступал на гонках под псевдонимом «Панин». Он был высокого роста, худощав, с хорошо развитой грудной клеткой и мускулатурой. С моей помощью он выработал великолепный бросок и большую выносливость на средних дистанциях; кроме того, он отлично усвоил тактику гонок в своеобразных условиях манежного трека. В результате, в гоночном

сезоне 1896 года в Михайловском манеже он не проиграл во II классе ни одного состязания.

Что касается Дьякова, то это была фигура настолько выдающаяся, что о нем нужно рассказать подробнее. Когда я познакомился с Дьяковым, он уже окончил Петровское коммерческое училище в Петербурге и занимал скромную должность заведующего магазином игрушек, принадлежавшим его деду. В мягкой шляпе слегка набекрень, с черными закрученными кверху усиками, Ми-



М. И. Дьяков (1895 г.)

хаил Иванович одевался щеголем, но держался очень скромно и никогда не афишировал себя во время соревнования. Впервые увидев его в раздевалке, я был поражен его необыкновенным сложением: при широких плечах и в меру развитом плечевом поясе его грудная клетка резко суживалась к тонкой талии, образуя форму трапеции с очень узким основанием; узкий таз, тонкие голени с умеренными икрами и мощные четырехглавые мышцы бедер. У него, несомненно, были необыкновенные спирометрические данные.

Дьяков был замечателен тем, что выступал с одинаковым успехом как на коротких дистанциях с хода, так и на длинных дистанциях, в часовых и 100-верстных гонках. Во время езды он производил впечатление какой-то живой локомоторной машины. При этом, в противоположность Шварцу, он ездил на сравнительно небольших передачах. Скоростная выносливость Дьякова была исключительна: обычно он вел гонку со старта по всей дистанции, начиная финишировать уже за два круга до конца, и неизменно приходил первым.

Михаил Иванович Дьяков родился в 1872 году * и начал свою спортивную карьеру в 18-летнем возрасте. В 1892 году он выступал неоднократно на гонках по дорожкам Царскосельского Екатерининского парка, на так называемом «Орловском кругу», и показал себя самым выдающимся гонщиком того времени. Он легко «бил» не только местных и петербургских ездоков: Ягна, Репинского, Сандерса и других, но и приезжавших иногородних гонщиков — москвичей Лобанова, Бутылкина, Сафонова, Похильского, варшавянина Городынского. В 1893, 1894 и 1895 гг. он выиграл целый ряд гонок в Петербурге и в Москве, в том числе все первенства страны, и установил ряд всероссийских рекордов на разные дистанции.

Дьяков не знал поражений. Только раз в 1895 году в совсем особых условиях он «проиграл» А. С. Бутылкину в Москве гонку на $1^1/_2$ версты. На этой гонке все москвичи, позабыв свои раздоры, объединились против Михаила Ивановича и с первого же круга начали по очереди «рвать», т. е. делать длинные броски; каждый из них выдерживал так около одного круга и потом сходил или плелся в хвосте. Дьяков вынужден был догонять каждого вырвавшегося вперед; и когда это все же не помогло противникам, они на последнем кругу сделали Дьякову «коробку», из которой он хотя и выбрался, но слишком поздно, и пришел вторым. За это поражение Дьяков взял реванш в гонке на первенство России на эту же дистанцию, где он побил известных Ахматова (Киев), а также Уточкина (Одесса), впоследствии ставшего авиатором. Уточкин ездил на гоночной машине без туклипсов (!) и был очень сильным ездоком, но Дьяков не считал его серьезным противником. При розыгрыше первенства России Уточкин сделал Дьякову на последнем кругу такой кроссинг **, пустив машину на вираже вправо вверх, что тот оказался вынужденным обойти его слева по бровке, но все же был признан победителем.

Ахматов отличался замечательным по внезапности молниеносным броском. Дьяков рассказывал мне, что на последнем кругу

---

* М. И. Дьяков в данное время работает в 1-м паровозном депо ст. Ленинград-пассажирская Ленинградской ж. д. и делится своим опытом и знаниями с физкультурниками-железнодорожниками.

** Кроссинг — резкое уклонение гонщика в сторону с пересечением пути идущему сзади противнику.

Старт гонки на 25 миль на петербургском велодроме (слева направо): Целибеев, Репинский, Дьяков и др.

за ним нельзя было держаться «на колесе» *: он так внезапно развивал максимальную скорость, что догнать его было крайне трудно, и во избежание проигрыша приходилось весь последний круг идти с ним рядом.

Для характеристики исключительных данных Дьякова приведу случай, происшедший на велодроме «Петербургского общества велосипедистов-любителей». В гонке на 25 миль Дьяков приблизительно на половине дистанции воспользовался тем, что шедший за ним гонщик принял на ходу от своего ассистента апельсин, и рывком оторвался от всей группы; к концу дистанции он обогнал группу на целый круг.

В 1896 году в Михайловском манеже Дьяков одержал победу в гонках на $1^1/_2$ версты (2 мин. 13,4 сек.) и на $7^1/_2$ верст (12 мин. 53,4 сек.) и уже не в первый раз завоевал звание лучшего ездока Севера России в гонке на 1 час, установив новый мировой рекорд — 37 верст $338^1/_2$ сажен. После этого Михаил Иванович продолжал пожинать все более и более блестящие лавры.

* «Держаться», или «сидеть» на колесе противника во время гонки на велосипеде — значит следовать за впереди идущим противником на самом близком, до нескольких сантиметров, расстоянии между шинами заднего колеса ведущего и переднего колеса следующего за ним. Выгода этого приема состоит в сильном уменьшении сопротивления воздуха для заднего гонщика. На этом основан принцип лидирования гонщиков другими ездоками или мотоциклами. Но при малейшем соприкосновении шин передний ездок ничем не рискует, так как ось его заднего колеса неподвижно закреплена в раме машины, а идущий за ним почти всегда падает вследствие уклонения переднего колеса от правильного положения.

Каким престижем пользовался тогда Дьяков, видно из следующего случая. В один из гоночных дней А. Ф. Целибеев выиграл первое место в одном из заездов I класса без участия Дьякова, а в другом заезде на короткую дистанцию пришел вторым за Дьяковым, с трудом продержавшись у него на колесе (из-за узости дорожки в манеже гонщиков пускали обычно только по-двое с одного старта). Целибеев получил первый приз — серебряный кубок и второй — фарфоровую вазу. Рассматривая их, он сказал: «Ваза мне больше нравится, да она и *заслуженнее!*»

М. И. Дьяков во время пребывания в Лондоне (1896 г.)

Но наиболее славным достижением Дьякова были победы за рубежом. Хорошо подготовившись, он решил, по примеру конькобежца А. Н. Паншина (о нем расскажу ниже), выступить за границей и показать, на что способен русский спортсмен. В этом его великая заслуга перед русским спортом. Его пример вовлекал нашу молодежь в занятия велосипедом и повышал их достижения.

Командированный Царскосельским кружком в Англию, он в 1896 году выступил в Лондоне на Кэтфордском и других треках в гонках на национальный чемпионат Великобритании. Первую гонку Дьяков не выиграл только потому, что не смог выбраться вперед из огромной толпы гонщиков, пущенных с общего старта на короткую дистанцию. Но во второй гонке он решил применить спурт в самом начале дистанции и сразу оторваться от соперников.

Результат оказался блестящим. Англичане сочли безумием спурт в начале дистанции, не поверили сперва в серьезность его, а когда спохватились, то было уже поздно. То же повторилось и на остальных гонках, и чемпионат Англии достался нашему царскоселу.

Можно себе представить, какова была сенсация, вызванная этим событием. Англичанам победы Дьякова пришлись не по вкусу, и в одном из номеров журнала «Сайклинг» появилась кари-

катура: Дьяков в костюме «Царскосельского кружка велосипедистов» (белая майка с черной лентой через плечо и вышитым на груди колесом с надписью «Ц. К. В.») катит на велосипеде, высоко держа в руке сияющую медаль чемпиона, а внизу подпись: «Русский извозчик Дьяков увозит национальный чемпионат Англии в Россию». Почему «извозчик» (?!) — осталось непонятным. Видимо, англичане ничего остроумнее придумать не смогли.

После этого Дьяков с успехом выступал еще на многих гонках в Англии, преимущественно в Лондоне и Бирмингэме, а несколько позже в Дании, в Копенгагене. Здесь, в главном заезде на дистанцию 100 километров с лидерами на всемирном чемпионате, ему не повезло: на пятнадцатом километре он был уже значительно впереди, но тут лидировавший его квадруплет (мотоциклов тогда еще не было) потерпел аварию. В течение 15 минут Дьяков ехал без лидера и на этом много потерял, а когда квадруплет починили, он развил такой бешеный ход, что через каждые 5 кругов нагонял ушедшего вперед соперника на целый круг, но окончательно обойти его не успел и остался на втором месте. Тем не менее, его победы на зарубежных треках являются одной из самых блестящих страниц в истории выступлений русских спортсменов на международной арене.

По возвращении на родину Дьяков установил еще два новых мировых рекорда без лидеров: на 2 мили — 4 мин. 32,4 сек. и на 5 миль — 12 мин. 03,2 сек. и всероссийские рекорды: с места на 1 милю — 2 мин. 08,6 сек. и с хода — на 1 километр — 1 мин. 16,4 сек., на 1 версту — 1 мин. 22,8 сек. и на 1 милю — 2 мин. 00,6 сек.

После этого Дьяков перестал участвовать в гонках. Но в 1898 году состоялись его выступления на петербургском велодроме против московского циркового наездника Эжена. В часовой гонке Дьяков ехал по треку, а наездник скакал карьером внутри круга рядом с бровкой цементной дорожки, ловко перепрыгивая после каждого круга с одного уставшего скакуна на другого — свежего. В этой оригинальной гонке победителем вышел велосипедист...

Наибольший интерес среди публики вызывали соревнования в Михайловском манеже, которые проходили всегда при переполненных трибунах. Этому способствовало местоположение манежа в центре города и большая ценность разыгрываемых призов. Особенно интересными были весенние гонки 1896 года благодаря острой борьбе между Дьяковым, «Черновым»-Шварцем и москвичами Бутылкиным, Сафоновым и другими.

На ежедневных тренировках к этим гонкам в манеже, в многолюдной пестрой толпе гонщиков, членов различных клубов и так называемых «диких» ездоков, не входивших ни в какую организацию, мы проводили время, полное глубоко интересных спортивных переживаний. Наблюдать за ездой того или иного гонщика, сравнивать его успехи с успехами своих близких товарищей, обсу-

ждать тактику гонок на разные дистанции с разными противниками и самые методы тренировки — все это увлекало нас и поглощало наше внимание. Однако о серьезном значении спорта для физического развития мало кто думал.

Излюбленным местом отдыха и обсуждения всего пережитого за день была избрана квасная лавка, помещавшаяся в полуподвальчике на Фонтанке между Б. Итальянской улицей (ныне ул. Ракова) и площадью, где расположен цирк. Здесь за кружками «пшеничного» или «боярского» кваса шли оживленные беседы, разборы и предположения.

На последовавших вскоре гонках публика резко разделилась на два враждебных лагеря «болельщиков». За Дьякова стояли царскоселы и стрельнинцы, а за «Чернова»-Шварца — петербуржцы, среди которых было много состоятельных столичных немцев, специально приехавших на гонку, чтобы увидеть триумф своего соплеменника. В один из вечеров, во время часовой гонки на звание «Лучшего ездока Севера России», напряжение зрителей достигло предела. «Чернов» и Дьяков шли в одной паре, причем на протяжении почти всей дистанции вел Дьяков. Когда гонг стартера возвестил начало последней минуты, «Чернов» броском вырвался вперед. Дьяков спокойно следовал за ним на расстоянии нескольких метров, а за 30 секунд до конца гонки стал уверенно его обходить. «Чернов» думал помешать ему, держась правой стороны дорожки (по правилам обходить можно было только справа), но Дьяков, видя умышленный кроссинг, воспользовался приближением к виражу и, мгновенно проскользнув по бровке поворота левее противника, обогнал его на добрый десяток метров. «Чернов» бросил работать, подняв руку в знак протеста. Однако судьи признали езду Дьякова правильной.

«Чернов» и его сторонники кричали, что Дьяков не имел права обходить с левой стороны и что будто бы слишком рано был дан сигнал о последней минуте; им отвечали, что за кроссинг «Чернова» надо дисквалифицировать.

Дьяков сказал: «Скоро лето. На песочке увидим, кто сильнее...» И действительно, спор разрешился в день открытия летнего сезона в Стрельне. В числе других заездов там разыгрывались три дистанции для I класса. Во всех трех гонках «Чернов» остался позади.

Дьяков на самом деле был намного подготовленнее других гонщиков. Если он, например, отрывался во время гонки на два-три метра, то наверстать это расстояние не было по силам ни для кого. Дьяков уходил вперед на большое расстояние, и для остальных участников возникала угроза остаться «за флагом» («флагом» называлось максимально допустимое отставание от победителя в секундах; превышение его хотя бы на 0,2 секунды лишало права на второй или третий призы).

За гонки 1896 года в манеже Дьяков получил много ценных призов; за часовую гонку ему досталось звание лучшего ездока

Лучшие ездоки Петербурга (справа налево): Репинский, Дьяков, Крупский и их тренер Панин

Севера России, золотые часы, большая золотая медаль с алмазами, огромный серебряный кубок. Сережа Крупский тоже получил несколько ценных призов.

Фотоснимок нашей группы — Дьяков, Крупский, Репинский и я — был напечатан в журнале «Петербургская жизнь» с надписью: «Лучшие ездоки-велосипедисты Петербурга и их тренер» (1896 г.).

В чем же заключалась тогда моя тренерская работа? Я был студентом университета, и мое «тренерство» составляло для меня такое же любительское увлечение или развлечение, как участие в гонках для моих товарищей. Материальной заинтересованности в этом деле для меня не существовало. Никакой литературы о методике тренировки в моем распоряжении не было, и мы вместе с Крупским создавали начало ее на основе собственного опыта езды на велосипеде и наблюдений за самочувствием, сном и общим состоянием здоровья в связи с результатами прохождения тех или иных дистанций на тренировке. Дело сводилось к регистрации ряда этих показателей и к регулированию по полученным данным работы гонщика на ближайшие дни.

В основу тренировки был положен давно известный мне по практике гребли на Неве принцип: настойчиво работать над своим совершенствованием, не прерывая работу, если нет серьезных

оснований, в течение примерно 4—6 недель. Кроме того, благотворно сказывался самый факт присутствия товарища-тренера на треке, его дружеское участие в работе гонщика, совместные обсуждения тактических приемов, наблюдение за посадкой, техникой езды, дыханием гонщика, за поведением его до и после тренировки и, наконец, за общим режимом. Вот, собственно, и все.

Однако результат у нас был блестящий, тогда как «Чернов», Целибеев и другие, хотя и хорошо ездили, но проигрывали и оставались на вторых и третьих местах. Не оттого ли, что вся их тренировка сводилась к одному: ездить каждый день как можно больше, не обращая внимания на самочувствие и преодолевая неохоту в случае ее появления?

В конце весны 1896 года произошло печальное для нашей товарищеской группы происшествие. Сережа Крупский тренировался однажды без меня на Каменноостровском велодроме в ветреную погоду. Одновременно два члена гоночной комиссии «Петербургского общества велосипедистов-любителей» измеряли дорожку трека рулеткой. Заканчивая дистанцию, Сергей финишировал против ветра, низко склонясь над рулем, и не заметил, что впереди на дорожке спиной к нему стоит один из членов комиссии, нагнувшись и приложив рулетку к дорожке. Крупский с хода ударился передним колесом в его спину и вылетел из седла головой вперед *. У него был сильно изуродован подбородок, не считая мелких повреждений.

Его отправили в ближайшую больницу, где рану зашили, перевязали ссадины и все кончилось сравнительно благополучно. Но скрыть свои «подвиги» от отца уже не было никакой возможности. Разыгралась семейная драма, и в результате Сереже пришлось бросить блестяще начатый спортивный путь...

Летом 1897 и 1898 гг. «Петербургский кружок любителей спорта» под председательством А. П. Лебедева шире развернул свою деятельность и начал устраивать велогонки. Но так как кружок своего трека не имел, то пользовался петербургским велодромом, а также «циклодромом» стрельнинцев, проводя там же попутно и свои легкоатлетические соревнования. В велогонках участвовали: А. М. Фокин, Д. Д. Маршалов, М. М. Репинский и другие. Фокин был тогда сильнейшим (М. И. Дьяков находился за границей); он выиграл 30 августа 1898 года первенство России на треке Петербургского общества, но был после того «побит» Маршаловым. Эта победа была одержана Митей не без моего участия. Расскажу, как это произошло.

Мои дружеские связи с Митей Маршаловым за все годы моего студенчества не ослабевали. Он и брат его Николай часто бывали

---

* Как это могло случиться? Ведь казалось бы, надо быть слепым, чтобы не увидеть впереди себя стоящего человека. Последние работы проф. А. Н. Крестовникова в области физиологии спорта вносят ясность в этот вопрос. Оказывается, доведенная до крайних пределов быстрота движений ног велосипедиста резко тормозит работу зрительного анализатора.

в Юсуповом саду, хотя и не занимались фигурным катаньем. Митю Маршалова, Сергея Иванова, Сережу Палехова, Володю Пескова, тогда студента Медицинской академии, — всех нас связывала любовь к спорту — к конькам, велосипеду, лаун-теннису и яхте. Но Митя стал мне ближе всех, и летом я по неделям жил на даче Маршаловых в Стрельне, распределяя время между треком, поездками по шоссе, игрой в лаун-теннис на кортах «циклодрома», изредка занимаясь и парусным спортом.

Но главным интересом моим в Стрельне была тренировка Мити Маршалова. Я работал с ним не только как тренер, но и как активный участник езды по треку, настойчиво внушая ему все тот же принцип упорной, регулярной и сознательной работы над собой.

Я уже говорил, что никогда не участвовал в велогонках; все же благодаря постоянной быстрой езде на тренировках вместе с Митей на довольно большие дистанции я выработал сильный ход и приобрел выносливость, и это позволило мне заняться подготовкой Мити в тактике езды и стремительности бросков. Почти каждый день мы устраивали матчи на треке на разные дистанции, причем он должен был или угадывать и предупреждать все мои тактические приемы, или обходить меня в определенном месте на заранее условленных спуртах.

Д. Д. Маршалов, лучший ездок окрестностей Петербурга

Так мы готовились к выступлению Мити против А. М. Фокина и других гонщиков на звание лучшего ездока окрестностей Петербурга.

Вскоре Митя был уже в прекрасной форме, что он и доказал через несколько дней, выиграв это звание и связанный с ним красивый нарукавный знак.

Любопытно отметить, что хотя обычно Митя выходил победителем на наших совместных тренировочных гонках, но однажды

летом 1898 года случилось так, что Митя уже не смог обойти меня, несмотря на то, что мой рывок в самом начале последнего круга был заранее предусмотрен. На повторных наших заездах результат был все тот же: на прямой Митя не успевал обойти меня на длину машины, чтобы занять бровку; на крутом вираже опять отставал, на новой прямой повторялось то же, а на последней прямой я нажимал изо всех сил и неукоснительно приходил к финишу на полколеса впереди.

Маршаловы настойчиво требовали моей записи на гонку; но я воздержался и в велосипедных соревнованиях так и не выступил в связи с происшедшими в характере велосипедного спорта изменениями.

Как раз в это время (в самом конце 90-х годов) началось ослабление интереса к велосипедному спорту. Профессионализм в скрытой форме все более овладевал гонщиками и, наконец, дело дошло до того, что многие посредственные ездоки, связанные с владельцами велосипедных магазинов, выходили на трек только для того, чтобы за хозяйскую «трешку» рекламировать ту или иную марку, не брезгуя ничем для обхода противников.

Любители спорта изыскивали меры для борьбы с этим разлагающим спорт явлением, но так и не добились реальных результатов. С этой же целью в конце октября 1897 года было организовано так называемое «Гоночное бюро», членом которого состоял и я.

На обязанности бюро лежала строжайшая проверка любительства каждого спортсмена и выдача ему разрешения на участие в любительских состязаниях по различным видам спорта; без такого документа к участию в гонках и иных соревнованиях никто не допускался.

Однако «Гоночное бюро» просуществовало недолго.

В дальнейшем в дореволюционной России велосипедный спорт, по крайней мере в его трековом разделе, все более терял чисто спортивный интерес и опошлялся, превратившись в конечном счете в средство наживы для таких антрепренеров, как, например, Крынский, бывший сперва гонщиком и ставший со временем предпринимателем. Он арендовал трек, нанимал «гонщиков» и устраивал платные зрелища для публики, наживая солидные барыши, подобно тому как это происходило на арене цирков с борцами. Такие гонки имели мало общего со спортом.

На сверхдлинных шоссейных гонках, например Петербург — Москва, еще отличались такие отдельные мастера, как Дзевочко, Докучаев и другие, но широкого распространения в народе этот вид спорта не получил.

Лишь после Великой Октябрьской социалистической революции велосипедный спорт стал достоянием масс.

СВИДѢТЕЛЬСТВО № 0003

ВЫДАННОЕ ПЕТЕРБУРГСКИМЪ ГОНОЧНЫМЪ БЮРО

Николаю Александровичу Коломенкину псевд. Н.А. Панину С.Петербургскаго Кружка Любителей Спорта

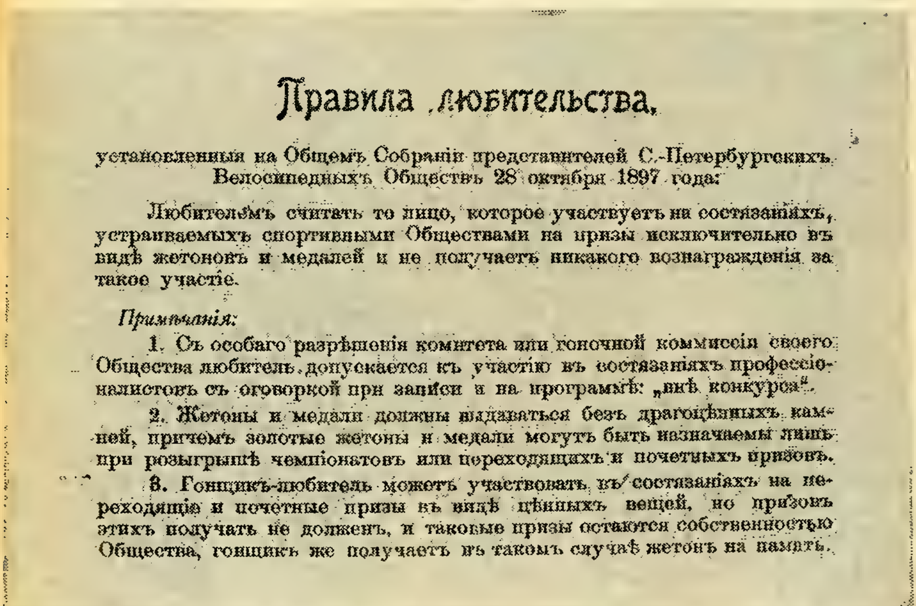
на право участія въ любительскихъ состязаніяхъ

срокомъ по 31 марта 1899 года.

Предсѣдатель [illegible] *За Секретаря* [illegible]

Адресъ *Николаевская* [illegible]

Примѣчаніе: Петербургское Гоночное Бюро имѣетъ право во всякое время объявить настоящее свидѣтельство—недѣйствительнымъ.



Правила любительства,

установленныя на Общемъ Собраніи представителей С.-Петербургскихъ Велосипедныхъ Обществъ 28 октября 1897 года:

Любителемъ считать то лицо, которое участвуетъ на состязаніяхъ, устраиваемыхъ спортивными Обществами на призы исключительно въ видѣ жетоновъ и медалей и не получаетъ никакого вознагражденія за такое участіе.

Примѣчанія:

1. Съ особаго разрѣшенія комитета или гоночной коммисіи своего Общества любитель допускается къ участію въ состязаніяхъ профессіоналистовъ съ оговоркой при записи и на програмѣ: „внѣ конкурса".

2. Жетоны и медали должны выдаваться безъ драгоцѣнныхъ камней, причемъ золотые жетоны и медали могутъ быть назначаемы лишь при розыгрышѣ чемпіонатовъ или переходящихъ и почетныхъ призовъ.

3. Гонщикъ-любитель можетъ участвовать въ состязаніяхъ на переходящіе и почетные призы въ видѣ цѣнныхъ вещей, но призовъ этихъ получать не долженъ, и таковые призы остаются собственностью Общества, гонщикъ же получаетъ въ такомъ случаѣ жетонъ на память.

Свидетельство «Гоночного бюро» (вверху—лицевая сторона, внизу—оборотная)

V. УНИВЕРСИТЕТ. ПЕТР ФРАНЦЕВИЧ ЛЕСГАФТ

Расскажу о некоторых замечательных людях, с которыми мне приходилось сталкиваться вне спортивного мира, но которые в значительной мере влияли на мою спортивную жизнь и последующую теоретическую работу в области физической культуры и спорта.

Я поступил в Петербургский университет уже с некоторой спортивной закваской. Но здесь я узнал и увидел столько нового и захватывающего, что мои спортивные увлечения на некоторое время отступили на задний план.

Естествознание, точнее химия и биологические науки, не входили тогда в число дисциплин, преподаваемых в гимназии, и после «классической» средней школы новый мир открывался перед глазами студента-естественника первого курса. «Основы химии» Менделеева читались почти как роман; невозможно было оторваться от чтения бесчисленных выносок мелким шрифтом, по существу не нужных начинающему, но полных глубокого интереса. Эта замечательная книга на всю жизнь осталась в моей памяти как ярчайшее произведение русского гения.

Зоология, морфология и систематика растений, анатомия и физиология человека и прочие науки открывали совсем новые и часто неожиданные для нас истины.

Ряд любимых профессоров, блестящих лекторов и талантливых ученых, пробуждал в нас энтузиазм, желание работать над собой. Пожалуй, самым ярким из них был на первом курсе Л. П. Коновалов, которого звали «наследником Менделеева», со своим лаборантом К. А. Красуским. Они преподносили нам на своих интересных лекциях по неорганической химии эффектные эксперименты, оставлявшие незабываемое впечатление о слышанном и виденном.

Но настоящим кумиром студентов был Петр Францевич Лесгафт, читавший тогда (1893—1894 гг.) анатомию на первом курсе.

Мои воспоминания о нем очень живы и особенно мне дороги теперь, когда привелось поработать в институте его имени, влиться в тесную и дружную семью его последователей. Отношение Лесгафта к физическому воспитанию ярко выражено в следующих замечательных словах его: «Умственное и физическое образование так тесно связаны между собой, что должны составлять единую нераздельную задачу школы: всякое одностороннее развитие непременно разрушает гармонию в образовании и не создает условий для развития цельного человека».

Мы чтим Лесгафта как создателя первой в России действительно научной системы физического воспитания, построенной на материалистической, анатомо-физиологической основе, и преклоняемся перед ним как человеком.

«Учитель молодежи очень строгий и очень требовательный. Друг — отзывчивый и чуткий, готовый протянуть руку помощи

тому, кто в беде», — говорит о нем М. Н. Слободзинская в своем труде о Лесгафте *. Петр Францевич никогда не отказывал своим слушателям не только в методической и медицинской помощи (он был врачом), но и в материальной.

Его сравнительно небольшая аудитория в главном здании университета всегда была до отказа набита студентами всех факультетов. Вот он быстро входит в аудиторию — небольшого роста, всегда в черном сюртуке, с бородою, в которой обильно проступает седина, с густыми нависшими бровями, придававшими ему суровый вид. Но под ними светились глубоко посаженные глаза с таким выражением ума, воли, доброты и проникновенной отзывчивости, что не хотелось отрывать от них взора. Уже на ходу Лесгафт начинал свою лекцию: так бережно относился он к каждой минуте рабочего времени.

Петр Францевич Лесгафт

На первой его лекции я был сперва разочарован: многого я не понимал, так как говорил он очень быстро и, как мне вначале показалось, недостаточно внятно. Но, привыкнув к его речи, я вскоре почувствовал, с какой ясностью, точностью и стройностью излагает он свои мысли. Его курс существенно отходил от общепринятого тогда понимания описательной анатомии: Петр Францевич умел вложить в этот сухой предмет в высшей степени живое содержание. Придерживаясь взглядов Ламарка, он связывал форму каждой части или частицы тела с ее функцией. Он смело раскрывал перед слушателями свое материалистическое мировоззрение. Как сейчас помню одну его фразу в лекции о живой клетке: «Вы, может быть, думаете, что в ней сидит какая-то неведомая сила, какой-то дух, следовательно здесь Архей, следовательно здесь бог? . . Ничего подобного. . .» Именем «Архея» он называл все «сверхъестественное».

Петр Францевич умел вовлечь студентов в сознательный и пытливый труд, причем внешняя форма его обращения с нами оставалась суровой и требовательной. Но более сердечное и заботливое отношение к студентам трудно себе представить.

Его огромная занятость и работоспособность характеризуются таким, например, случаем, сообщенным мне моей родственницей В. М. Федяевской (ныне профессор одного из московских инсти-

* «Памяти П. Ф. Лесгафта», Сборник, ФиС, 1947.

тутов). Два ее знакомых обратились к Лесгафту с просьбой о консультации по какому-то научному вопросу. Он охотно согласился и назначил им свидание у себя на дому в 5 часов... утра. Столь ранний срок становится понятным, если знать, что еще до лекций, с 7 до 9 часов утра, Петр Францевич проводил у себя на дому занятия анатомией для желающих. И когда ему говорили о необходимости сна не меньше 8 часов в сутки, то он отвечал: «А вы не боитесь проспать одну треть своей жизни?»

Наша любовь к нему росла еще больше в связи с преследованием, которому он подвергался за свои политические убеждения. Отличительной чертой его характера была твердая принципиальность в борьбе за справедливость, за необходимость труда как первейшей потребности человека, за свободу труда и за прогресс.

«Смысл жизни — труд», — часто говорил он, и еще: «Все, что не идет вперед, идет назад, все, что упражняется — развивается и совершенствуется; все, что не упражняется — регрессирует и распадается».

Необыкновенная личность Петра Францевича произвела на меня глубокое впечатление и, несмотря на сравнительно короткий срок общения с ним, оказала огромное влияние на дальнейший путь моей жизни. Он внушил мне более сознательное отношение к самому себе и к окружающей среде, любовь к труду и к спорту. Я считаю, что во многом обязан ему тем, что отлично окончил курс университета и добился потом высоких достижений в спорте.

Правда, Лесгафт считал спорт, как таковой, нежелательным в процессе воспитания детей, нуждающихся, по его мнению, лишь в физическом образовании, в сознательном физическом развитии как пути к подчинению своего организма влиянию своей воли. Он предлагал руководителю игр противодействовать проявлениям азарта во время игр. Лесгафт считал физическое воспитание средством последовательного гармонического развития человеческой личности.

В моем представлении физическое воспитание и спорт были если не тождественны, то неразрывно связаны между собой, а потому я считал, что мои спортивные склонности подкрепляются авторитетным мнением Лесгафта.

Университетский курс я окончил в числе лучших и имел, таким образом, все права и данные для оставления при университете для научной работы по физической химии. Но жизнь направила меня на деятельность в других областях.

VI. ДЕЯТЕЛИ ЮСУПОВА САДА. ПЕРВЕНСТВО МИРА ПО ФИГУРНОМУ КАТАНЬЮ НА КОНЬКАХ 1896 ГОДА

В то самое время (1895—1896 гг.), когда происходили описанные велосипедные гонки в Михайловском манеже, мне довелось более близко узнать главных деятелей «Петербургского общества любителей бега на коньках», так называемых «юсуповцев».

Общество не имело никакого отношения к князьям Юсуповым; но сад с прудами, на которых помещался каток Общества вместе с выходящим на Фонтанку домом министерства путей сообщения, когда-то принадлежал Юсуповым, а потом перешел в собственность города.

В 60-х годах прошлого века это место отдавалось городом на зимние сезоны в аренду «Петербургскому речному яхт-клубу» для устройства катка. В 1877 году каток перешел в ведение тесного кружка нескольких любителей конькобежного спорта, образовавшегося из числа постоянных посетителей яхтклубского катка.

В числе учредителей этого кружка были: А. А. Ильин, основатель известного «Картографического заведения», архитекторы А. К. Бруни (впоследствии академик) и И. А. Кавос, владелец Орлинского завода химического стекла Н. Е. Ритинг, приват-доцент Петербургского университета В. И. Срезневский и другие.

В 1881 году состав кружка расширился, в его ряды вошло несколько энтузиастов конькобежного спорта, и число членов возросло до 30. С этого времени «Общество любителей бега на коньках» начало более активную деятельность по развитию как скоростного бега, так и фигурного катанья, которое называли тогда искусством катанья на коньках.

Кроме того, в Обществе практиковался и еще один вид зимнего спорта — катанье с ледяных гор на санках; устраивались соревнования на скорость и ловкость, сидя лицом вперед или назад, управляя ногами или руками, с заданием поймать на ходу предметы, разложенные на раскате, и т. п. В Петербурге на Крестовском Острове позже возникло и другое, специальное «Общество любителей катанья с гор».

«Общество любителей бега на коньках» установило связь с зарубежными организациями конькобежцев, и в том же 1881 году на состязании в Гельсингфорсе В. И. Срезневский в паре с местной фигуристкой Менандер получил приз за парное катанье. В 1883 году члены Общества уже выступили в международных соревнованиях в Гельсингфорсе. Представитель Юсупова сада по скоростному бегу И. Гусаров не имел успеха, зато в фигурном катанье победителем вышел уже известный нам А. П. Лебедев; вторым был финн из Гельсингфорса Джон Катани, третьим — петербургский шведо-финн Р. Сундгрен; четвертым еще один юсуповец — К. Г. фон Голи и пятым — Н. Бояринов (из Кексгольма). В. И. Срезневский был в числе судей.

1887 год принес юсуповцам еще больший спортивный успех. Петербургский художник Р. Г. Бюхтгер выиграл первенство Баварии по фигурному катанью, победив венца Зейберта, впоследствии известного профессионального тренера. Зейберт был лучше в школьном катанье и потому имел все шансы на победу, но произвольное катанье Бюхтгера было так удачно и красиво, что перекрыло преимущество противника.

В том же году начались замечательные выступления нашего знаменитого скоростника А. Н. Паншина.

После этого Общество получило такую известность в зарубежных странах, что в 1890 году смогло устроить большое международное соревнование по скоростному бегу и по искусству катанья, о котором уже частично было упомянуто выше.

Когда в 1892 году на первом международном конгрессе конькобежцев в Схевенингене (Голландия) возник Международный союз конькобежцев, Общество вступило в его члены и с тех пор много раз принимало участие в международных встречах на льду.

Юсуповцы, пытаясь популяризировать конькобежный спорт, все же не стремились к массовости и не допускали в свои ряды рабочих и революционно настроенную интеллигенцию. Правда, Общество устраивало катки на Семеновском плацу, на Марсовом Поле и на велодроме «Петербургского общества велосипедистов-любителей», но эти мероприятия не были постоянными.

Хозяева Общества желали придать ему по возможности семейный «добропорядочный» характер и под видом ограждения катающихся, в особенности детей и дам, от нетрезвых посетителей и «девиц легкого поведения» разрешали вход посторонним на каток только по рекомендации и под ответственность одного из членов общества. Вполне понятно, что рабочие не только не допускались в члены Общества, но и не могли получить разрешения на посещение катка.

Отличное оборудование и содержание катка привлекало в Юсупов сад все больше и больше желающих из среды буржуазных кругов: каток имел до двух тысяч посетителей (абонентов). В конце концов, размеры катка вынудили хозяев Общества искусственно ограничивать доступ на него и мелкобуржуазных элементов путем установления не только рекомендации, но и значительно повышенной входной платы. Поэтому среди катающихся стало меньше трудовой интеллигенции и больше представителей средней и даже крупной буржуазии. Отсюда — известная замкнутость Общества и репутация «аристократизма».

В сохранившемся списке действительных членов Общества на 1912 год значатся: 18 служащих в частных конторах и других предприятиях; 10 служащих в государственных учреждениях, в том числе 2 инженера; 7 лиц свободных профессий (архитекторы, художники, юристы); 1 владелец столярной мастерской; 1 домовладелец. В этом списке имеются и два представителя крупной буржуазии: один из учредителей Общества директор завода Н. Е. Ритинг и гвардейский офицер и помещик барон Вольф. Хотя оба они только числились в списке и за последние 17 лет существования Общества никогда в нем не бывали, но сильно влияли на его политику.

В нашей печати промелькнула однажды заметка, что будто бы в Юсупов сад допускалась только «придворная знать», но это

неверно *. Придворной знати в нем не было, но не было и рабочих. Это был каток, обслуживавший буржуазию и хорошо обеспеченную интеллигенцию.

Что касается общественно-политического лица руководителей Общества, то об этом достаточно определенно говорят их искания великокняжеского «покровительства» и тосты на банкетах «за здоровье императорских величеств». Если они и не были злостными реакционерами, то уж консерваторами — во всяком случае.

Впрочем, нам, молодым активным спортсменам, деятельность Общества казалась весьма положительной. Мы не замечали, что наши руководители полностью игнорировали задачи развития спорта в народных массах, что они противодействовали этому путем ограничения доступа трудящихся на каток и отказа от матчевых встреч на хоккейном поле с «дикими» командами. Стремление к объединению с другими клубами в Союз, уже имевшее место в 90-х годах, преследовало цели не столько упорядочения состязаний и спорта, сколько сохранения влияния буржуазных организаций на демократическую часть молодежи, объединенную другими клубами.

Бессменным председателем Общества был один из его учредителей и почетный член Вячеслав Измайлович Срезневский, рекомендация которого когда-то открыла нам с Сережей Палеховым доступ в Юсупов сад. Педагог, приват-доцент университета, потом директор Александринского женского профессионального училища, видный деятель фотографического отдела Русского технического общества, впоследствии научный сотрудник Ленинградского института кинематографии, В. И. Срезневский был большим энтузиастом конькобежного спорта вообще и фигурного катанья в частности. Но в то же время он был в описываемый период эстетствующим интеллигентом, пренебрежительно относился к рабочим, не допускал их не только в члены Общества, но и на каток.

Все хозяйственные и спортивные мероприятия Общества, начиная от ежегодной постройки разборного дома в Юсуповом саду вплоть до проведения соревнований, проходили под руководством Срезневского. Он активно участвовал в международных конгрессах конькобежцев, был непременным членом судейских коллегий и постоянным секретарем общих собраний членов Общества.

В. И. Срезневский поддерживал талантливых конькобежцев из разночинцев, содействовал росту Паншина, Лебедева и автора этой книги. Он многое сделал для совершенствования техники и построения теории фигурного катанья. В этом его заслуги перед русским спортом несомненны.

Впоследствии Срезневский втянулся и в более широкую организационную работу, став председателем Российского Олимпий-

* А. Светлов, со слов С. М. Герольского («Красный спорт» № 47 (1193) за 1945 г.). «Аристократический» каток был не в Юсуповом, а в Таврическом саду.

ского комитета. Под конец своей деятельности он был помощником генерала Воейкова — «Главнонаблюдающего за физическим развитием населения Российской империи». В 1915 году Срезневский говорил мне, что горько сожалеет об этом шаге, который привел его к полному разочарованию и глубокому отвращению к своей работе; отказаться же от совместной работы с всесильным тогда Воейковым, личным другом царя Николая II, у него нехватило гражданского мужества.

Этот шаг привел его в 1917 году к кризису его спортивной деятельности: оказавшись в роли руководителя русского спортивного движения, он не нашел тогда пути для верного направления его в демократическом духе. Да и после Великой Октябрьской революции, работая в системе Всевобуча, он не смог понять пролетарской классовой линии в деле физической подготовки трудящихся и комплектования вооруженных сил. В конце 1918 года в связи с преклонным возрастом он оставил физкультурную работу в государственных органах и ограничился деятельностью только по своей основной специальности в институте кинематографии.

Из последней записи в книге общих собраний Общества * от 22 ноября 1923 года видно, что Срезневский все-таки не терял надежды на продолжение спортивной работы этого общества в советских условиях; при его содействии иосуповская команда хоккеистов еще долго продолжала тренировку и выступления под названием «Ленинградское общество любителей бега на коньках» (ЛОЛБЕК). В. И. Срезневский умер в 1936 году.

Другим почетным членом (избранным не за материальную помощь) и видным деятелем Общества был Алексей Павлович Лебедев, уже в то время, несмотря на далеко не старый возраст, прозванный «дедушкой фигуристов». Он служил юрисконсультом в правлении Владикавказской железной дороги.

Высокий, сухой и гибкий, с орлиным носом и бородкой клином, Лебедев был истинным и разносторонним спортсменом. В свое время он усердно занимался гимнастикой, для развития которой в России сделал очень много, академической греблей и фигурным катаньем. В конце 90-х годов он был избран председателем «Петербургского кружка любителей спорта», а в Обществе возглавлял тогда комиссию по состязаниям.

О победе Лебедева в 1890 году я уже рассказывал. После нее он ни разу не выступал на соревнованиях: в этом сказался его странный характер. Прекрасный конькобежец-фигурист, он долгое время не показывал своего искусства, тренировался всегда только по утрам и, если замечал нечаянного зрителя, сейчас же переставал кататься и уходил.

---

* «С.-Петербургское общество любителей бега на коньках». Книга общих собраний и комитета, веденная с 1884 по 1923 г., находится в архиве кафедры истории физической культуры института имени Лесгафта.

Вследствие этого его знания и опыт долгое время пролежали под спудом. Но с 1896 года он начал ревностно заниматься педагогической работой и стал моим первым учителем. Он обучал молодых фигуристов на правом пруду Юсупова сада, всегда по вторникам и пятницам, с 8 до 10 часов вечера.

Лебедев как фигурист был исключительно талантлив и самобытен. Он ни у кого не учился и до своих выступлений на международной арене не видел ни одного выдающегося фигуриста международного класса. Он был в тесной дружбе со Срезневским и с уже известным нам художником Бюхтгером. Они совместно, путем лишь взаимной доброжелательной критики, выработали высокую эстетику катанья.

А. П. Лебедев

Движения Лебедева на льду отличались изумительной пластичностью. Их свободная непринужденность и смелая динамика обманывали зрителя, создавали у него иллюзию легкой возможности немедленно воспроизвести виденное. Лебедев по справедливости должен считаться основоположником русской школы фигурного катанья, стремящейся к бодрому, динамичному и грациозному исполнению не только произвольного, но и школьного катанья. Лебедев, наравне с Паншиным и велосипедистом Дьяковым, — крупнейшая фигура русского спорта конца XIX века.

Кстати, следует сказать здесь об одной возмутительной фальшивке: в изданной в 1926 году в Нью-Йорке книге Ирвинга Брокау (бывшего чемпиона Америки и почетного президента Американского союза конькобежцев-фигуристов) «Искусство катанья на коньках» в историческом очерке указывается, будто бы в соревновании 1890 года в Петербурге победил и получил звание чемпиона мира не Лебедев, а Рубенстейн. То же самое повторено и в «Энциклопедии спорта» Франка Менке, изданной в 1944 году в Нью-Йорке фирмой «А. О. Барнес и К⁰». Это не описка и не ошибка, а намеренная фальсификация, так как тот же Брокау в первом издании своей книги (1910 г.) правильно излагал факты и говорил о Лебедеве из Петербурга как о победителе соревнования 1890 года.

Как показала последующая деятельность Алексея Павловича в «Петербургском кружке любителей спорта», он обладал большими организаторскими способностями и проявлял огромный интерес к спорту во всех его видах. Этот интерес выразился, между прочим, в составлении им солидной спортивной библиотеки. Он получал отовсюду почти все выходившие из печати спортивные книги. Впоследствии, пользуясь его библиотекой, я смог составить обоснованную ссылками на первоисточники историю развития фигурного катанья на коньках.

А. Н. Паншин

Лебедев принимал обычно весьма активное участие в качестве стартера на скоростных и судьи на фигурных соревнованиях.

Суждения его всегда отличались своей безукоризненной объективностью *.

Известный каждому советскому конькобежцу Александр Никитич Паншин тоже был избран в почетные члены Общества за блестящие долговременные и разнообразные спортивные достижения. Он происходил из мещан г. Сестрорецка и служил счетоводом в правлении Николаевской (ныне Октябрьской) железной дороги.

Это был коренастый, мускулистый человек среднего роста; серые глаза с постоянно расширенными черными зрачками придавали его бритому с усами лицу выражение решительности и упорства.

В те времена конькобежцы носили преимущественно короткие, но довольно широкие темные панталоны и шерстяные чулки, так что голень была гладко обтянута. Но Александр Никитич почему-то начал носить сверх ботинок с коньками сапожные голенища «гармоникой», иначе «бутылками», которые сильно портили его

* А. П. Лебедев умер в 1923 г.

мощную фигуру. В таком костюме он и выступал на соревнованиях, когда впоследствии стал фигуристом.

Начало его спортивной карьеры протекало в области скоростного бега на коньках, где он достиг изумительных для того времени результатов.

Первое выступление Александра Никитича в скоростном состязании состоялось 9 февраля 1886 года на круглых «яхтклубских» коньках на дистанцию 1609 метров (1 миля); он легко занял первое место, показав время 3 мин. 53,2 сек.

В 1887 году Паншин заказал себе в мастерской хирургических инструментов удлиненные коньки собственной модели с совершенно прямым лезвием. Скорость бега на этих коньках сильно повысилась, и Александр Никитич опередил в этом же году представителя Гельсингфорса Т. Бальчевского, пробежав 1 милю в 3 мин. 31 сек. После этого Общество решило направить Паншина на соревнования за границу.

Выступив в январе 1888 года в Вене в состязании на 1609 метров на первенство Австрии, Александр Никитич пробежал дистанцию в 3 мин. 35 сек. и оказался первым, опередив австрийца Блаттера на целых 17 секунд, т. е. больше чем на 100 метров. Результат Паншина превзошел рекорд, поставленный в Австрии известным норвежцем Акселем Паульсеном.

7 февраля 1888 года в Москве Паншин выиграл первенство России в беге на 8 верст, показав время 21 мин. 20 сек. и победив восходившее тогда новое светило — москвича, студента-медика С. В. Пуресева.

В следующем зимнем сезоне 1888/89 года имя Александра Никитича прославилось на весь свет. В Америке в то время появился выдающийся скороход Д. Доногю, считавшийся непобедимым — на родине он не знал поражений.

В декабре 1888 года Амстердамский клуб конькобежцев устроил большие соревнования на звание лучшего конькобежца мира по скорости. Для получения этого звания нужно было выиграть три дистанции. На это соревнование приехал из Америки Доногю, а из Петербурга — А. Н. Паншин. Кроме них участвовали англичане Таббот и Левдей, голландцы Пандер, Юрйенс и другие.

На первой дистанции в $^1/_2$ мили Доногю упал, Паншин же пришел первым в 1 мин. 24,6 сек. По характеру бега Паншин был спринтером и на другой день добился еще большего успеха, опередив всех, не исключая и американцев, в беге на 1 милю с результатом 2 мин. 58,6 сек. Мировой рекорд был побит.

Но на третий день, на дистанции 2 мили, победителем вышел Доногю; его результат — 6 мин. 24 сек., Паншина — 6 мин. 31 сек.

Чемпионат мира остался неприсужденным, так как никто не выиграл всех трех дистанций, однако превосходство Паншина было очевидным.

После этого Александр Никитич отправился в Вену, чтобы вторично выступить на первенство Австрии. Туда же поехал и До-

ною со своими ассистентами — врачом, массажистом и представителем. В Вене Паншин внезапно заболел инфлюэнцией. Американцу казалось, что победа уже в его руках. Доною по телеграфу держал со своим клубом в Америке крупное пари, уверенный в том, что будет первым. О последующем я рассказываю со слов очевидца.

А. Н. Паншин в 1889 г.

В день соревнований Александр Никитич вышел на старт с температурой 39°. Дистанция была 1609 метров. Сперва Паншин держался за американцем, но вскоре начал отставать. К последнему кругу он отстал почти на 15 метров, и вдруг, в начале этого круга, он выпустил из-за спины руки и бледный, со стиснутыми зубами, почти мгновенно развил такой невероятный ход, что промчался, как ветер, мимо ошеломленного соперника и был первым

на финише, показав время 2 мин. 57 сек., т. е. на 38 секунд лучше прошлогоднего результата.

Отсюда противники разъехались: Александр Никитич поехал в Прагу, выступил там в соревновании и стал чемпионом Чехии.

В следующем году Паншин в третий раз выиграл в Вене бег на 1609 метров и звание лучшего конькобежца Австрии. Но дома его ждала жестокая неудача, оборвавшая так блестяще начатый путь скоростника.

Как я уже рассказывал, в 1890 году в Юсуповом саду были назначены большие состязания в скорости и в искусстве бега на коньках (по случаю 25-летия этого катка), получившие значение мирового первенства. И вот тут, сверх всяких ожиданий, на дистанции всего в 100 ярдов Паншин проиграл местному конькобежцу И. И. Линдстедту. Результат был явно случайный, но это так расстроило Паншина, что он отказался от дальнейшего участия в соревнованиях. Юбилейный приз достался норвежцу Норсенгу.

С этого времени начался постепенный закат Александра Никитича, и когда 9 февраля 1892 года москвич Сергей Васильевич Пуресев победил его в Юсуповом саду на 3 мили, всем стало ясно, что карьера Паншина окончена. Надо сказать, что С. В. Пуресев был исключительно одаренным конькобежцем. Он производил очень приятное впечатление своим быстрым, но в высшей степени спокойным и уверенным бегом длинными шагами, со сложенными на груди «по-наполеоновски» руками.

Перестав участвовать в скоростных соревнованиях, Александр Никитич начал кататься на фигурных коньках. Однако по вечерам, после 11 часов, когда в Юсуповом саду разрешалась тренировка на беговых коньках, он надевал их, и мы любовались, как его белая каракулевая шапочка со сказочной быстротой мелькала в полумраке уже затемненного катка. Но главным спортивным занятием Паншина с этого времени стало фигурное катанье.

Старший брат Паншина, Евгений Никитич, был бессменным членом комитета Общества. Замечательный организатор, он все время ведал хозяйственной частью и бухгалтерией Общества. Удивительно мягко умел он поддерживать на катке самую твердую дисциплину, и я не ошибусь, сказав, что именно ему мы были обязаны всегда безупречным порядком на льду и в помещениях Общества и блестящей организацией всей его спортивной и материальной базы. Евгений Никитич с такой любовью отдавался заботам о процветании Общества, что впоследствии был избран в почетные члены за долголетнюю образцовую и притом безвозмездную работу. Он, как и брат, служил бухгалтером в правлении Николаевской железной дороги.

Много было в Юсуповом саду и других замечательных в области спорта людей. Об одном из них, игравшем очень большую роль не только в конькобежном спорте, нельзя умолчать здесь. Я имею в виду постоянного посетителя общества, хотя и не состо-

явшего в числе его действительных членов, — Александра Петровича Ивашенцова.

В Ленинграде есть улица Ивашенцова, бывшая Золотоношская; она названа так в честь сына Александра Петровича — Глеба Александровича, главного врача больницы им. Боткина, профессора, крупного ученого и общественника, члена Ленинградского Совета депутатов трудящихся, трагически погибшего 3 декабря 1933 года от несчастного случая на улице.

А. П. Ивашенцов

Имя его отца, Александра Петровича, в свое время пользовалось широкой известностью в охотничьих кругах нашей страны. Он работал по судебной части и в то же время был авторитетнейшим знатоком охотничьего дела. Александр Петрович создал свою особую рациональную систему охотничьего ружья-бескурковки, был убежденным сторонником малых калибров; его «тяжелые двадцатки» работы Тульского оружейного завода пользовались среди охотников большим успехом. Книга Ивашенцова «Бой и служба дробового ружья» являлась настольным пособием и справочником всякого серьезного охотника.

К нему со всех концов России поступали письма охотников с просьбой дать совет по тому или иному вопросу, но чаще всего относительно выбора и пристрелки для них охотничьих ружей. Александр Петрович никому не отказывал в этой безвозмездной услуге. Чуть ли не ежедневно можно было встретить его в стрельбище на Семеновском плацу, за пристрелкой доставленных магазинами по его выбору ружей.

За все время моего катанья в Юсуповом саду Александр Петрович был обязательным участником судейской коллегии во всех соревнованиях по фигурному катанью, в котором он был хорошим знатоком; здесь своей абсолютной объективностью он заслужил всеобщую признательность и уважение участников соревнований. А. П. Ивашенцов умер в 1913 году незадолго до назначенного им дня проведения опытов, которые должны были доказать бесспорное преимущество малых калибров охотничьих ружей перед большими.

В 1900 году в организационной работе Юсупова сада начал выдвигаться мой товарищ по университету Николай Николаевич Кузнецов. Он хорошо известен большинству советских фигуристов как опытный судья по фигурному катанью. Сперва Николай

Николаевич исполнял обязанности секретаря комитета и судейской коллегии и умел так быстро проверить судейские таблицы, вывести результаты и составить подробную сводную ведомость, что она не более как через час по окончании соревнования появлялась на стене у дверей комитетской комнаты, написанная четким, красивым почерком Николая Николаевича.

Н. Н. Кузнецов

Он был знатоком фигурного катанья, обладал ораторским даром, остроумием и поэтическим талантом, а главное — огромной работоспособностью, почему и был вскоре избран в члены комитета.

Николай Николаевич окончил курс Петербургского университета и служил в одном из учреждений государственного контроля, а впоследствии, после Октября, работал в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина; он принимал активное участие в работе городской секции фигурного катанья. Н. Н. Кузнецов умер в 1942 году в осажденном фашистами Ленинграде.

С уважением и благодарностью вспоминаю я и тех, кому мы, спортсмены-фигуристы, были обязаны всегда безукоризненным льдом, чистотой, удобствами и образцовым порядком в помещениях катка. Я говорю об артели рабочих Общества. Она состояла из 8—10 человек новоладожских крестьян-рыбаков, из года в год приходивших на зимний сезон на заработки в столицу и получавших в Обществе верную работу — места сохранялись за ними даже в наследственном порядке. Артель возглавлял староста Григорий Михайлович Архипов.

Ежедневно, даже при самых неблагоприятных климатических условиях, Григорий Михайлович со своей артелью приготовлял к 8 часам вечера для фигуристов отличный лед на площадке «академии». Тогда не было автомашин с движками и с цистернами; артель работала вручную метлами и скребками, а поливала лед водой из цветочных леек, достигая изумительных результатов.

Артель рабочих Юсупова сада за поливкой катка

Если в часы общего катанья был сильный снегопад, то члены артели непрерывно убирали снег метлами и движками, так что каток функционировал без перебоев.

Все члены артели были патриотами своего катка, гордились им и украшали его декоративными постройками изо льда и снега. Дети, посещавшие каток в утренние и дневные часы, всегда пользовались вниманием и, в случаях надобности, содействием любого из рабочих; это соответствовало семейному характеру Общества.

Приезжавшие на соревнования иностранцы отмечали благоустройство, удобства и спортивную направленность катка Общества. И когда Международный союз конькобежцев постановил разыгрывать ежегодно, кроме европейского первенства, также и первенство мира, то организация первого розыгрыша его в 1896 году как по скорости, так и по искусству была предоставлена России в лице «Петербургского общества любителей бега на коньках». Все это было результатом спортивного энтузиазма и патриотизма небольшой группы лиц.

Скоростные соревнования были проведены 25 и 26 января 1896 года на специально устроенной беговой дорожке на ипподроме Семеновского плаца, так как дорожка Юсупова сада ни по протяжению, ни по форме не отвечала требованиям международных правил соревнования.

Розыгрыш Всемирного первенства вызвал чрезвычайный интерес, и мы почти все время проводили тогда на том или другом катке Общества.

Одно из ледяных сооружений на катке

Очень сильное впечатление произвел на нас представитель Голландии Яап Эден, прозванный за свою скорость «летучим голландцем» и выигравший все четыре дистанции. Среднего роста, не очень молодой, с отлично развитой мускулатурой, он бежал своим особенным стилем, для которого была характерна почти полная бесшумность бега. Эден только «переваливался» с одной ноги на другую, как будто бы вовсе не отталкиваясь от льда, сравнительно очень частыми шагами даже на длинных дистанциях. При этом коньки, скользя, издавали только едва слышный звук вроде легкого свиста, но скорость хода была весьма высокой. Эдена долго массировали до и после каждой дистанции.

От России выступали тогда слабые скоростники; им пришлось довольствоваться местами не выше четвертого. Только один конькобежец с «Прудков» А. Папикин занял второе место на дистанции 500 метров с плохим временем — 52,8 секунды.

Само собой разумеется, что меня и моих товарищей гораздо больше интересовало первенство мира по искусству катанья. На него были записаны два иностранца: Густав Хюгель представлял Вену, Гильберт Фукс — Мюнхен.

Юсупов сад не имел к этому времени представителя, достойного претендовать на всемирное первенство, и его нашли на стороне, на Симеоньевском катке (Фонтанка, у цирка) в лице Г. Ф. Сандерса, о котором я уже упоминал как об одном из велосипедистов Царскосельского кружка. Впрочем, кандидатура его была не совсем удачной: Сандерс почти не занимался школьным, а еще менее произвольным катаньем в международном стиле; он

Участники соревнования на первенство мира по фигурному катанью 1896 г. Слева — победитель Фукс

совершенно самостоятельно разрабатывал и даже пытался систематизировать так называемое специально-фигурное катанье, в котором достиг весьма высоких результатов.

Он и был привлечен к защите интересов Общества, и А. П. Лебедев за две недели до соревнования взялся за его обучение и тренировку; успех от этого натаскивания был более чем сомнителен.

Кроме Сандерса из русских записался еще инженер-путеец Н. Г. Подусков, еще более слабый, чем Сандерс.

Интересной теперь для нас особенностью программы обязательных фигур в этом соревновании было полное отсутствие в ней как крюков, так и выкрюков; зато сложные восьмерки были представлены там полностью: и с тройками, и с двукратными тройками, и с петлями и со скобками всеми ходами! *

Фукс обладал уверенностью и чистотой движений, носивших, впрочем, несколько гимнастический характер. Хюгель, наоборот, во время школьного катанья был немного вял и катался как бы неохотно, с грустным выражением лица.

В произвольном катанье Фукс был бравурен и смел; здесь как по трудности, так и по разнообразию программы и по исполнению он стоял выше других. Выехав спирально назад наружу в красивой постановке тела, он показал затем наружный «кораб-

---

* Крюком называется фигура с поворотом конька на 180° в сторону закривления первой части линии скольжения, исполняемая строго на одном ребре конька; выкрюком — подобная же фигура с поворотом конька на 180° *против* закривления первой части линии скольжения (см. приложение, стр. 210).

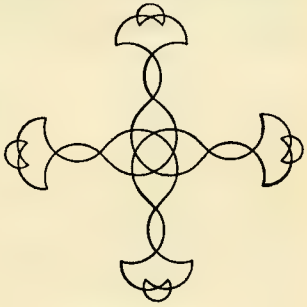
лик» с двукратной переменой фронта и заключительным прыжком «корабликом» с полным поворотом в воздухе; всевозможные пируэты — стоя и низкие; прыжок с полуторным оборотом в воздухе, чисто исполненный с приземлением на *вытянутую* ногу без поступательного движения и с немедленным переходом в волчок назад наружу; ряд комбинаций под музыку и прочее. Таково было спортивное содержание его программы.

В исполнении ее отсутствовали лишние, ненужные движения, все выглядело целесообразно и потому красиво. Фукс оказался победителем в обоих разделах.

Что касается Хюгеля, то он дал тоже красивую, но менее динамичную и менее трудную программу, слащаво исполненную под вальс Штрауса «Венская кровь». В его программе был только один замечательный номер: сложный пируэт, лихо начатый стоя на одной ноге, с переходом в низкий волчок, потом опять в стоячий пируэт, заканчиваемый 3—4 оборотами на носке.

Теперь, когда многие наши молодые фигуристы научились делать более трудные и сложные пируэты сплошь на носке конька, фигура Хюгеля никого бы не удивила. Но тогда она казалась поразительной. Он занял второе место в первенстве.

Сандерс и особенно Подусков были значительно слабее и в школе, и в произвольном катанье. Но когда дело дошло до специальных фигур, Сандерс оказался на голову выше всех и занял в этом разделе первое место.



Специальная фигура—крест с колпачком в виде полумесяца в каждой головке, за исполнение которой на первенстве мира 1896 г. присуждено I место

Хюгелю за его сложный пируэт присудили внепрограммную золотую медаль. Это обстоятельство впоследствии, в 1937 году, дало ему повод солгать в своих воспоминаниях, помещенных в газете «Нойе Фрейе Прессе», будто он вышел победителем в специально-фигурном состязании. Здесь повторился описанный выше случай с книгой Брокау.

Эти две фальшивки, пущенные в ход нашими «дорогими» гостями, перекликаются с бесконечным рядом общеизвестных фактов присвоения русских открытий и изобретений западными спекулянтами от науки и техники. Вспомним Попова и Маркони, Можайского и братьев Райт, Менделеева и Лотара Мейера и десятки других. В царские времена такие случаи плагиата проходили бесследно, никто не беспокоил себя защитой прав и чести русских великих людей, а уж о спортсменах и говорить нечего!

Но и частичный успех Сандерса не мог сгладить в глазах молодых фигуристов тот факт, что наши конькобежцы оказались совершенно неподготовленными к мировому первенству.

Надо было что-то делать, действовать!

VII. ПЕРВЫЕ МОИ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПО ФИГУРНОМУ КАТАНЬЮ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ШКОЛЫ ПОД МОИМ РУКОВОДСТВОМ

Результат соревнования 1896 года вызвал во мне, тогда начинающем фигуристе, глубокое разочарование и досаду. Как! После триумфа 1890 года так забросить спортивную работу, чтобы не найти к мировому первенству ни одного своего мало-мальски подготовленного конькобежца! Я винил в этом Комитет, не сумевший организовать учебную работу. Да это и было так на самом деле: руководство Общества не думало о славе и чести русского спорта. Тогда же я твердо решил работать и работать над собой, чтобы добиться такого же, как Сандерс, совершенства в специальных фигурах: мы считали их самым трудным разделом. Были же у нас Паншин, Лебедев и Дьяков, значит мы можем и должны быть не хуже, а лучше иностранцев.

Эта международная встреча фигуристов после шестилетнего застоя произвела очень сильное впечатление на многих юсуповцев. Под нажимом общественности зашевелился и Комитет. В результате была организована учебная работа в «академии», где по вторникам и пятницам с 8 до 10 часов вечера стали вести занятия А. П. Лебедев, Н. И. Кревинг-Кедров, тут же тренировался и Паншин. В этой школе получали элементарный инструктаж молодые конькобежцы — А. Д. Морозов, С. В. Палехов, А. А. Гопп, я и другие.

Уже в том же 1896 году в результате занятий с А. П. Лебедевым я, хотя и оставался новичком, начал заметно выделяться из группы сверстников, преимущественно в области пластики и грации движений, а затем и в технике их.

Паншин, которому в это время шел 39-й год, уже давно, с 1890 года занимавшийся понемногу фигурным катаньем, был технически лучше подготовлен и возбудил в Комитете вопрос об организации в сезоне 1896/97 г. состязания на звание «Лучшего конькобежца России по искусству».

Вопрос разрешился благоприятно, и на первые числа февраля 1897 года был назначен розыгрыш первенства России. В тот же день должно было состояться еще одно состязание для тех, кто еще не выступал в Юсуповом саду; в этом состязании собирался впервые выступить и я.

В те времена программа школьных фигур для соревнований объявлялась в начале сезона, и я усердно готовился к своему первому выступлению. Особенное опасение внушала мне одна из школьных фигур, кстати сказать, теперь не применяемая в соревнованиях: эта была восьмерка с одной двукратной тройкой в первой половине восьмерки. У всех товарищей по школе, в том числе и у меня, вторая часть выходила чуть не вдвое меньше первой; нам, как мы ни бились над этой фигурой, нехватало хода после двух троек. Между тем, срок соревнования приближался. Наша

встреча превратилась в междугородное соревнование: поступила запись от Юрьевского клуба конькобежцев на участие их чемпиона Римера.

В те времена, как я уже говорил, многие представители даже интеллигентных слоев общества, в том числе и ряд моих товарищей по университету, относились к занятиям спортом неодобрительно и с насмешкой. Поэтому я решил скрыть свою фамилию под псевдонимом, что было тогда в большой моде среди спортсменов.

Читатель вспомнит, что весной 1896 года мой друг Сережа Крупский был вынужден оставить занятия велосипедным спортом. Когда пришло мое время выступать на спортивной арене, он посоветовал мне унаследовать его псевдоним «Панин», как счастливый: ведь он не проиграл с ним ни одной гонки; кроме того, псевдоним имел отношение и ко мне как к тренеру Сергея. Я согласился, и на афише, извещавшей о соревновании, появился никому неизвестный «Панин, СПБ КЛС» (я был тогда членом «Петербургского кружка любителей спорта»).

Самыми сильными соперниками моими были упомянутый юрьевец Ример и А. Д. Морозов из «Кружка любителей спорта»; кроме них было записано еще несколько петербуржцев, всего — семеро.

Я уже тогда без чьих-либо указаний понимал, как важно заранее изучить и использовать все условия, в которых должно пройти предстоящее соревнование. Еще на тренировках, мучаясь над указанной восьмеркой с двукратной тройкой, я заметил, что в середине большого пруда, где обычно проходят соревнования, лед имеет едва заметный уклон во все стороны, от возвышавшегося неподалеку фонтана по направлению к туфовой скале. С этой минуты восьмерка меня более не страшила.

На соревновании я проделал некоторые фигуры не хуже Римера, а петлю вперед внутрь намного лучше. Когда же дошло дело до восьмерки, я начал ее близ фонтана в направлении к нему, а на перетяжке меня так понесло под гору, что вторая часть фигуры получилась как раз требуемой огромной величины, и я слышал, как кто-то из судей сказал: «Вот это так!»

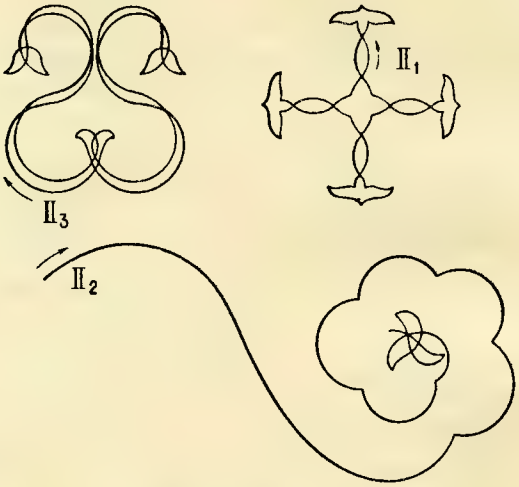
Произвольное катанье и три оригинальные специальные фигуры совсем закрепили мое преимущество; я набрал 88,1% наивысшей оценки. Ример получил второй приз, Морозов — третий.

Соревнование на первенство России прошло без особого интереса, так как у Паншина конкурентов не было, и звание лучшего конькобежца по искусству катанья он выиграл без борьбы, получив 81,4% наивысшей оценки.

Паншин импонировал зрителю смелостью своего очень высокого, но совсем простого троечного прыжка с полуоборотом в воздухе с большого разбега (он даже называл это «полетом») и динамикой своего катанья, но ничего технически трудного в программе его не было. Кроме того, около двух минут из положен-

ных пяти Паншин посвятил танцам: он исполнял очень хорошо, но немного однообразно, без фигур, мазурку, матросский танец, «джигу» на носках и пятках коньков без скольжения, и, наконец, русский трепак с присядкой. По существу, все это нельзя было назвать фигурным катаньем, но танцовал он «с огнем», это нравилось публике, и успех его был обеспечен.

В начале марта 1897 года мне пришлось вторично выступить в соревновании, на этот раз на звание чемпиона «Кружка любителей спорта». Оно состоялось на катке кружка на Ждановке против того места, где теперь стадион имени Ленина. В программе была очень трудная для меня по тому времени фигура — петли



Мои специальные фигуры 1897 г.

назад наружу. Я много над ней потрудился. Моим единственным соперником был Сережа Палехов, которого я без особого труда оставил на втором месте. Мне была присуждена медаль чемпиона.

Так упорная работа над собой принесла успех. Псевдоним мой вскоре получил некоторую известность и в дальнейшем остался за мной на всю жизнь, а впоследствии был официально присоединен к моей фамилии.

Студенческих спортивных обществ тогда не существовало, и я мог выступать только в клубах других организаций. Таким образом, я участвовал в соревнованиях фигуристов 1898—1900 гг. в «Петербургском кружке любителей спорта» (КЛС) и трижды выиграл звание чемпиона кружка. В Юсуповом саду выступал под флагом КЛС в соревнованиях младших, потом старших конькобежцев, а также в несмешанном парном катанье с А. Н. Паншиным и во всех случаях выходил на первое место.

В 1898 году, в отличие от предыдущего года, у Паншина уже появились соперники — А. Д. Морозов и москвич С. Н. Шустов, видный гребец.

В том же 1898 году Паншин выступил и на международном соревновании в Вене. Так как он никогда еще не участвовал в международных соревнованиях в качестве фигуриста, то имел

А. Н. Паншин-фигурист

право записаться по разряду новичков, где и одержал блестящую победу.

Пренебрежение учебно-спортивной работой в предыдущие годы привело к отсутствию в Обществе достаточного числа подготовленных конкурентов на звание чемпиона страны, и в 1899 году Паншин снова был вынужден бороться за первенство без соперников. Набрав больше $^2/_3$ максимально возможного количества баллов, он удержал за собой звание чемпиона. Того же он добился и в 1900 году против довольно слабых противников — Гоппа и Подускова.

Группа моих учеников в 1899—1900 гг.

Кроме участия в соревнованиях, я начал заниматься и судейской работой. Здесь следует сказать о том, как комиссия Общества по состязаниям готовила кадры судей. Она немедленно привлекала к судейской работе каждого фигуриста, показавшего на соревновании хорошие достижения. Конечно, на первый раз такой судья-новичок обслуживал соревнования только самых младших разрядов. Таким образом, и я, уже на другой год после первого удачного выступления в Юсуповом саду, вошел в судейскую коллегию на двух состязаниях 1 и 13 февраля 1898 года для трех юношеских разрядов. В старших разрядах и на чемпионатах судили, конечно, более опытные лица — Срезневский, Лебедев, Ивашенцов, Кревинг-Кедров, Сандерс, приезжие представители иногородних и иностранных клубов, принимавшие участие в соревнованиях.

Уже после первой победы в 1897 году я начал обучать фигурному катанью младших конькобежцев в Юсуповом саду. Первыми моими учениками были гимназист Е. Г. Тягельский, впоследствии юрисконсульт Ленинградского «Динамо» и известный стэндовый стрелок, А. Г. Росс, И. И. Биркин, А. Г. Лангер, А. С. Казимиров с Охтенского завода — единственный рабочий в нашей компании, К. А. Олло, ставший в дальнейшем чемпионом России по фигурному катанью, и другие.

Школа работала весьма успешно. Особенно выделялись Росс, Тягельский, Биркин, Олло. Все они удачно выступали в 1898—

1901 гг. сперва в разряде юношей, потом новичков и, наконец, взрослых младшего разряда.

Так постепенно, в результате упорной работы над собой, я, недавний ученик школы фигурного катанья, сам стал тренером-общественником. Работу по воспитанию новых спортивных кадров я рассматривал как свой долг перед отечественным спортом, и эта работа приносила мне большое удовлетворение.

VIII. ЧТО ПРОИСХОДИЛО ВНЕ ЮСУПОВА САДА

Взглянем на то, что происходило во второй половине 90-х годов в спортивном мире за решетками Юсупова сада. Если в первой половине этого десятилетия создавались только единичные, преимущественно аристократические и буржуазные, более или менее замкнутые организации, например лаун-теннис клубы, вроде Лахтинского «Клеверного листка» (1891 г.), «Парголовского общества любителей лаун-тенниса» (1893 г.), «Крестовского клуба» (1895 г.), то с 1895 года начал ускоряться численный рост более доступных кружков любителей таких спортивных игр, как футбол, а вскоре и хоккей.

Насколько помнится, первая в Петербурге игра в футбол состоялась около 1892 года в антракте между велосипедными гонками на Семеновском ипподроме, в которых участвовал наш знаменитый конькобежец А. Н. Паншин, победивший тогда приезжего из Англии энглизированного финна Турунена. Но эта игра носила случайный характер. Лишь с 1895 года установилась систематическая практика игры в футбол. Этот факт в известной степени стоит в связи с политической жизнью тех лет.

Как известно, именно в это время началось заметное нарастание революционного движения среди рабочих масс: с 1895 по 1899 гг. бастовало по неполным данным свыше 200 тысяч рабочих. В 1895 году В. И. Ленин объединил в Петербурге около 20 марксистских кружков в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» и предложил перейти к широкой политической агитации среди рабочих масс. В страхе перед надвигавшейся революцией царское правительство и буржуазия стали изыскивать всевозможные средства для отвлечения трудящихся от революционной деятельности. Именно в этих целях буржуазия обратила свое особое внимание на игры в футбол и хоккей как на наиболее увлекательные виды спорта.

Представители спортивной буржуазии начали создавать спортивно-игровые клубы, стараясь объединить в них под своим влиянием не только мелкобуржуазную молодежь, но и рабочих. Само собою разумеется, что руководство этими буржуазно-демократическими организациями оставалось в руках богатых или влиятельных людей и ревниво оберегалось от попыток революционно настроенных лиц овладеть им.

К 1897 году в Петербурге существовало уже несколько таких организаций: Петербургский футбольный клуб «Виктория», команда «Петербургского кружка любителей спорта», «Петровский футбол-клуб» и другие. В 1898 году в «Кружке любителей спорта» начали культивировать и бытовавший среди народа хоккей. К началу 1900 года в Петербурге насчитывалось около 15 футбольных и 8 хоккейных организаций.

В ножной мяч и в «клюшки» русский народ играл с незапамятных времен. Уже при Петре I «клюшки на льду» не были новостью. Известно, что еще в 60-х годах XIX века у нас увлекались этой игрой, применяя твердый резиновый мяч. После того, как однажды таким мячом выбили глаз одному из игроков, в Петербурге «клюшки» были запрещены полицией. В других городах России эта игра продолжала культивироваться, а в Петербурге она возродилась только в конце века под именем «хоккея». В основу правил были положены освященные обычаем неписаные законы народной игры в «клюшки».

В то время начали возникать и самостоятельные спортивные демократические кружки, ставшие к началу XX века особенно многочисленными. Они долгое время не могли добиться утверждения их уставов, некоторые так и не добились этого, а иные даже не пытались получить устав и существовали «явочным порядком». Их-то членов и старались завербовать к себе буржуазно-демократические организации заманчивыми перспективами заниматься спортом на значительно лучше оборудованных спортивных базах. Одновременно они всячески препятствовали самостоятельной деятельности безуставных демократических кружков, а царское министерство внутренних дел с большой строгостью относилось к утверждению уставов, делая исключение лишь для таких организаций, руководство которых являлось с точки зрения министерства вполне благонадежным. Это мешало развитию русского демократического спорта.

Как я уже сказал, русские «клюшки» возродились в 1898 году в «Петербургском кружке любителей спорта». Я был тогда студентом и участвовал в первой игре кружка против команды, состоявшей из англичан, главным образом членов «Крикет и лаун-теннис-клуба». В этот клуб входили проживавшие в Петербурге британцы разных профессий и социальных положений — от конторских служащих до владельцев промышленных предприятий. Встреча состоялась на «Северном катке», который был устроен юсуповцами на велодроме «Общества велосипедистов-любителей» в целях иметь беговую дорожку, соответствующую международным правилам, а также дать возможность учащемуся юношеству Петербургской Стороны кататься за недорогую плату в хороших условиях.

Англичане играли тонкими, гибкими камышовыми палками с нетолстыми загнутыми и обтянутыми кожей концами, стегая ими по мячу, как хлыстами. Их точная передача и атаки всем фрон-

том на первый раз заставили нас испытать поражение. Они готовились к этому матчу, а мы даже еще не владели техникой игры и были совсем новичками. Однако эта неравная борьба побудила нас энергично взяться за работу. Техника игры была нами скоро освоена, и англичанам недолго пришлось торжествовать: в конце того же сезона, обзаведясь хорошими палками, мы уже взяли у них первый реванш.

Проникнув вскоре в Юсупов сад, хоккей постепенно увлек многих, в том числе обоих Паншиных, Кревинга-Кедрова и некоторых других фигуристов, а также ряд моих учеников. Не ушел от соблазна и я и некоторое время не только играл в хоккей, но и судил игры между клубами.

Стараниями Кревинга-Кедрова, избранного капитаном, команда Юсупова сада, благодаря участию фигуристов, в совершенстве владевших коньками, так подняла класс своей игры, что вскоре стала сильнейшей в Петербурге и в России. Например, встречу с командой Выборга в 1900 году она выиграла со счетом 3 : 0, тогда как «Кружок любителей спорта» проиграл выборжцам (0 : 2); в 1901 году она снова выиграла у Выборга (4 : 2), а в 1905 году уже разгромила его со счетом 17 : 0. Команда Юсупова сада надолго сохранила свою гегемонию на хоккейном поле, побеждая и упомянутую команду англичан, и вновь возникавшие при футбол-клубах хоккейные команды ниточных мануфактур, где было много англичан и шотландцев, и русские команды «Кружка любителей спорта», «Нарвского кружка спортсменов» и др.

Уже в то время мы пришли к выводу, что в любой новой для нас отрасли спорта мы можем и должны быть не хуже, а лучше иностранцев.

О дальнейшем пути развития русского хоккея я расскажу в одной из следующих глав II части.

IX. УЧАСТИЕ В ГРЕБНОМ И ПАРУСНОМ СПОРТЕ

Как видно из предыдущих глав, я занимался в студенческие годы зимой фигурным катаньем на коньках, а летом предавался велосипедной езде, легкой атлетике, игре в футбол и лаун-теннис, а также стрельбе из пистолета. Но этим мои спортивные увлечения не ограничивались. В 1897—1899 гг. к ним присоединилось участие в гребных гонках и парусном спорте.

В те годы я бывал иногда в Воронеже и проводил время в обществе родственной мне семьи Федяевских. Двоюродная сестра моего отца Е. В. Веретенникова была замужем за главным врачом Воронежской больницы К. В. Федяевским. Она была передовой женщиной, прекрасно воспитавшей своих детей — четырех сыновей и трех дочерей. Среди них были и мои сверстники; вся семья с детства была в дружеских отношениях с нами.

На даче у Федяевских, в семи верстах от города, на Дону, постоянно жили несколько близких им семейств, в том числе автор известных учебников математики А. П. Киселев, адвокат В. И. Шауров и другие. У всех были дети, к ним приезжали и приходили товарищи и подруги — одним словом, в молодежи там не было недостатка.

Среди моих сверстников выделялись Ваня Федяевский и Володя Киселев, ставшие потом боевыми флотскими офицерами; П. Е. Щеголев, впоследствии редактор журнала «Былое» и разоблачитель Долгорукова — автора анонимных писем Пушкину, Володя Шауров и другие.

Как петербуржец и спортсмен, я приобрел там некоторое влияние на молодежь и использовал его для пропаганды спорта. Мне удалось вовлечь в спортивные занятия и девушек, и часть старшего населения этой колонии.

В результате мы основали «Донской кружок любителей спорта», культивировавший главным образом водный спорт и отчасти легкую атлетику. Это был безуставный «дикий» кружок, который, впрочем, нельзя причислить к тем демократическим «диким» кружкам, которые в изобилии возникали в те годы в противовес «солидным» буржуазным клубам. В комитет его вошли А. П. Киселев, В. И. Шауров и хирург Г. А. Гончаров. Кружок провел несколько соревнований в беге, прыжках, метаниях, а также мужские и женские гребные гонки. Одна из них мне особенно памятна.

Ваня Федяевский и Володя Киселев, студенты-математики, решившие по окончании Петербургского университета идти в морскую службу, плавали в то лето волонтерами на военном учебном судне в Балтийском флоте; их приезд на дачу ожидался в скором времени, а мы с Володей Шауровым тренировались пока на Дону в прогулочной распашной гичке.

Имея уже порядочный опыт в этом деле, я посадил Володю на бак и требовал от него такого равнения по мне, чтобы поставленный на корме голый флагшток во время гребка не подавался ни вправо, ни влево, т. е. чтобы лодка шла совершенно прямо — мы гребли без рулевого. Дистанцию в 2 версты с поворотом мы прогребали ежедневно, иногда и не раз, и вошли в очень хорошую форму. Но все считали, что когда приедут «флотские», то они блеснут своей морской выучкой и, конечно, покажут нам «перцу».

И вот они приехали. Лодка была одна, и гребли обе пары по очереди, на время. Жребий начинать выпал морякам, и они прошли дистанцию, как казалось зрителям, в неплохое время, показав безукоризненную согласованность и чисто военную четкость движений. Почти вся взрослая публика держала пари за «флотских», и только А. П. Киселев ставил за нас, так как более внимательно наблюдал раньше нашу греблю.

Потом пошли мы и опередили моряков больше чем на полминуты.

Рыбачьи суда идут на фордевинд

Не могу без улыбки вспомнить тех гонок, на которых гребли девушки. Я был у них обычно рулевым, и по случаю очень жаркой погоды в мои обязанности входило на ходу черпать кружкой воду за бортом и плескать им в лицо: это доставляло им облегчение и повышало скорость лодки.

Кружок просуществовал только два летних сезона: с прекращением моих наездов в Воронеж и с уходом И. Федяевского и В. Киселева во флот он зачах...

Лето 1899 года особенно запомнилось мне своими водно-спортивными событиями.

6 июня я видел редкое для меня зрелище в Стрельне: народную парусную гонку рыбачьих судов — сойм или лайб, устроенную одним из парусных клубов в целях совершенствования техники парусного дела среди рыбаков. Эти суденышки вооружались обычно двумя одинаковой длины мачтами, каждая с парусом вроде грота с упрощенным рангоутом: обычные гафель и гик заменялись здесь одной диагональной реей, идущей от переднего нижнего угла паруса к заднему верхнему *. Когда лайба идет фордевиндом, оба паруса стоят, как крылья бабочки, с каждой стороны судна, и когда лайб много, то это выглядит очень красиво. Владельцы этих лайб, жители острова Сескари и Лавен-Саари или финского побережья, смелые моряки; они во всякую погоду доставляли рыбу на петербургские рынки.

---

* Так называемое шпринтовое вооружение.

Другое интересное событие — это гонки академических четверок двух гребных клубов.

Первая встреча их состоялась 20 июня на Малой Невке у «Гребного общества» (теперь водная станция ДСО «Красное знамя»). Выступала четверка этого Общества во главе с загребным Э. Г. Фолленвейдером и четверка «Речного яхт-клуба» с загребным «Черновым»-Шварцем. Оба они уже знакомы читателю.

«Гребное общество» пользовалось тогда славой сильнейшего клуба гребцов в Петербурге; спортивная дисциплина и учебно-тренировочная работа были поставлены там хорошо. «Чернов» задумал создать в «Речном яхт-клубе», где гребной спорт не стоял до тех пор на большой высоте, такую сильную и притом чисто немецкую команду, которая разбила бы репутацию «Гребного общества» как сильнейшего.

Об усиленной тренировке яхтклубистов и их намерениях знали все; они поставили себе целью выиграть почетный переходящий приз — «Невский кубок». Обе стороны тщательно готовились к решительной схватке, и спортивный мир не только Петербурга, но и Москвы, с большим интересом ждал ее результатов.

Важно отметить, что методы тренировки команд были разные. «Чернов» подготовлял своих гребцов по тому же принципу, как тренировался сам на велосипеде: работать каждый день во всю силу и как можно больше. В гребном же обществе старшим инструктором и тренером-любителем был мой друг О. А. Шмунк, придерживавшийся тех же методических приемов, которые мы вместе с Крупским, Дьяковым, Репинским выработали опытным путем (об этом рассказано в главе IV).

«Невский кубок» должен был стать трофеем победителей только 27 июня, и гонка 20 июня являлась как бы предварительной пробой сил.

С вышки здания «Гребного общества» был прекрасно виден весь ход соревнования. Вот у пристани та и другая команды садятся в лодки и одна за другою уходят на старт вверх по реке к Каменноостровскому мосту. Яхтклубисты одеты в голубые майки (тогда говорили «фуфайки»), их противники — в черные. За ними следуют два пароходика с членами гоночной комиссии, чтобы наблюдать за каждой из двух четверок в ходе борьбы.

Дали старт, и через несколько минут в бинокль уже видно, что черная четверка ведет, и чем ближе подходили лодки, тем больше отставала голубая. Наконец, перед зданием Общества блестящий финиш его четверки принес заслуженную победу.

Через неделю произошла главная встреча соперников на Средней Невке с финишем против «Речного яхт-клуба». «Яхтклубисты» думали взять реванш, но результат не изменился. «Невский кубок» достался «Гребному обществу», половина команды которого по совместительству состояла членами и в «Петербургском кружке любителей спорта».

В Финском заливе в слабый ветер

22 июля 1899 года по приглашению Маршаловых мне довелось принять вместе с ними участие в морской гонке «Невского яхт-клуба». Эта гонка ярко показала, какое огромное значение имеют смелость, настойчивость и сила воли в спортивной борьбе.

Мы приехали в Петергоф на велосипедах поздно ночью. Гавань клуба представляла собой деревянное сооружение на сваях, расположенное в некотором отдалении от берега в форме огромной скобки, обращенной вогнутой стороной к берегу. На высоком помосте высилась башня и сигнальная мачта с флагом клуба.

Между этим сооружением и берегом на швартовах стоял ряд больших и средних яхт, кормой к земле, а носом к пристани. Оставив машины в сторожке на берегу, мы переправились на тузике на яхту. Это была «Ленора» — большое судно около 36 футов по ватерлинии. Спустившись в каюту, мы улеглись спать по койкам. Погода стояла еще ясная, но дул такой крепкий норд-вест, что непрерывный вой и свист стоял в снастях судов. Не успели мы поспать вволю, как с палубы раздался громкий голос Николая Маршалова. Взглянув вверх, я увидел сквозь открытый люк его мощную фигуру; он стоял ярко освещенный утренним солнцем у края люка в одной рубашке, которая развевалась по ветру точно флаг в бурю. Его призыв звучал, как труба.

Мы быстро оделись и приступили к подготовке яхты. Старт был назначен на 8 часов утра.

Предстояла гонка на императорский приз — дубовый ящик со столовым серебром. Курс гонки шел от гавани «Невского яхт-клуба» в Петергофе до бочки у Кронштадта, оттуда на Лисий Нос, обратно в Петергоф и вторично по тому же курсу. Сверх того назначены были гонки и для судов меньших размеров, в том числе для военно-морских катеров.

Но погода быстро портилась, ветер усилился и доходил до силы шторма. Старт отложили сначала до 9 часов, а потом до 10, до 11. Никто не хотел выходить в море. Только военные катера, взяв рифы, прошли свою дистанцию, заливаемые пеной огромных волн. Тогда и наша команда решилась во что бы то ни стало выполнить задание. Нашелся еще один любитель сильных ощущений, известный в те времена картограф А. А. Ильин. Он шел на большой яхте «Призрак».

Готовясь к этой гонке, мы догадались спустить на «Леноре» стеньгу и вместо грота с гафелем и гиком подготовить к постановке штормовой трисель. Этим мы получили большое преимущество. «Призрак» стеньги не спустил и поставил грот, хотя и сильно зарифленный. Экипаж «Призрака» состоял из командира и пяти профессиональных матросов; у нас же, кроме одного матроса Югана, были только любители.

Когда буксир вывел яхты из гавани, мы с огромным трудом подняли трисель — так сильно прижало его ветром к стоячему такелажу *. Идти к Кронштадту приходилось в бейдевинд, и первая же волна перекатилась через палубу, обдав всех нас с ног до головы. Но ничего не поделаешь, надо было работать на поворотах оверштаг **, дела хватало на всех.

На одном из поворотов я, перешагнув через лежавший на палубе кливершкот, не успел перенести через него другую ногу, как парус забрало ветром и так поддало меня шкотом кверху, что я вылетел бы за борт, если бы не успел уцепиться за вантину.

Волна была огромная. Когда «Ленора» опускалась носом в провал между двумя волнами, следующая покрывала ее и перекатывалась через палубу, выливая на нас потоки воды. Это повторялось с правильностью часового механизма. Некоторых начало укачивать, кое-кто из нашей команды вышел из строя, но на меня качка не действовала.

Уже больше половины пути до бочки у Кронштадта осталось позади, «Призрак» шел где-то далеко за нашей кормой, как вдруг раздался чей-то крик: «В каюте вода!» ... Я бросился вниз. Каюта была на полметра залита; в этом бассейне плавали каютный трап, наши свитера, пиджаки и пальто. Из ящиков под койками, которые забыли запереть, вывалились тарелки, ружейные

---

* В отличие от бегучего такелажа так называются постоянные неподвижно закрепленные пеньковые и проволочные снасти — штаги, ванты, бакштаги и пр.

** Поворот на другой галс с приведением судна к ветру.

патроны, белье, маленький самовар, какие-то книги... Двери в матросскую каюту распахнулись, и было видно, как через каждые полминуты из открытого переднего люка вливается сразу ведер тридцать воды. Полная картина крушения. В чем дело? Почему открыт люк на баке? Бросились к помпам, качаем в полную силу, но вода все прибывает. Крышку люка, видимо, смыло волной, остановить потоки воды от каждой перекатывающейся через палубу волны нет никакой возможности.

Пришлось отдать трисель-шкот, спуститься под ветер и бросить гонку...

Но лишь только яхта повернула обратно и «Призрак» уже прошел нам навстречу, как Юган закричал: «Крышка от люка!» и с торжеством поднял запутавшуюся в снастях на баке крышку. Быстро пробили в ней дырку и прикрепили каким-то «концом» к подведенному снизу к люку флагштоку. Люк оказался задраенным, но шансы на победу, казалось, ускользнули от нас. Однако мы воспрянули духом, повернули опять в бейдевинд, быстро откачали воду и вновь пошли навстречу волне, нырять и мокнуть.

А «Призрака» уже снова не видно: водяные громады вздымались вокруг, а в такую волну горизонт сильно суживается. Только приближаясь к Кронштадту, мы, наконец, его увидели. Он шел левым галсом прямо на бочку. Через несколько минут мы с торжеством убедились, что ему этим галсом на поворот за бочку не выйти!

И действительно, дважды пришлось ему отдавать кливер и стаксель-шкоты к повороту, пока он не обогнул бочку и лег в бакштаг на Лисий Нос.

Мы прошли бочку значительно позже, но на полном ветре заметно догоняли соперника.

Вышло солнышко, волна была попутная, и хотя ветер не ослабевал, можно было растянуться на палубе, обсохнуть и отдохнуть под живительными лучами: шли все время одним галсом, делать было уже нечего, с работой справлялся один рулевой с Юганом.

Наш Юган работал с удивительным проворством и бесстрашием. Когда мы шли еще бейдевиндом, ему пришлось полезть на бушприт, чтобы там что-то закрепить или распутать. Вцепившись в снасти, как кошка, Юган, вместе с форштевнем глубоко погружался в воду. Он только отфыркивался, когда среди бурной пены вылетал вместе с бушпритом из воды вверх.

Далеко не доходя до Лисьего Носа, мы потихоньку обошли «Призрак», приветливо помахав его экипажу концами. После поворота у Носа, мы снова пересекли залив и бешеным ходом в полветра подходили к гавани «Невского яхт-клуба», как вдруг увидели на мачте сигнал «Войти в гавань, продолжение гонки отменяется».

Приз был взят. Мы испытали чувство глубокого удовлетворения: наша настойчивость и решительность преодолели все препятствия и мы достигли намеченной цели.

Много раз на своем жизненном пути, на опыте моем и моих сверстников я убеждался, что ценные физические и моральные качества, воспитанные в спорте, находят затем широкое применение в трудовой и боевой обстановке.

* * *

Виденное и пережитое в описанный период моей спортивной жизни (80-е годы — конец XIX века) приводит к выводу, что спорт в царской России в то время носил чисто классовый характер, обслуживая преимущественно аристократию и буржуазию. Но с каждым годом, в особенности в конце столетия, усиливались демократические тенденции в спортивном движении, и все больше выявлялась потребность народных масс в физической культуре и спорте.

Однако эти стремления нашли свое более широкое осуществление лишь в конце следующего десятилетия и преимущественно в форме быстрого развития спортивных игр, о чем я расскажу во второй части своих воспоминаний.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XX ВЕКА

X. НАЧАЛО НОВОГО ВЕКА. МОЯ ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ИНОСТРАННЫМИ ФИГУРИСТАМИ

Окончив университет по отделению физической химии, я должен был остаться при нем для дальнейшей научной работы. Но семейные обстоятельства заставили искать заработка: оставленные при университете не получали тогда ничего, пока не назначались на штатные должности, а это бывало нескоро.

Мне предложили работу в финансовом ведомстве по департаменту окладных сборов, где после небольшого стажа при Петербургской казенной палате я мог получить место податного инспектора. Я принял предложение и поступил в палату, а через год был назначен сперва помощником инспектора, а потом инспектором Царскосельского уезда.

В этой бюрократической среде, не исключая и инспекторов, в которые за редким исключением попадали люди только с высшим образованием, господствовал весьма пренебрежительный взгляд на спорт и спортсменов, взгляд, граничивший с презрением. Мне долгое время приходилось переносить от сослуживцев иронические улыбки, намеки, а иногда и прямые насмешки.

Между тем, начало нового столетия наложило на спортивное движение в России свой отпечаток. После 1900 года буржуазные реакционные силы в спортивном движении, в связи с общим нарастанием революционного настроения среди рабочих и интеллигенции, уже пытались мешать самому существованию «диких» демократических кружков — сперва отказом им в материальной помощи, а затем и мерами полицейского воздействия. Так было, например, с «Екатерингофским кружком любителей спорта», организованным рабочими Путиловского завода и вынужденным прекратить свою деятельность из-за недостатка средств и ареста наиболее активного из его руководителей.

Одновременно начинаются попытки объединить буржуазное спортивное движение в лиги, чтобы через устройство общегородских и областных соревнований вовлекать в эти лиги и подчинять своему господству возникающие «дикие» безуставные кружки. «Петербургское общество любителей бега на коньках» уже в 1900 году впервые поднял вопрос об организации Всероссий-

ского союза конькобежцев. Дело это тянулось долго и успехом не увенчалось; правительство лишь значительно позже стало разрешать создание организаций, распространяющих свою деятельность на всю страну.

В 1901 году возникла первая в России лига спортивных клубов, а именно Петербургская футбольная лига под руководством идеологов буржуазного спорта Дюперрона, Шинца, Гомилиуса *. По мере приближения к 1905 году борьба между буржуазным руководством и демократической частью спортивных организаций все более обострялась и иногда доходила до такого напряжения, как резкий конфликт в «Удельнинском кружке любителей спорта» в 1904 году, окончившийся расколом организации.

Правление кружка составляло команды для выступлений в матчах по своему усмотрению из угодных ему лиц, не считаясь с относительной спортивной подготовкой кандидатов и мнением игроков. В результате споров и бурных протестов со стороны массы все правление и часть примыкавших к нему членов кружка были вынуждены из него выйти. Они образовали другой кружок «Надежда» в Шувалове, и только через несколько лет, в 1911 году, оба кружка воссоединились под именем спортклуба «Унитас» (по-латыни «единение»), ставшего одним из сильнейших футбольных клубов.

Но сквозь решетку Юсупова сада до рядовых фигуристов доходили лишь слабые отзвуки того, как руководство спортивных клубов пыталось усилить свою роль путем установления официальных спортивных связей между клубами. Мы считали, что нашей главной целью является совершенствование личного мастерства и таким путем — подъем русского спорта.

В то же время руководство наиболее богатых буржуазных организаций начало интересоваться успехами своих представителей в спортивной технике, посылать их за границу на международные соревнования и приглашать к себе иностранных гостей-спортсменов для соревнований с ними. Так состоялась в 1903 году поездка за границу лучших игроков «Крестовского лаун-теннис-клуба» Г. В. Брэя и А. П. Петрококино; участились заграничные крейсерские плавания парусных яхт и участие их в международных гонках. Были проведены и наши встречи с чемпионами мира по фигурному катанью в 1901 году, соревнование на мировое первенство 1903 года в Петербурге и моя поездка в 1904 году в Швейцарию.

Зимой 1901 года я почувствовал, что достаточно подготовлен для выступления на первенство России, и «Кружок любителей спорта» записал меня на это соревнование **. Ожидавшаяся

---

* В. Л. Гомилиус, главный бухгалтер одной из торговых фирм, был председателем футбол-клуба «Коломяги».

** Обязательные фигуры были: № 9 *а* и *б*, 22 *а* и *б*, 31 *а* и *б*, 32 *а* и *б*, 37 *а* и *б*, 38 *а* и *б* (см. приложение стр. 210).

встреча с Паншиным не состоялась, и моим противником был один только А. А. Гопп. Он катался красивее Паншина, но тренировался с ленцой и потому был технически слабее меня. В результате, 4 февраля, когда дело дошло до старта, Гопп просто не явился, и мне пришлось «вырабатывать» $^2/_3$ максимальной оценки всех упражнений. Соревнование оказалось лишенным всякого интереса.

Сейчас, в наши дни всенародного развития физической культуры и спорта, когда любое соревнование проходит в упорной борьбе многих участников, странно читать о таком первенстве страны, которое оспаривал... один человек! Но именно так мало было распространено фигурное катанье в дореволюционной России.

С другой стороны, этот факт еще раз показывает, в каком пренебрежении тогда находилась учебно-спортивная работа. Тогдашние руководители спортивных организаций предпочитали привлекать молодежь больше к елочным праздникам, маскарадам и простому катанью подручку с дамами, чем к спорту.

Золотая медаль чемпиона России

Покрыв на «соревновании» норму в $^2/_3$ максимальной оценки с избытком, я получил большую золотую медаль с венком и звание лучшего конькобежца России. Судя по газетным отзывам, мои школьные фигуры отличались очень большим размером. А в произвольном катанье я стремился к овладению художественной стороной его — пластикой, грацией и динамикой движений, ритмом, контрастностью их и связностью общего построения программы из разнообразных элементов. Я добивался того, что мне внушал когда-то Лебедев, бывший теперь в числе моих судей.

В это время пришло известие, что 11 февраля в Гельсингфорсе состоится международное соревнование с участием двух чемпионов мира — Фукса, уже знакомого нам по мировому первенству 1896 года, и новой знаменитости — молодого шведского фигуриста Ульриха Салькова, победившего вéнца Хюгеля и только что, неделю назад, встретившегося с Фуксом в Стокгольме на первенстве мира.

Стокгольмское соревнование прошло в странных условиях: в нарушение правил соревнований там было *четное* число судей — шесть. Это отступление от обычного порядка было допущено, по-видимому, с согласия, если не по распоряжению комитета Между-

народного союза конькобежцев, находившегося тогда в Стокгольме, в целях обеспечения победы представителю Швеции.

Вся история международных встреч на льду, начиная с 1893 года, полна неприглядными уловками шведов, стремившихся присвоить себе победу любыми средствами, и этой темы мне придется коснуться еще не раз.

Тогда в Стокгольме оба соперника получили одинаковые суммы мест — по 8; голоса судей разбились поровну, причем Фукс был лучше в произвольном катанье, а Сальков — в школьном, но так как общая сумма баллов у Салькова была выше (1423), чем у Фукса (1409), то первенство мира присудили шведу.

Узнав, что оба чемпиона будут в Гельсингфорсе, комитет «Общества любителей бега на коньках» пригласил их, а также и всех скоростников прибыть затем в Петербург и назначил на 18 февраля международное соревнование в Юсуповом саду; а для ознакомления с методами катанья чемпионов направил в Гельсингфорс на 11—12 февраля В. И. Срезневского, меня и А. Г. Росса как лучшего из младших конькобежцев.

В течение двух дней пребывания в Гельсингфорсе мы внимательно наблюдали за работой чемпионов. Бросалась в глаза одежда участников. Мы катались в те времена в пиджаках или широких куртках, в широких коротких шароварах и в чулках. А здесь мы увидели облегавшие тело куртки в талию и гладкие черные трико. В таком одеянии фигура конькобежца выглядела спортивнее и изящнее, конечно, при условии хорошего сложения. Далее, размеры школьных фигур у наших новых знакомых были значительно больше, чем у нас. Например, параграф, не помню с тройками или скобками, у Салькова был не менее 20 метров по продольной оси. Скольжение было очень длительное вследствие продольной полировки коньков.

Произвольное катанье чемпионов произвело на нас хорошее впечатление. Выступавшие одновременно финны ничего особенного не показали.

В Гельсингфорсе я увидел и другое интересное зрелище — народную лыжную гонку на 60 километров. Лыжный спорт в те времена был так мало развит в Петербурге, что мне почти не приходилось видеть подобных гонок.

Соревнование происходило на взморье по лыжне, проложенной в виде огромного круга в несколько километров; участники должны были пробежать определенное число кругов, возвращаясь таким образом после каждого круга к месту старта.

Среди участников гонки, в большинстве молодежи и людей средних лет, обратил на себя мое внимание один, повидимому, крестьянин, весьма солидного возраста, на вид не менее 55 лет, с загорелым и морщинистым бритым лицом, с бородой, торчащей из-под подбородка. Он был одет в полосатую шерстяную фуфайку

и стоял на каянских лыжах * с чуть-чуть приподнятыми острыми носками, один из которых был расколот продольной трещиной и скреплен жестью на гвоздиках.

«Туда же, с молодыми бежать хочет!» — невольно подумал я и больше не обращал на него внимания.

Началась гонка. Участников было не очень много, и всех их пустили с общего старта. К моему изумлению, ведущее место сразу же занял мой старик, и вереница лыжников стала быстро удаляться. Все шли энергичным шагом, делая толчки сразу обеими палками и низко наклоняясь. Это и был, как я узнал потом, одновременный двухшажный ход.

В первый раз мимо старта лыжники прошли в том же порядке, как ушли, но постепенно отдельные участники начали понемногу отставать, а старик, кряхтя при каждом толчке палками, все вел и вел. К концу дистанции он шел уже один, оторвавшись от ближнего лыжника чуть не на $^1/_2$ километра, и пришел первым.

Да, значит, спортом можно и даже нужно заниматься не только в молодости! Впоследствии я и на себе убедился в правильности этой мысли. Систематические занятия спортом, несомненно, помогают человеку надолго сохранить здоровье, силу и выносливость и быть моложе своих лет. Я сам в возрасте 56 лет, уже при советской власти, завоевал I приз в стрельбе из пистолета на Всесоюзных соревнованиях 1928 года.

В связи с этой лыжной гонкой расскажу эпизод, ярко иллюстрирующий невежество некоторых царских офицеров в вопросах спортивной тренировки — а ведь они должны были заботиться о физической подготовке бойцов, защитников Родины. Один из морских офицеров, бывший в числе зрителей соревнования, тут же купил у победителя его дрянные полусломанные лыжи, уплатив за них раз в десять больше их реальной стоимости. Очевидно, он воображал, что тут все дело в лыжах!

На этой гонке я постарался запомнить все приемы одновременного хода, которого я раньше никогда не видел, и потом с успехом использовал их на практике.

Накопив полезный запас наблюдений, мы вернулись из Гельсингфорса домой, а вслед за нами явились в Петербург наши гости.

Началась совместная тренировка в Юсуповом саду. Больше всего понравилась нам у Салькова своеобразная техника чисто одностороннего исполнения крюков и выкрюков с мгновенным поворотом конька на 180° в сторону закривления первой дуги или против него. Однако при этом неизбежно нарушалось требование строгой симметрии рисунка. Фукс исполнял эти фигуры иначе и, как мы теперь считаем, более правильно.

В произвольном катанье у Салькова был хороший прыжок с полуторным поворотом в воздухе: правая нога вперед нару-

* Разновидность финских лыж (наиболее дешевые).

жу — прыжок с вращением на 540° — приземление на левую ногу назад наружу. Но Сальков, как и другие фигуристы, исполнял этот прыжок не с разбега и приземлялся почти на том же месте, с которого отрывался. Все катанье шведа создавало впечатление скорее силы, чем грации и изящества, и скорее спокойствия, чем динамики. В нем не чувствовалось темперамента и не было красоты. И сложение, и движения его были грубоваты; он импонировал лишь своей невозмутимой уверенностью.

Фукс исполнял свою произвольную программу совсем иначе, живее и, главное, музыкальнее; но это был уже не тот юноша, которого мы видели пять лет назад. Он перенес с тех пор серьезную болезнь, отяжелел, немного ожирел и уже не мог кататься, в особенности прыгать, с прежней легкостью. Но все же и прыжки его и, в особенности, всевозможные пируэты были удачны.

Фукс точил свои коньки сам и притом так, что на передней четверти его коньков внутреннее ребро было несколько выше и острее, чем наружное. Цель такой точки — дать бо́льшую прочность упору конька во время отталкивания при начале каждой дуги с места или при переходе на новый шаг.

В субботу, накануне соревнования, на катке состоялась товарищеская беседа, а в воскресенье 18 февраля мы встретились на льду как соперники.

Участвовали в соревновании, кроме гостей и меня, еще А. Г. Росс, А. А. Гопп и Н. Г. Подусков. Результат мы все заранее предвидели: Сальков оказался первым с 843 баллами, Фукс — вторым (830), Панин — третьим (701), Росс — четвертым (638), Гопп — пятым (548) и Подусков — шестым (393).

Ничего удивительного в нашем проигрыше не было; однако он ничуть не обозначал, что мы хуже иностранцев и не можем их превзойти: в то время как они ежегодно встречались на международных соревнованиях и невольно обменивались опытом друг с другом, мы варились в собственном соку и были на международной арене все еще новичками. На этой встрече с иностранцами мы увидели необходимость более частых выходов на международную арену и дальнейшей серьезной и настойчивой работы над своим совершенствованием.

Уроки этого состязания в близком будущем сыграли решающую роль в моем росте как фигуриста, а через меня сильно повлияли и на моих младших товарищей — учеников и соперников.

В скоростных соревнованиях участвовали, кроме наших скоростников из различных спортоpганизаций, конькобежцы Финляндии и Норвегии. Между ними выделялись на разных дистанциях чемпион мира 1901 года Ватэн из Гельсингфорса, чемпион Европы Р. Гундерсен из Христиании и Виниканен из Гельсингфорса.

Кроме описанных событий зимний сезон 1900—1901 г. ознаменовался избранием А. Н. Паншина в число почетных членов Общества. Александр Никитич заявил, что считает свои спортивные выступления на коньках законченными. В связи с этим общее

собрание «Общества любителей бега на коньках» закрытой баллотировкой единогласно присвоило Александру Никитичу звание почетного члена за блестящие достижения в конькобежном спорте и за прославление русского имени за границей. Тут же на собрании состоялось чествование нашего славного спортсмена.

А. Н. Паншин — бесспорно замечательное явление в русском и мировом конькобежном спорте; его победы в скоростном беге над лучшими конькобежцами мира были выдающимися событиями, которые высоко подняли престиж отечественного спорта. Успехи Паншина нашли яркое отражение не только в периодических изданиях того времени, но и во многих специальных книгах на разных европейских языках (например, в «Хронике Венского общества конькобежцев» Ф. Бибергофера, в книге голландца Мульера «Катанье на коньках», в английском издании Бадмингтона о скоростном беге и во многих других).

Но переход Паншина в 39-летнем возрасте на фигурное катанье был, по моему мнению, большой ошибкой. Александр Никитич мог бы принести гораздо большую пользу, если бы не забросил так рано свою основную специальность скоростника и занялся педагогической работой именно в этой области. При его изумительной настойчивости в достижении поставленной цели блестящий успех был бы ему обеспечен.

Сделавшись чемпионом России по фигурному катанью, я в ту же зиму 1901 года попытался стать членом Общества, что было не так-то просто. По уставу нужно было сперва быть избранным в кандидаты большинством не менее половины голосов всех присутствующих на правомочном общем собрании членов; затем только в следующем сезоне можно было баллотироваться в члены, причем требовалось получить уже не менее $^2/_3$ голосов присутствующих на собрании. При этом двое рекомендовавших нового сочлена должны были обосновать, какую пользу конькобежному спорту может принести данное лицо. Эти строгости применялись только при баллотировке в действительные члены Общества, которые могли в дальнейшем принять участие в руководстве его деятельностью. Основная масса рядовых конькобежцев-посетителей (до 2000 человек) сравнительно легко допускалась на каток в качестве абонентов; число же действительных членов ограничивалось тогда 26 и лишь позже достигло 40 человек.

Не помню теперь, кто из членов Общества рекомендовал меня, но в кандидаты я прошел беспрепятственно.

Летом 1901 года я отдавал свое свободное время футболу, лаун-теннису и стрельбе из пистолета в «Кружке любителей спорта». Достигнув в стрельбе в 1900 году хороших результатов, я вовлек в этот вид спорта несколько новых товарищей по кружку. В воспитании новых молодых стрелков помогал мне упоминавшийся ранее председатель кружка, полковник в отставке И. Р. Галченков, оставшийся до конца своей жизни фанатическим приверженцем стрельбы из дуэльного пистолета.

Желая упорядочить и поднять этот вид спорта, я выработал, по поручению гоночной комиссии, правила стрельбы и состязаний в ней. Комиссия одобрила и утвердила эти правила.

Стреляли мы тогда всего на 10 и 15 метров по мишени с белым центром (диаметром в 1 сантиметр), окруженным черным поясом шириной также в 1 сантиметр и с восемью белыми поясами, так что всех поясов было 10; центр обозначался цифрой 0, черный пояс — 1, остальные — цифрами от 2 до 10. Очки подсчитывались по принятому тогда в армии способу, в квадратах, из пяти пуль в мишень. Стреляли с вытянутой руки, стоя боком к мишени, из малокалиберных пистолетов $^{22}/_{100}$ с очень мягким спуском.

В декабре следующего 1902 года на общем собрании «Общества любителей бега на коньках» на повестке дня, среди других дел, стояло избрание новых членов. Когда дошло до баллотировки Н. А. Колóменкина, то рекомендовавшие его позабыли, что большинство рядовых членов Общества знало меня под фамилией «Панин», и не объяснили, кто такой Колóменкин. В результате оказалось, что двух третей голосов за избрание не собрано, и я оказался забаллотированным. Так подвел меня мой вынужденный псевдоним.

Значок „Петербургского общества любителей бега на коньках“

Получилась неловкость: я был чемпионом страны 1901 года и самым вероятным кандидатом на это звание в наступающем сезоне и вдруг... Срезневский, Лебедев и другие указали на это, поднялся шум, почему раньше не разъяснили. Собрание решило перебаллотировать меня, и только после этого я был единогласно избран.

На первенстве 1902 года я выступил уже под бело-голубым флагом Общества, красивый значок которого — серебряный крылатый конек на эмалевом бело-голубом банте — я получил на законном основании.

Первенство страны было мною выиграно слишком легко, так как Гопп не записался, а хорошо подготовленный Росс в последнюю минуту не решился выйти на старт. Мне опять пришлось «вырабатывать» $^2/_3$ максимальной оценки, которая равнялась 1190 баллам. Я получил 1010 и вторично без борьбы овладел чемпионатом России.

В разряде взрослых, вне чемпионата, выступили в том году среди других новый фигурист Федор Иванович Датлин, занявший второе место и ставший моим учеником, и К. А. Олло, вышедший победителем в этой группе.

В 1903 году исполнялось 200-летие С.-Петербурга, и уже было известно, что в этом году комитет Международного союза конько-

бежцев поручает Обществу розыгрыш мировых первенств по скорости и фигурам. Возник вопрос о более серьезной подготовке участников для защиты флага Общества.

Решено было пригласить для нас в качестве тренера венского профессионального фигуриста Зейберта, того самого, что состязался 15 лет назад с нашим юсуповцем Бюхтгером на первенство Баварии и проиграл ему. Но, как мы дальше увидим, Зейберт смог дать нам немного.

Спортивные события зимы 1901/1902 года укрепили в Обществе сознание необходимости систематической учебно-спортивной работы. Но это касалось лишь нескольких наиболее квалифицированных спортсменов и не вовлекало в работу массу любителей конькобежного спорта.

XI. В «КРЕСТОВСКОМ ЛАУН-ТЕННИС-КЛУБЕ»

Кончился зимний сезон 1902 года. И от фигурного катанья, ставшего одной из моих спортивных специальностей на всю жизнь, я, как всегда с приходом весны, переключился на другие виды спорта.

Как только в апреле просохли дорожки на островах, я, потренировавшись немного на велосипеде, начал играть на кортах «Крестовского лаун-теннис-клуба», в который уже в прошлом году был записан в качестве посетителя. В мае клуб принял меня в число своих членов.

Этот клуб, в спортивном отношении, безусловно, лучший в тогдашней России, носил ярко выраженный буржуазный характер. Хотя большинство игроков состояло из молодых служащих разных частных предприятий, банков и контор, отчасти из государственных служащих и учащихся, но было там достаточно и денежных тузов из администрации тех же предприятий и банков, биржевых маклеров, владельцев банкирских контор и т. п.

Чтобы попасть в клуб, надо было получить рекомендацию двух членов и пройти баллотировку на общем собрании. О политических убеждениях кандидата не спрашивали, но он должен был принадлежать к кругу так называемых «порядочных» людей, т. е. иметь определенное служебное или имущественное положение, быть хорошо одетым, уметь «прилично» держать себя в обществе и прочее. Принималось во внимание и спортивное имя, как это было, например, со мною. Конечно, чем богаче был данный член клуба, тем большим влиянием и уважением, зачастую граничащим с подобострастием, пользовался он среди рядовых членов, главным образом, служащих частных контор; государственные служащие чувствовали себя в этой среде более независимо.

Об участии в жизни клуба демократической студенческой молодежи, а тем более рабочих, не могло быть и речи.

„Крестовский лаун-теннис-клуб“ в день соревнований

«Крестовский клуб» помещался тогда на Александровском проспекте в том месте, где в настоящее время находится самая дальняя правая часть стадиона «Динамо». Домик с верандой, двумя комнатами для переодевания мужчин и с одной дамской комнатой, с душами при них, вмещал также кабинет председателя и «комитетскую». На площадке вокруг домика были расположены десять земляных, усыпанных песком кортов. Корты разделялись зеленым газоном и сетками.

Основателем, бессменным председателем, а по существу полным хозяином этого клуба был богач, маклер фондовой биржи А. Д. Макферсон, тративший немало средств на свое детище.

Особенностью «Крестовского клуба» была его серьезная спортивная направленность и строгая спортивная дисциплина. Администрация клуба старалась создать самую благоприятную обстановку для успешного совершенствования в игре в лаун-теннис. Как пример спортивной дисциплины, царившей в клубе, приведу строго соблюдавшееся правило, по которому играющие в «двойном»*, если на корт приходил пятый игрок, даже самой низшей квалификации, по окончании «сета» (партии) обязаны были принять его в свою игру. Для этого бросали жребий ракетой, кому из четырех, хотя бы и чемпионов, надо выйти из игры. И этому правилу неукоснительно подчинялись, конечно, если для пятого игрока не находилось тут же более подходящей партии.

---

* Игра вчетвером.

В игре

Другой пример: однажды я и один из лучших наших игроков II класса, играя в паре, побили две довольно сильные пары и вышли в финал. Но так как нам пришлось бы играть с одной из двух отличных первоклассных пар, которые еще не играли в полуфинале, то мы во имя справедливости и большего интереса игры в заключительный день отказались от верного второго приза и уступили тем двум парам право играть в финале. Это тоже была одна из спортивных традиций.

За этими положительными сторонами клуба мы не замечали его теневых сторон, о которых я уже говорил. Кроме того, ради удобства членов и посетителей клуба там не считалось зазорным злостно эксплуатировать детский труд. Каждый корт обслуживался тремя мальчиками в возрасте от 9 до 13—14 лет; один из них, с деревянным ящиком в руках, обязан был издали подавать игроку мячи точным броском в свободную от ракеты руку, другие двое собирали разбрасываемые во время игры мячи в ящики. Чтобы не портить корта, мальчики должны были работать босиком, и только в сильные холода им выдавали «спортсменки». За такую работу в течение целого дня они получали 3—5 рублей в месяц; с закрытием клуба на зиму мальчики увольнялись.

В противоположность «Крестовскому лаун-теннис клубу», имевшему действительно спортивный характер, деятельность «Петербургского кружка спортсменов» (запросто называвшегося

«Таврическим лаун-теннис-клубом») носила, главным образом, развлекательный характер. В «Таврическом клубе» господствовал узко кастовый, аристократический дух. Там подвизались преимущественно представители титулованных и дворянских семейств до великокняжеских включительно, а также и другие лица, группировавшиеся вокруг влиятельной тогда реакционной газеты «Новое время». Председателем клуба был сановник царского двора. Эта среда ревниво ограждала себя от нежелательных либеральных элементов, а после 1905 года даже сторонники «кадетов» (партия либеральной буржуазии) считались там чуть ли не революционерами. Но и в этом клубе было несколько очень сильных игроков, как, например, Сумароков-Эльстон, Зноско-Боровский и др.

Мой класс игры быстро повысился в «Крестовском клубе» от встреч с более сильными партнерами. В то время господствовал и предпочитался всеми сильный агрессивный стиль с подходом к сетке, с длинными «драйвами» над самой сеткой с задней черты и «смэшами» с воздуха у сетки, причем пласировка и сила удара играли решающую роль.

В первые годы моего пребывания в «Крестовском клубе» теннисисты овладевали там техникой игры самостоятельно, в процессе встреч с более сильными партнерами. Потом у нас появился свой собственный «доморощенный» тренер Некрасов. Он стал им без чьей-либо помощи. Сначала Некрасов работал в клубе одним из мальчиков для подавания мячей. Мальчики обычно играли между собой в лаун-теннис до прихода в клуб кого-либо из игроков, который, в ожидании прибытия второго, предлагал одному из старших мальчиков поиграть с ним. Некрасов, подрастая, стал играть лучше других сверстников и чаще приглашался членами клуба на игру с ними. Постепенно он настолько овладел техникой, что стал желанным партнером даже для наиболее сильных игроков. По возрасту Некрасов уже не подходил для роли подавальщика мячей, и желающие играть с ним платили ему за каждую партию по установленной клубом расценке. Он играл целыми днями с лучшими мастерами и так изучил все тонкости игры, что стал обучать других и сделался очень хорошим тренером в области не только техники, но и тактики.

Работали и в других клубах такие же тренеры, как и Некрасов, но все они были выходцами из «низшего» класса, а поэтому отношение к ним, несомненно талантливым людям, было тогда пренебрежительное. Несмотря на отличную игру, они к соревнованиям не допускались.

Вот тут-то и сказалось присущее русской буржуазной верхушке преклонение перед всем зарубежным: комитет «Крестовского клуба» решил выписать из-за границы профессионального тренера; так появился у нас англичанин Хеггет. Играл он, правда, хорошо: в его игре выделялась точнейшая пласировка, например, даже на подаче он точно посылал мяч в самое острие избранного им угла соответственного квадрата. Но особого преимущества

перед Некрасовым у него как тренера не было. Платили же ему во много раз больше.

Я получал от игры в лаун-теннис огромное удовольствие, обычно завершавшееся холодным душем после хорошего мытья в мыльной пене. Но я слишком поздно начал тренироваться в этой игре (мне было тогда уже лет 25) и не мог пойти выше II класса.

Так, на личном опыте я убедился в том, что для достижения высоких результатов в каком-либо виде спорта надо, наряду с общим физическим развитием, начать специализироваться в нем еще в юности.

По окончании сезона лаун-тенниса я обычно переходил к осенним кроссам на островах, чтобы продолжать подготовку к фигурному катанью.

XII. ПЕРВЕНСТВО МИРА ПО КОНЬКАМ 1903 ГОДА В ПЕТЕРБУРГЕ

Уже с самого начала зимнего сезона в «Обществе любителей бега на коньках» начали усиленно готовиться к первенству мира 1903 года. Для скоростного соревнования сооружался специальный каток в углу Марсова Поля, примыкающем к реке Мойке, около бывших казарм лейб-гвардии Павловского полка. Составлялись списки лиц, которым поручалось практическое проведение соревнования, рассылались приглашения в Москву и в зарубежные страны, заказывались призы для награждения победителей — две серебряных копии с фальконетовского памятника Петру Великому, серебряные кубки и медали для занявших вторые места. Эти медали, вылепленные скульптором Грилихесом, заказали Монетному Двору. На одной стороне был изображен тот же памятник Петру I, на другой — эмблема Общества — крылатый конек с лавровой веткой.

Призовая медаль в память 200-летия Петербурга

Позаботились мы и о своей форме. Перестали носить широкие шаровары и катались в гладком шерстяном трико (рейтузах), а я еще придумал черную куртку в талию на манер гусарского доломана, но в русском стиле: на груди были нашиты широкие шелковые тесемки, как в старину галуны на стрелецких кафтанах. Чтобы привыкнуть к новой одежде, в ней и тренировался.

В декабре 1902 года мы занимались школьной программой вообще и отдельными произвольными фигурами. Когда же в са-

мом начале января 1903 года из Вены прибыл приглашенный Обществом тренер Зейберт, началась систематическая специальная тренировка участников международных соревнований.

Зейберт применял исключительно метод словесных объяснений, совершенно не прибегая к показу. И если все же достигал некоторых результатов, то нет сомнения, что они были бы еще выше и достигались скорее, если бы он не пренебрегал методом показа.

К 9 часам утра, когда лед еще дымился от мороза после поливки, мы были уже на площадке и проводили за школьным катаньем до четырех часов подряд, делая между упражнениями лишь короткие, минутные перерывы. Затем следовал часовой перерыв для завтрака и для отдыха лежа, после которого мы занимались произвольным катаньем, и к 4 часам шли домой. Вечером к 8 часам вновь все собирались, но уже для бесед, катанья в свое удовольствие или для самостоятельной тренировки в «академии», которая всегда была в исключительном пользовании фигуристов.

На лед во время тренировок Зейберт выходил всегда без коньков, в валенках и в меховой шубе. Мы сначала делали разминку, применяя любые упражнения в течение 5—10 минут, сосредоточивая все свое внимание на правильной постановке тела. Потом наш тренер назначал школьное упражнение, не объясняя, как его делать, так как в основном нам это было известно; наблюдал короткое время, останавливал и только тогда указывал ошибки и объяснял, как их исправить. Снова наблюдал, снова объяснял, если что-нибудь было не так.

Трудные упражнения, например петли назад наружу, мы повторяли много раз, но не более трех раз подряд на каждой ноге; если след был неточен, хромала ось или покрытие, или самая петля, то фигура повторялась на чистом льду рядом, иногда так, что 10—15 следов образовывали на льду разрисованную петлями дорожку. Как только фигура выходила хорошо два раза подряд, я переходил на следующее упражнение, следуя правилу: «Когда наилучше выходит, тогда прекратить».

У меня были тогда, к счастью, только два крупных недостатка в постановке корпуса, сильно влиявшие отрицательно и на технику, — значительная жесткость опорной ноги и некоторая связанность плечевого пояса. Эту жесткость я невольно перенял от самоучки Андрианова, которым когда-то восхищался на «Прудках». Преодолеть эти недостатки стоило мне гораздо большего труда и напряжения воли, чем приходилось тратить на овладение техникой любого упражнения. Я впервые почувствовал тогда, какой огромной помехой в процессе овладения пластикой, да и техникой данного вида спорта является неверный навык (что в одинаковой степени относится и к любому другому виду спорта). Лебедев в свое время указывал мне на мой недостаток, но тогда я не слишком серьезно отнесся к его указанию. Не сомневаюсь, что, если бы у меня не было этих плохих привычек на первых шагах

моего фигурного катанья, оно далось бы мне вдвое и даже втрое легче.

Я упорно занимался специальными упражнениями и на катке, и дома перед зеркалом, и потом летом при всяком удобном и даже неудобном случае, чтобы развить в себе «мягкость» колена и свободу движений плеч и рук. Но прошло много времени, прежде чем я вполне освободился от своих недостатков. Это надо иметь в виду каждому начинающему, если у него есть серьезное намерение достичь высокого результата. Занятия самоучкой без руководства и без благожелательной критики товарищей могут погубить самые блестящие дарования.

Систематическая ежедневная работа на льду продолжалась в течение всего января.

Никакого планирования тренировки в современном смысле слова тогда у нас не было. Она не разделялась на периоды; по существу был один только основной период, какой-то подготовкой к нему служили летние виды спорта, но гимнастикой никто из нас, к сожалению, не занимался, и это, без сомнения, сильно мешало успехам в катанье. Однако наш тренер на это нам не указывал.

Как только Зейберт начал с нами занятия на льду, я понял, что никаких «тайн», никаких принципов он открывать нам не собирается, да, очевидно, их и не имеет. Его методика была направлена на подготовку мастера фигурного катанья, в совершенстве на практике владеющего техникой, а не теоретически подкованного спортсмена. Ни одного слова из области теории мы от него не слышали, никакого ответа на вопрос «почему так, а не иначе» он не давал.

Повидимому, у Зейберта не имелось никакой оформленной теории катанья, он был только опытный практик, изучивший до тонкости все приемы исполнения упражнений и не задававшийся более глубокими вопросами их обоснования и обобщения. Ведь и в других видах спорта у известных зарубежных тренеров практическая техника всегда заметно преобладала над теорией.

Тем не менее, практические указания Зейберта, хотя и не обоснованные теоретически, были правильны, потому что результаты их сказывались на качестве нашего исполнения.

Но мне было мало этого. Я хотел во что бы то ни стало понять всю механику правильных движений, их закономерности, их основу, а об этом не говорилось ни слова. Я находился в большом затруднении. Из него был только один выход: фиксировать все практические приемы, дающие хороший результат, до самых мелких, а потом попытаться самому найти их внутреннюю связь и ответы на волнующие вопросы.

Цель была поставлена, и отступать от нее я не собирался. Я купил толстую записную книжку, наклеил в ней рисунки всех школьных фигур международной программы, отведя для каждой по несколько страниц, и стал аккуратно заносить на них все, что

замечал во время работы на льду. Как увидим ниже, этот путь оказался правильным.

Уже к концу января я смог постепенно делать некоторые обобщения и вскоре начал давать в Дюперроновский журнал «Спорт» методические заметки по фигурному катанью. Мои тренерские занятия с товарищами — велосипедистами и новичками-фигуристами — привили мне вкус к учебно-спортивной работе, в особенности по фигурному катанью. С этих пор во мне еще более укрепилось упорное стремление не только самому учиться, но и передавать свои знания другим.

Очередные соревнования Общества для старших фигуристов и на первенство России прошли 19 января. Первенство страны 1903 года осталось за мной, в разряде старших отличился мой ученик Росс.

На мировом первенстве для фигуристов, не участвовавших в нем, было назначено особое международное соревнование на «Кубок Юсупова сада» с несколько менее трудной программой школьных фигур. К этому соревнованию готовились пять юсуповцев, и все они в той или иной степени были моими учениками. Но на первенстве мира мне предстояло быть единственным представителем России и «Общества любителей бега на коньках».

Приблизительно за неделю до соревнования начали съезжаться иностранцы. Тут были троекратный чемпион мира швед У. Сальков (Стокгольм), экс-чемпион мира Г. Фукс (Мюнхен), чемпион Европы Макс Бо́гач (Вена), чемпион Германии Лассан (Берлин) и С. Ильманен (Гельсингфорс). Прибыли и парники-фигуристы: Мицци Бо́гач — Отто Бо́гач («Венское общество конькобежцев»), Христина Шабо — Эйлер («Венский тренинг-клуб») и берлинцы Беллингер — Стальберг, а также представители и судьи.

Одновременно подъезжали из-за границы и скоростники; среди них были норвежцы Шварц, Матисен и Бенснесс, финны Ватэн и Виникайнен (уже выступавшие у нас в 1901 году), венгерец Манно и другие, также со своими представителями и судьями.

Вся эта разнохарактерная группа участников-иностранцев целыми днями толпилась вместе с нами на катке. Тут же были многочисленные представители других петербургских клубов и кружков, а также москвичи. Жизнь на льду, несмотря на низкую температуру, кипела ключом.

Настал день соревнований. В субботу 8 февраля утром началось школьное катанье. Читатель-фигурист заинтересуется фигурами, которые входили в программу первенства мира: это были № 3, 20 *а* и *б*, 23 *а* и *б*, 31 *а* и *б*, 32 *а* и *б*, 35 *а* и *б*, 37 *а* и *б*, 40 *а* и *б*. На «Кубок Юсупова сада» — № 1, 13, 16, 21 *а* и *б*, 33 *а* и *б*, 35 *а* и *б* *.

---

* См. рисунки этих фигур в приложении, стр. 210.

Участники соревнования на первенство мира 1903 г. (слева направо): Сальков, Бо́гач, Фукс, Панин, Лассан

Начали с мирового первенства. Жребий дал следующие стартовые номера: № 1 — Сальков, № 2 — Лассан, № 3 — Фукс, № 4 — Бо́гач и № 5 — Панин. Ильманен, увидев много сильных противников, к старту не вышел.

Лед был среднего качества: накануне шел дождь и снег, утром слегка подморозило, температура во время соревнования была 0 — + 1° Р. Сальков импонировал судьям своим в высшей степени самоуверенным видом и безапелляционным тоном высказываний, которые он себе позволял. Перед началом какого-то параграфа он вытирает нос платком и, как бы за отсутствием кармана, кладет его на барьер, но потом, исполняя фигуру, косит на него глаза, чтобы ориентироваться для получения правильной оси. Затем, сделав параграф все же немного кривым, смотрит на след и громко объявляет: «Безукоризненно исполнено! Вот так оно должно быть». И большинство судей не смеет усомниться в правоте троекратного чемпиона мира и ставит ему оценку 6 и 5 (по шестибальной системе).

Катается Сальков (петля назад наружу) в своей грубоватой манере

Но я, новичок на мировой арене, с радостью замечаю, что иду с Сальковым почти наравне и определенно исполняю фигуры лучше чем-

пиона мира Фукса и чемпиона Европы Бо́гача, а немец и совсем отстает. Иностранные судьи были не на должной высоте — встречались, например, такие оценки: за наружный крюк с левой ноги венский судья ставит мне 6, а венгерец — 4; за параграф со скобками трое судей ставят по 6, а четвертый — 4 и т. д.

По окончании школьных фигур на первенство мира оказалось, что Сальков получил в среднем из сумм пяти судей 253,2 балла и сумму мест 5, Панин — 231,4 и 13, Фукс — 218 и 15, Бо́гач — 215,8 и 17, Лассан 167,4 балла и сумму мест 25.

Школьное катанье на «Кубок Юсупова сада» окончилось победой Росса.

После соревнований по школьному катанью все направились на Марсово Поле, где с двух часов продолжались соревнования в беге на скорость, которые начались днем раньше — 7 февраля.

В соревнованиях скоростников приняли участие только трое русских: москвич Григорьев и петербуржцы члены «Кружка любителей спорта» Г. С. Киселев и Зякин, записавшийся только на одну дистанцию — 1500 метров.

7 февраля первой разыгрывалась дистанция в 500 метров. Борьба сосредоточилась между финнами, норвежцами и венгерцем. Первым был Ватэн — 49,4 сек., вторым Шварц — 50 сек., третьим Манно — 50,4 сек., четвертым Бенснесс — 50,6 сек. Русские пришли так: петербуржец Киселев — девятым и москвич Григорьев — десятым, оба по 52,6 сек. Зато на следующей дистанции — 5000 метров — результат получился сенсационный.

Киселев, шедший во второй паре с Григорьевым, с места начал все больше и больше уходить от соперника и к финишу опередил его на 25,2 сек., показав неплохое для того льда время — 10 мин. 08 сек. В следующей, третьей паре шли Манно и Бенснесс, Манно упал и сошел, а норвежец сперва шел на 0,6 сек. тише Киселева, потом начал нажимать и уже на третьем круге был лучше Киселева на 0,8 сек., на четвертом — на целых 2 сек., на пятом — на 3,5 сек., но с этого момента начал сдавать. До предпоследнего, девятого, круга он все еще был на 0,4 сек. впереди, однако на последнем круге сдал еще больше и пришел вторым в 10 мин. 8,4 сек.

Можно себе представить, что мы переживали с секундомерами в руках во время этого бега Бенснесса. Все остальные прошли дистанцию еще хуже: Шварц был третьим (10.15,2), Ватэн — четвертым (10.17,0).

Победа русского конькобежца была столько же радующей, сколько и неожиданной. Дюперрон писал потом в своем журнале:

«Если и ожидали, что Н. А. Панин покажет себя с хорошей стороны против своих соперников в фигурном катанье, то тот, кто бы за неделю до состязания сказал, что Киселев будет первым на одной из дистанций, тот, наверное, был бы жестоко осмеян...»

На другой день, 8 февраля, соревнование скоростников продолжалось при очень неблагоприятной погоде; лед, можно ска-

Катается Панин (дуга вперед внутрь)

Произвольное катанье: слева—Н. Панин, справа—М. Бо́гач

зать, никуда не годился, и это, вероятно, и было причиной обидной неудачи Киселева: он упал на первом кругу дистанции 1500 метров, упал и другой участник — швед Тур. Шедший в паре с Киселевым Бенснесс пробежал первый круг резвее всех, в 54,8 сек., но потом сдал, и эту дистанцию выиграл Шварц со временем 2 мин. 59 сек., вторым был Ватэн — 3.01, третьим Тиландер — 3.02,2 и четвертым Матисен — 3.02,4.

На 10 000 метров Киселев бежал в паре с Лильебергом, тот был слабее его, и в результате Киселев пришел четвертым в 22 мин. 48,2 сек., на 39,2 сек. позже победителя Бенснесса. Второе место осталось за Матисеном — 22.43,6 и третье за Шварцем — 22.47,6.

Таким образом, все дистанции мирового первенства оказались выигранными разными лицами, и первенство осталось неприсужденным. Приз — копия памятника Петру I — остался в Обществе и позже получил другое назначение, о чем будет рассказано дальше.

Разыграть вторую часть состязания на фигуры в воскресенье не пришлось из-за плохого льда. Состязание отложили на понедельник 10 февраля. Лед к этому времени несколько окреп, но я чувствовал себя на нем все же «не в своей тарелке». Слишком мягкий или слишком твердый лед всегда влиял на меня неблагоприятно, и притом сильнее, чем на других фигуристов, — это был один из моих недостатков. К тому же в начале состязания погода стала портиться, пошел мокрый снег, а я катался последним.

Проигрыш Фукса по школе не только Салькову, но и мне так его обескуражил, что он вышел из соревнования.

Лучше всех, на мой взгляд, катался в произвольном разделе Макс Бо́гач. Программа его катанья, очень связно построенная, не была слишком трудной: хороший кораблик, пара пируэтов, несколько прыжков, из которых лишь один высокий прыжок на носок вытянутой ноги был действительно труден, а затем танцы, комбинации дуг и всевозможных переменных переходов, змеек и прочее. Но у него был энергичный ход и хорошая пуантировка, контрастность исполнения в темп музыки. В общем, вся программа Бо́гача носила на себе след продуманной и прилежной работы.

Сальков, как и в 1901 году, брал в произвольном катанье не изяществом и красотой и не музыкальностью движений, а силой, спокойствием и уверенностью на самых трудных фигурах.

Выезд внутренним крюком вперед с очень быстрого разбега, прыжки с поворотом в воздухе, включая полуторный поворот на 540°, штанд-пируэт (стоя на одной ноге) с очень быстрым ускорением на второй его половине, кораблик и прыжок корабликом, точно под музыку марша исполненный «танец очков» на одной ноге, несколько комбинаций и, наконец, хороший волчок «на загладку» — вот что запомнилось из его программы.

В 1901 году он исполнял еще одну очень трудную специальную фигуру, а именно крест из четырехкратной комбинации крюк-

петля-выкрюк, но на этот раз он ее исключил, как мало динамичную, и поступил правильно. Его катанье получило высшую оценку, и он завоевал таким образом первенство мира и почетный приз.

О моем катанье в журнале «Спорт» было написано, что «несколько вялым показалось катанье нашего представителя Н. А. Панина, хотя по искусству он оказался почти наравне с Сальковым и Бо́гачем». Венская газета «Найес Винер Абенд Блят» мое выступление оценила иначе:

«Русский Панин был наилучше тренирован. Он исполнял школу в манере Салькова, возможно в еще большем размере фигур. Рисунок школы сплошь великолепный, но постановка жестковата. Его катанью недостает мягкости, эластичности, он еще не обладает индивидуальностью, что создает впечатление заученности. Его произвольное катанье было исполнено с большим ходом и темпераментом, но программа бедна».

В конечном счете баллы за все соревнование в среднем были следующие:

Участники	За школьное катанье	За произв. катанье	Общая сумма	Место
Сальков	253,2	129,6	382,8	I
Панин	231,4	120,0	351,4	II
Бо́гач	215,8	127,2	343,0	III
Лассан	167,4	93,6	261,0	
Фукс	соревнование не кончил			

В соревновании на «Кубок Юсупова сада» победил Росс, вторым был Олло, третьим — Датлин, четвертым — Ильманен, пятым — Пальмгрен.

Не меньший интерес, чем первенство мира, возбуждало парное катанье. Международный союз конькобежцев тогда еще не установил ежегодного розыгрыша первенства мира по данному разделу, но это соревнование по своему значению равнялось ему. Общий интерес вызывало соревнование венских пар Шабо — Эйлер и Бо́гач с братом. Разница между обеими парами была так ничтожна, что отметки четырех судей разбились поровну, а пятый — Вехтер из Выборга — сделал ошибку: поставил той и другой паре одинаковые баллы, но дал паре «Венского тренинг-клуба» первое место, а паре «Венского общества конькобежцев» — второе; таким образом, пара Шабо — Эйлер оказалась победительницей.

Но Бо́гачи подали протест: при равных баллах нельзя было давать разные места; они требовали отмены решения судейской коллегии и признания равенства обеих пар. Публика разделилась на два лагеря, разгорелись споры, все были чрезвычайно взволнованы и больше всех бедный судья. Он хотел исправить свою ошибку и поставить обеим парам по полуторному месту, как и полагается в случаях равенства баллов. Но тогда запротестовали Шабо — Эйлер: судья не имеет права изменить своих отметок

после соревнования. Было много шума, полемика перешла на страницы заграничных газет и журналов, но пара «Венского тренинг-клуба» все же осталась на первом месте.

Я не был удовлетворен своими достижениями и твердо решил еще упорнее работать над собой. А члены Общества, повидимому, не ожидали от меня такого высокого результата — побить самого Фукса, да еще и Бо́гача. Неожиданно высокими были и технические результаты моих учеников в соревновании на «Кубок Юсупова сада».

Все это вместе взятое, в связи с моими статьями в «Спорте», вызвало со стороны членов Общества предложение поручить мне составление теоретически обоснованного руководства по фигурному катанью на коньках с тем, чтобы издать его за счет Общества. Общее собрание единогласно вынесло соответствующее постановление, что как нельзя более соответствовало моим мечтам — поднять и распространить на моей родине этот прекраснейший вид спорта.

В том же 1903 году «Общество любителей бега на коньках» ввело очень важное для фигуристов мероприятие — разрядные испытания. Идею их впервые выдвинул А. П. Лебедев еще в 1895 году, были даже напечатаны краткие правила с перечнем упражнений для сдачи испытаний по трем разрядам, но тогда это мероприятие не имело успеха. И только в 1903 году комитет Общества утвердил выработанные мною правила разрядных испытаний применительно к международной программе обязательных фигур с подразделением их на четыре разряда.

Выдержавший испытание получал особый значок соответственно разряду: бронзовый, серебряный, серебряный с золотыми коньками и золотой.

Разрядные испытания служили отличным стимулом для работы над собой и проходили всегда с большим интересом. Первым сдал IV разряд Ф. И. Датлин 31 января 1903 года, потом Олло, я и другие. Однако до II и затем до I разряда раньше всех добрался я (в 1905 и 1907 гг.), следующим в 1908 году был Датлин, потом Олло, Малинин, Фан-дер-Флит, Ксения Цезар и другие.

Только в 1939 году разрядные испытания были приняты и в международном масштабе и включены в правила соревнований Международного союза конькобежцев с разделением фигур школы тоже на четыре разряда, но по более простому принципу — по коэфициентам трудности, и притом без произвольного катанья.

У нас же, кроме определенных фигур при каждом испытании, требовалось исполнить программу произвольного катанья: для IV разряда в две минуты, для III — в три, для II — в четыре и для I — в пять минут. Выдержавшим испытание признавался тот, кто получил у большинства судей за каждую исполненную фигуру, а также за содержание и исполнение произвольной программы не менее трех баллов по шестибальной системе.

Таким образом, нам, русским спортсменам, принадлежит инициатива в установлении полезного мероприятия, принятого затем в мировом масштабе.

XIII. ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА ЗА ГРАНИЦУ

Весной 1903 года я переехал в Царское Село в связи с назначением на должность помощника податного инспектора. Мой новый начальник Н. Н. Мамантов, сын сенатора, был человек недалекий и чиновник до мозга костей. Мне пришлось два года выдерживать тяжелую борьбу с ним за право заниматься спортом. Репутация спортсмена вредила мне во всех отношениях, особенно трудно было освободиться для поездки в 1904 году за границу.

«Общество любителей бега на коньках», получив приглашение Международного конькобежного клуба в Давосе, решило командировать меня туда для участия в соревнованиях на первенство Европы, назначенных на 3 и 4 (16 и 17) января 1904 года. Давос — высокогорный курорт для туберкулезных больных в Швейцарии (кантон Граубюнден) — славился в то же время как наилучшее в мире место для бега на коньках и всегда собирал зимой международную толпу любителей этого вида спорта.

Зима у нас установилась поздно; лед появился только 16 декабря, а 18 декабря я должен был уже ехать, так и не потренировавшись на льду. Строго говоря, не следовало бы и ехать на соревнования; ведь все участники-иностранцы уже с половины ноября катались в Давосе и Сен-Морице и я попадал в очень невыгодные условия. Уехать же раньше было невозможно: и без того отпуск на 20 дней достался мне с огромными хлопотами и неприятностями. Но меня все же послали, надеясь на двухнедельную подготовку на месте.

По дороге в Давос я остановился на день в Берлине и вечером побывал на катке «Берлинер-шлиттшу-клуба». Это была небольшая площадка на большом общем катке в парке с довольно плохим, изрезанным льдом. Здесь я познакомился с некоторыми берлинскими фигуристами, в том числе с моими будущими противниками Мартином Горданом, Куртом Данненбергом и др.

Мы катались все вместе и беседовали, конечно, о фигурном катанье. И тут мне пришлось воочию увидеть, насколько велико было уже тогда у немцев раболепие перед военщиной. На льду ко мне подъехал на коньках молодой морской офицер, представился, взяв под козырек, и вступил в разговор о технике катанья. Мои новые знакомые буквально шарахнулись от нас в сторону и во время беседы ни один из них не осмелился даже приблизиться к нам, а не только заговорить. И лишь когда моряк, закончив беседу и козырнув, отъехал, они решились подойти и заявили: «О! Вы имели очень большую честь говорить с морским офицером». Я не мог сдержать насмешливой улыбки.

По дороге из Берлина пришлось из-за опоздания поезда сделать остановку в Мюнхене. Здесь, встретив члена «Петербургского общества любителей бега на коньках» уже знакомого нам художника Бюхтгера, который должен был быть судьей и представителем России на соревновании в Давосе, я не удержался от соблазна посетить вместе с ним местный каток, расположенный на огромном озере в городском парке.

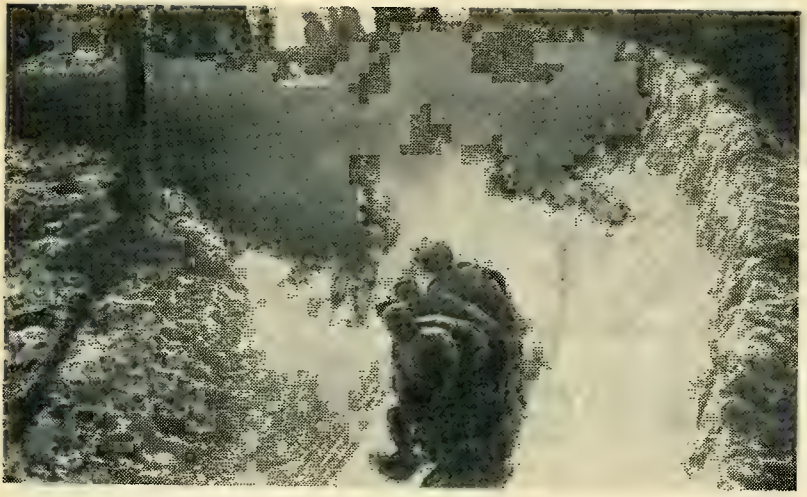
На этом катке разыгрался любопытный случай. В Мюнхене находился тогда еще один юсуповец К. Г. фон-Голи, которого я знал когда-то по Юсупову саду еще юношей. Он был прежде отличным фигуристом, но и теперь еще не утратил способности чисто перемахнуть прыжком с полуоборотом в воздухе через три кресла, на которых катали по льду женщин.

Во время общего катанья он поставил одно кресло и перепрыгнул через него. Часть публики, пораженная смелым прыжком, остановилась. Голи прикатил еще одно кресло, поставил рядом и отошел для разбега. Число зрителей быстро возрастало. Он разбежался и перепрыгнул через два кресла. Собралась большая толпа. Тогда он привез еще одно кресло и тем же порядком перепрыгнул через три. После этого Голи собрал со всего катка 12 кресел, поставил их в ряд, отошел для разбега к самой раздевалке, образовав между народом как бы улицу; сбежались буквально все бывшие на катке, но тут он ловко юркнул в дверь раздевалки, быстро снял коньки и уехал.

Когда публика поняла, что 12 кресел — только шутка, поднялся шум и смех. Но самые смелые догадались, что это не только шутка, но и приглашение; они разняли кресла и пытались перепрыгнуть хотя бы через одно из них, правда, положив его набок.

После Мюнхена, сделав еще две пересадки, я попал, наконец, на поезд горной узкоколейки, ведущей в Давос. На одной из остановок к нам подсела группа любителей «бобслея» — мужчин и девушек, в белых заснеженных свитерах, в высоких валенках и рукавицах. Они скатились сюда из Давоса на своих «бо́бах» — четырехместных управляемых санках, покрыв расстояние около 5 километров с головокружительной скоростью. Теперь, прицепив свой спортинвентарь к вагонам, они поднимались поездом обратно на старт.

По прибытии в Давос, я отправился в скромный отель «Цур-Пост», где и обосновался на все время пребывания в этом необыкновенном месте. Трудно вообразить более красивую зимнюю природу и подыскать более великолепный климат, чем здесь, на высоте почти 1600 метров над уровнем моря. Ночью царит холод, градусов 16° мороза по Реомюру. Приходишь на каток в половине десятого; лед твердый, как стекло, кататься почти невозможно, так как иней мешает скольжению. Но вот из-за горы появляются первые лучи солнца, и ртуть термометра на глазах начинает, как червяк, медленно ползти кверху. И ползет так до часу дня, доходя до 28° тепла по Реомюру.



На вираже

Ослепительно белый чистейший снег не тает; не тает и лед, покрывающий укатанную снеговую площадь и потому белый; он отражает жгучие лучи солнца и только становится скользким,

Неудачный поворот

точно смазанный маслом. Если повернуться к солнцу, то оно жжет лицо, которое в несколько дней загорает, как летом в Крыму, но, заложенные за спину руки без перчаток мороз щиплет, как зимой в Новосибирске. Воздух абсолютно сухой, простудиться почти невозможно; в знаменитом санатории «Шатц-Альп» («Альпийское сокровище»), еще на 300 метров выше Давоса, больных туберкулезом укладывают спать на открытой веранде в меховых мешках.

В Давосе ходить днем без синих очков или густой синей вуали нельзя — ослепнешь. Дамы катаются в кисейных кофточках, мужчины — в теннисных рубашках. В час дня все завтракают за столиками на льду, официанты на коньках подают кушанье. В четвертом часу солнце заходит за другую гору, и ртуть ползет обратно к 14—16° мороза.

Тогда все это казалось мне чем-то волшебным.

Первые дни я совсем не мог кататься, так как задыхался вследствие слишком низкого давления воздуха, потом привык. Но времени до соревнования оставалось мало, и вытренироваться сколько-нибудь прилично не было никакой возможности.

Моими соперниками были Сальков, Макс Бо́гач, миссис Сайерс (Англия) *, Г. Бургер (Мюнхен) и Гордан (Берлин).

Обязательные фигуры были № 2 *а* и *б*, 25 *а* и *б*, 26 *а* и *б*, 37 *а* и *б*, 38 *а* и *б*, 40 *а* и *б*. Лед был в первый день хорошим, но на другой день шел снег при — 4° Р и произвольное катанье у всех было не особенно блестящим.

Несмотря на недостаточную тренированность, я все же вышел на третье место: Сальков набрал 347 очков, Бо́гач — 338, я — 309, дальше были Сайерс, Бургер и Гордан. Однако у трех судей, которым я верил больше других, у Данненберга, Гопкинса и Бюхтгера я был по школе выше Бо́гача.

Но в данном случае главным для меня было еще ближе ознакомиться с техникой и тактикой фигуристов международного класса. Я получил тогда серебряную медаль Международного конькобежного клуба в Давосе и две красивые серебряные вазы для цветов.

Парное катанье, как я уже указывал, не давало победителям никакого почетного звания, так как первенство Международного союза конькобежцев по этому разделу было установлено только в 1908 году. Первое место заняли здесь Шабо — Эйлер (Вена), второе — супруги Сайерс (Лондон) и третье мисс Скуайр — Джонсон (Лондон).

В те же дни проходило соревнование скоростников на первенство Европы. Там шла напряженная борьба между знакомым нам по 1901 году норвежцем Гундерсеном и голландцами де-Ко-

---

* Тогда женщины, до установления для них Международным союзом конькобежцев Европейских первенств, допускались к соревнованиям вместе с мужчинами.

нинг и Баума; все четыре дистанции выиграл Гундерсен и получил звание чемпиона Европы 1904 года.

На другой день начался общий разъезд. Обратный путь через Австрию не был ничем замечателен, кроме разве великолепных горных видов из окна вагона да бесстыдного взяточничества и вымогательства австрийской поездной прислуги.

Еще в прошлом году в конце сезона я заявил товарищам по спорту, что, выиграв трижды первенство России, предоставляю теперь им бороться между собой за почетное звание чемпиона страны и в будущем буду выступать только на международных соревнованиях.

Вернувшись из-за границы домой, я продолжал занятия с младшими товарищами, которые уже смело могли и со мной соперничать, — с Россом, Гоппом, Датлиным, Олло, а также и с более молодыми фигуристами. Всем им я внушал одно: «Хочешь стать мастером своего дела и не осрамиться на международной арене — тренируйся, будь бодр и энергичен, обдуманно и неустанно работай над собой — и достигнешь многого».

Силы молодежи были довольно равные, и борьба предстояла очень интересная, тем более, что каждый из участников имел свою ярко выраженную индивидуальность: Гопп катался ближе всего к венской манере, с несколько слащавым изяществом; Росс нравился мне больше других; он катался в стиле нашей русской школы, красиво, динамично, без нарушений пластики и без театральных вычурностей; Датлин держался неважно, «вешал» колено и носок, но выполнял трудные фигуры в произвольном катанье, а Олло, хотя и был сложен не совсем красиво (у него были острые колени и слишком большая стопа) и держался с дефектами, но все это искупал точностью школьных фигур, а также темпераментом и музыкальностью произвольного катанья.

Трудно было предсказать, кто из них победит, но когда дело дошло до записи на соревнование, все они ... струсили друг перед другом, и, несмотря на хорошую подготовку, никто из них не рискнул выступить, невзирая на все мои уговоры и упреки старших членов Общества.

Я был страшно раздосадован и тут же заявил, что, коли так, то в будущем, 1905 году, снова выступлю на первенство России.

Работая над совершенствованием своей техники в школьном и произвольном катанье, а также над своим стилем в рисунках новых специальных фигур, я не имел, после Зейберта, никакого тренера. Зато я нередко пользовался советами и указаниями Алексея Павловича Лебедева; кроме того, в моей работе принял дружеское участие старший инструктор «Гребного общества» и конькобежец О. А. Шмунк *, о котором я уже рассказывал, что

---

* О. А. Шмунк был по профессии столярным мастером и работал на одном из деревообделочных заводов на Обводном канале (умер в 1936 году).

он некогда готовил четверку «Гребного общества» к гонке на «Невский кубок». С ним я очень сблизился. Шмунк частенько днем заходил на каток посмотреть на мою тренировку. Хотя он сам был скоростником и не разбирался тогда во всех тонкостях техники фигурного катанья, но у него был достаточно верный глаз, чтобы заметить всякую угловатость, жесткость или иную неправильность в постановке и движениях тела; да и не только его замечания, а даже самое его присутствие и благожелательное наблюдение уже оказывали мне помощь и поддержку в работе. Большой долей моих последующих успехов я обязан этим двум моим друзьям.

С их-то помощью я и готовился к осуществлению цели, которую поставил себе еще после горького поражения наших конькобежцев на мировом первенстве 1896 года — быть лучше, сильнее зарубежных спортсменов. Но для того, чтобы добиться этого, понадобились еще годы упорной работы над собой.

XIV. СТРЕЛКОВЫЙ СПОРТ В ЦАРСКОЙ РОССИИ. ЧЕМПИОНАТЫ СТРАНЫ

В Царском Селе, куда я переселился в 1904 году в связи с назначением по службе, мне довелось встретить замечательного стрелка капитана Георгия Евгеньевича Вишнякова, служившего впоследствии в должности преподавателя Высшей стрелковой школы Красной Армии. Он был единственным стрелком из пистолета, который не уступал мне на тренировках и, вероятно, мог бы победить меня и на соревнованиях. К сожалению, он почему-то выступал только на своих военных соревнованиях и ни разу не вышел оспаривать первенства России.

Вишняков пригласил меня стрелять в тир своего батальона. Позднее, познакомившись с его товарищами, я сделался постоянным гостем их Собрания на Павловском шоссе, на так называемой Малиновской даче. Там, на открытой веранде, от одной каменной стены ее до другой как раз с избытком выходила нужная для пистолета дистанция в 25 шагов (примерно 16 метров). Мы повесили на одну из стен стальную доску с крючками для мишени и летом чуть не каждый день упражнялись, всаживая в честь пушкинского Сильвио пулю за пулей в трехсантиметровый черный кружок мишени.

Стреляли мы сперва из малокалиберных, а потом из дуэльных шомпольных пистолетов калибра 10 миллиметров, конечно, нарезных, работы знаменитых французских мастеров прошлого века Лепаж-Мутье, Девима и др. Мишень международного образца для пистолета и револьвера на эту дистанцию имела белый центр диаметром в 1 сантиметр, вокруг него черный пояс шириной тоже в сантиметр, далее шли белые сантиметровые же пояса, числом 6. Таким образом, в мишени было всего 8 поясов; наружный обо-

значался цифрой 0, белый центр — цифрой 7, черный кружок — 6, остальные белые — от 1 до 5. Очки считались по поясу, задетому хотя бы самым краем пули.

Так как при высоком классе стрельбы белый центр — «семерка» — начисто выбивался нередко с первого выстрела и тогда уже нельзя было правильно оценить последующие пули, попавшие в черный кружок — «шестерку» близко к центру, то вокруг «шестерки» была еще тонкая дополнительная линия; если пуля, попавшая в черное, не касалась этой линии изнутри, то она признавалась семеркой, если же касалась, то оценивалась только в шесть очков. В мишень полагалось выпускать по семи пуль, таким образом, максимально достижимое число очков равнялось 49.

Среди товарищей Вишнякова было много страстных охотников. Видя мою стрельбу из пистолета и револьвера, они много раз уговаривали меня начать стрелять дробью и принять участие в их охотничьих подвигах. Но я сознательно уклонялся от этого, так как чувствовал, что если поддаться этой страсти, то все прочие виды спорта могут отойти в сторону. Я твердо решил отложить охоту до той поры, когда продвижение вперед в технике других видов спорта станет для меня уже невозможным, т. е. лет до сорока. Теперь я вижу, что это была ошибка: серьезная охота требует такого же напряжения физических сил и воли, как и другие виды спорта.

Ввиду важного значения стрелкового спорта, в одном из разделов которого я долгое время занимал ведущее место в стране, я, в целях единства изложения, охвачу здесь значительную часть и второго десятилетия нашего века. Но прежде скажу несколько слов о стрелковом спорте в России вообще в конце XIX и в начале XX века.

В царской России стрелковый спорт находился на особом положении. Для правительства не было тайной, что во многих государствах Западной Европы стрелковое дело стояло на большой высоте, а в отдельных странах, например в Швейцарии и Франции, точная стрельба из винтовок стала популярнейшим спортом, и соревнования стрелков проводились там повсюду чуть ли не каждое воскресенье.

Царское правительство не хотело отставать в этом деле от соседей, но одновременно с этим оно опасалось развития стрелкового дела среди гражданского населения. Еще бы! Явственно чувствовалось приближение революционной грозы. Рабочие массы волновались, а они уже тогда представляли собой весьма внушительную силу. Разве можно было царскому правительству допустить, чтобы рабочие свободно овладевали искусством меткой стрельбы?

Поэтому в распространении стрелкового спорта среди войска и среди гражданского населения существовала огромная диспропорция. Офицеры каждой воинской части принимали участие в ежегодных состязаниях на императорские призы в стрельбе из

трехлинейной боевой винтовки и из боевого револьвера. Призы на этих состязаниях выдавались денежные, и во многих подразделениях, например в гвардии, было принято приобретать на призовые деньги личное оружие повышенного качества. В военной среде стрелковый спорт получил сравнительно широкое распространение по всей стране.

Организация же стрелковых клубов среди гражданского населения разрешалась лишь в виде редкого исключения. Например, я лично знал о существовании лишь четырех таких организаций: «Петербургское атлетическое общество», «Петербургский кружок любителей спорта», «Петербургское общество комнатной стрельбы» («ПОКС», оно же «Пальма») и «Рижское стрелковое общество». Знаю также, что в проводившихся тогда с 1900 по 1917 гг. стрелковых соревнованиях на первенство страны, да и в других соревнованиях, кроме петербуржцев, ни один иногородний гражданский стрелок не выступал. Отсюда можно сделать вывод, что, помимо названных организаций, никаких других гражданских стрелковых клубов в России не существовало. Я не говорю здесь об обществах стендовой стрельбы дробью, равно как и об «Обществе ревнителей военных знаний», в котором гражданские участники стрелковых соревнований составляли ничтожное меньшинство.

Тем не менее достижения «штатских» стрелков обычно стояли значительно выше, чем участников состязаний на императорские призы. Например, были случаи сравнения военных призовых мишеней по револьверу с аналогичными мишенями «Атлетического общества». И когда попадания взявшего императорский приз переводили на гражданскую (международную) мишень, то оказывалось, что ее нельзя даже представить на конкурс: она не набирала минимума очков, установленного правилами соревнований. С другой стороны, в гражданских стрелковых соревнованиях на первенство России часто участвовали лучшие стрелки из военных, но лишь в редких случаях им удавалось выйти на первое (капитан Ф. Н. Лебедев) или второе (капитан А. М. Каш) место.

...Еще в 1904 году до меня стали доходить слухи о непобедимом стрелке из пистолета и револьвера Михаиле Васильевиче Семичове. Рассказывали также, что спортивная стрельба из ручного оружия была серьезно организована в «Петербургском атлетическом обществе», председателем которого и меценатом, тратившим на него большие средства, был известный владелец конюшни скаковых лошадей, помещик, отставной гусар и матерый реакционер граф Г. И. Рибопьер. Там стреляли из дуэльных пистолетов высокого качества, а у меня был тогда только малокалиберный $^{22}/_{100}$, т. е. калибра около 6 миллиметров, который не мог конкурировать с большим калибром при учете попаданий не по центру, а по краю пули. Позже я узнал, что в «Атлетическом обществе» имеются хорошие общественные пистолеты, которыми можно пользоваться во время соревнований.

Стрельба из пистолета и револьвера на звание чемпиона России по правилам Общества длилась целый месяц, в апреле — мае, на следующих условиях: каждому участнику выдавалось 30 конкурсных мишеней по пистолету и столько же по револьверу, с печатями и подписями членов судейской коллегии на обороте каждой мишени. Из этих мишеней, стрелянных каждая 7-ю пулями в любое время в течение месяца в Семеновском стрельбище в присутствии члена судейской коллегии, следовало представить в коллегию пять мишеней для конкурса на звание чемпиона России, большую золотую медаль и переходящий кубок или три мишени для получения I, II или III приза — малой золотой, серебряной или бронзовой медали.

Придя в 1905 году в Семеновский тир, я узнал, что М. В. Семичов, уже несколько лет владеющий чемпионатом по пистолету и револьверу, в 1904 году представил по пистолету отличные мишени в 43, 43, 43, 42 и 42 очка с общей суммой — 213.

Я записался на соревнование 1905 года от «Общества любителей бега на коньках», хотя там стрелковый спорт и не практиковался. Мне достался общественный пистолет работы Девима в Париже с датой 1859 года, № 1711. Он имел не совсем удовлетворительные прицел и мушку, да и времени для пристрелки и тренировки было мало, и я не мог показать высоких достижений.

Семичов представил мишени в 43, 42, 42, 42 и 42 = 211 очков. Вторым был капитан Кронштадтской крепостной артиллерии А. М. Каш, представивший мишени в 44, 43, 42, 40 и 39 = 208 очков. Если бы на чемпионат шли только три мишени, а не пять, то он был бы чемпионом. Но ровность стрельбы совершенно правильно дала Семичову преимущество, и Каш получил I приз (таким считался там приз, следующий за чемпионатом). Я представил 43, 41, 41, 41 и 41 = 207 очков и получил II приз. Однако я был доволен ровностью своей стрельбы и надеялся на лучшие результаты в будущем, если удастся исправить прицельную систему пары пистолетов Девима № 1711, которые после соревнования 1905 года были предоставлены Обществом в мое исключительное пользование.

Правильное положение прицельной системы пистолета на фоне мишени

Я немедленно приступил к их усовершенствованию. Не удовлетворившись прицелами и мушками, изготовленными оружейными мастерами по моему заказу, я сам выпилил их из куска стали и с лупой в руках при помощи миниатюрных напильников и тончайшей наждачной бумаги изготовил, наконец, то, что мне было нужно: для попадания в семерку прицел и мушка должны были в момент выстрела иметь такое положение относительно черного центра мишени, какое показано на рисунке. Малейшее

отступление контура мушки от математически правильной окружности мешало бы точности прицела.

С этим пистолетом я тренировался дома, стреляя ежедневно по 35 пуль через три комнаты в мишень на чугунной доске, поставленной на окно, с двумя рефлекторами из белой бумаги по сторонам. Начав с 38 очков, я вскоре достиг 46 очков, а всероссийский рекорд был 44 (Каша и Галченкова). Моя надежда на лучший результат превратилась в уверенность. Я должен был победить Семичова в 1906 году, для этого были все данные. Однако этому не суждено было случиться. Преждевременная смерть оборвала жизнь крупного спортсмена, который был не только исключительным стрелком, прославившим русское имя за границей, но и выдающимся гиревиком и борцом.

Весной 1906 года я явился на стрельбище хорошо тренированным и с точно пристрелянными пистолетами. В первый же день соревнования, 29 апреля, я начал стрелять по конкурсным мишеням и представил две из них — в 42 и 44 очка. На другой день я сделал мишень в 46 очков, но это была простая, не конкурсная, и в счет не шла. 10 мая сделал конкурсную в 41 очко, 11 мая — 42 очка.

И, наконец, 14 мая наступил день моей большой удачи.

В присутствии вице-президента Общества и ряда стрелков я, сделав первый выстрел по конкурсной мишени, «ослепил» ее, т. е. чисто выбил всю белую семерку, попав в самый центр так, что весь кружок шестерки стал казаться издали черным.

«Плохой знак, — заговорили зрители, — шикарная первая пуля предрекает промах». Служитель Общества Петр, по правилам, подложил под пробоину темносерую бумагу.

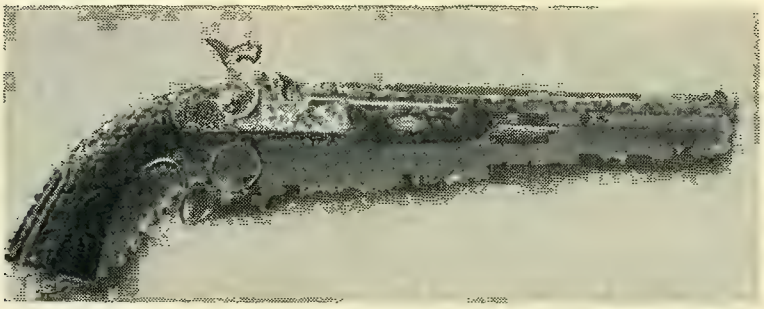
Второй выстрел. Мишень не изменила вида. «Ну, так и есть, мимо...» Но я вижу в бинокль иное. Петр подходит, оглашает: «Туда же!» и передвигает бумажку. Сенсация: пуля в пулю, да так, что если б не бумажка, не доказать бы попадания.

Третий выстрел: злая шестерка 2 часа («злой» у нас называлась пуля, немного не задевшая лучшего пояса; сторона отклонения пули от центра мишени определялась применительно к часовому циферблату).

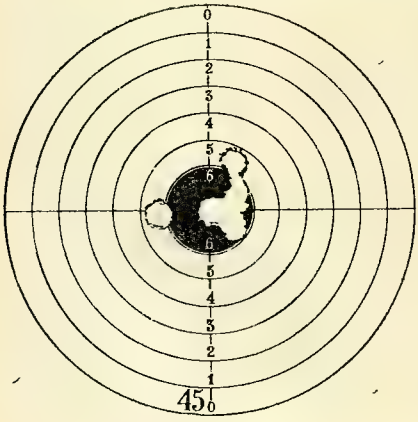
Четвертый: злая шестерка 4 часа. Пятый: семерка 3 часа, как раз в середину прежних пробоин, и опять бумажка доказала попадание.

Шестой: добрая шестерка 9 часов. Седьмой: шестерка 1 час.

Результат — новый всероссийский рекорд в стрельбе из пистолета — 45 очков. Составилась серия: 45 + 44 + 42 + 42 + + 41 = 214 очков. Чемпионат был за мной, и достреливать остальные конкурсные мишени мне уже не было надобности. I приз получил И. Р. Галченков, представивший 43 + 38 + 38 + 38 + + 38 = 195 очков, II приз — Е. Е. Тевяшев — 43 + 38 + 38 + + 38 + 36 = 193 очка. Каш, Бабин и другие остались без приза.



Мои пистолеты работы Девима



Рекордная мишень из пистолета, 7 пуль—45 очков из 49 возможных

Я получил две большие золотые медали «Атлетического общества» за чемпионат и за всероссийский рекорд, переходящий кубок, а за исключительно высокие достижения мне преподнесли в собственность эту замечательную пару пистолетов Девима № 1711, в ящике красного дерева со всеми принадлежностями, украшенными художественной чеканкой. Впоследствии эти пистолеты были подарены мною в знак любви и глубокого уважения руководителю обороны Ленинграда в дни Великой Отечественной войны Андрею Александровичу Жданову. Его отзывчивость и забота о людях запомнились мне на всю жизнь.

После этого соревнования мне предложили вступить в число «Атлетического общества»; оно культивировало, кроме стрелкового спорта, гимнастику, поднятие тяжестей, борьбу, бокс руками, а также ногами (тогда была и такая разновидность бокса) и фехтование. По этим видам спорта Общество устраивало соревнования на чемпионаты России; к таким соревнованиям по борьбе, боксу, фехтованию и гимнастике допускались лишь лица, сдавшие специальные испытания. Чемпионаты по стрельбе присуждались только при условии представления мишеней не ниже установленных норм.

Я уклонился от «чести» быть членом этого Общества. Не нравилось оно мне потому, что руководство его носило определенно реакционный характер *. Председатель Общества Рибопьер возглавлял еще и другую, уже совсем черносотенную организацию — «Петербургское национальное общество любителей спорта», да и в «Атлетическом обществе» среди его членов было несколько человек, игравших ту или иную роль в черносотенном «Союзе русского народа». Не могу вспомнить теперь их фамилий, но уже один этот факт препятствовал мне вступить в общество.

Большинство моих соперников по стрельбе тоже не состояло членами Общества. Их было человек 15—16, они принадлежали к различным спортивным и охотничьим организациям и военным частям Петербурга. Здесь были члены гимнастических обществ, «Петербургского кружка любителей спорта», «Петербургского общества комнатной стрельбы» и других. Военные, в большинстве, держались особняком и редко примыкали к нашей тесной штатской компании, собиравшейся между стрельбами в скромном буфете стрельбища за стаканом чая. Тут делились успехами, подтрунивали над неудачами.

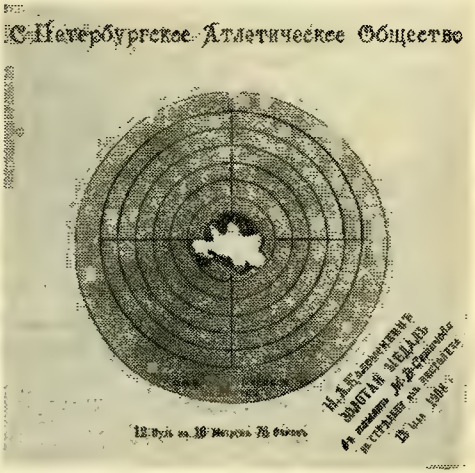
Большое оживление в тире вызывали состязания на призы в стрельбе из пистолета еще и на 25 метров по команде, как на дуэли. Время для прицела и выстрела определялось в три счета по метроному с частотой ударов 60 и выше в минуту. Состязания проходили в форме «пулек»: все участники стреляли попарно, ка-

* О черносотенном характере этого общества, а также футбольно-хоккейного клуба «Меркур» свидетельствует В. И. Березин в своем труде «История спортивных игр дореволюционной России», 1940, стр. 24 (диссертация в библиотеке ГДОИФК им. Лесгафта).

ждый с каждым, в два чугунных человеческих силуэта. Если оба попадали в мишень (без учета места попадания), то ход метронома ускорялся до тех пор, пока один из участников не делал промах. По команде «Внимание!» стрелок обязан был держать пистолет в вытянутой вниз руке, касаясь ложей ноги. Затем, уже под метроном, давалась команда «Огонь! Раз! Два! Три!» По команде «Огонь!» можно было отнять пистолет от ноги, целиться и стрелять. Выстрел после команды «Три!» уже считался промахом.

Лучшими стрелками по команде были Е. Е. Тевяшов, И. Р. Галченков и Н. Н. Тавилдаров, сын известного профессора химии. Тавилдаров по мишени стрелял плоховато, но в дуэльной стрельбе имел удивительный навык: он стрелял что называется «на вскидку», как охотник по бекасу; его выстрел раздавался раньше счета «раз», и он, почти не целясь, попадал по большей части в шею чугунного человека.

Золотая медаль в память чемпиона России М. В. Семичова



Рекордная мишень из пистолета, 12 пуль— 76 очков из 84 возможных

В 1907 году «Атлетическое общество» установило постоянный почетный приз в память покойного чемпиона России М. В. Семичова в виде большой медали червонного золота с его портретом. Получить эту медаль мог всякий, кто посадит 12 пуль подряд в обычную мишень, не выходя из четвертого пояса и не нарушая хотя бы самым краем пули ограничивающей его линии; при этом надо было выбить не менее 70 очков. Число попыток не ограничивалось, но за каждую мишень нужно было платить. Эти условия, считавшиеся чрезвычайно трудными, были установлены потому, что М. В. Семичов в свое время выиграл в Париже в тире «Гастинн-Ренетт» приз — золотую медаль на точно таких же условиях.

В марте 1907 года на тренировках у себя в Царском Селе я почти каждый день выполнял эти условия, доходя до 46 очков из 7 пуль и до 78 из 12. Но стрельба в комнате сильно разнится от стрельбы на ветру. И когда я начал стрелять в Семеновском тире, то сперва сделал только 71 очко, которые мне не зачли, так как одна пуля, по мнению судьи Тевяшова, будто бы коснулась запретной линии. Я не возражал и 2 мая сделал мишень в 43 очка из 7 пуль и 74 из 12 пуль, сравнявшись с всероссийским рекордом Семичова на этих условиях. Таким образом, я получил медаль в память Семичова за № 1. Больше никто в России не смог ее взять до 1918 года, когда соревнования по стрельбе из дуэльного пистолета прекратились.

На чемпионат России 1907 года я представил серию мишеней в $45 + 44 + 44 + 43 + 42 = 218$ очков, истратив на это из 30 конкурсных мишеней только 14.

В следующем, 1908 году, я встретил в стрельбе из пистолета очень сильного соперника. Член «Петербургского кружка спортсменов» Борис Кириллович Струве показал удивительно ровную стрельбу: он делал каждый день мишени по 41 очку и притом — по несколько штук, одну сделал в 42 очка. При таких результатах он мог сделать случайно и много больше, и это заставляло меня быть настороже и не спешить с расходованием конкурсных мишеней. Я сделал две по 44 очка и остановился, потому что при всей уверенности в моем превосходстве отличная стрельба Струве все же немного меня волновала. Я чувствовал, что в этих условиях не смогу сделать большего; но в то же время был уверен, что как только опасение высоких результатов противника исчезнет, тотчас же вместе с полным спокойствием вернется и возможность высшего достижения.

И действительно, как только Струве кончил все свои 30 мишеней и представил серию — $42 + 41 + 41 + 41 + 41 = 206$ очков, то я в один день, 18 мая, сделал еще 41, 42, 39, 43, 45 и 43, составив таким образом серию $45 + 44 + 44 + 43 + 43 = 219$, т. е. выше прошлых лет. Примечательное для психологии спорта явление!

А перед этим, 13 мая, я стрелял 12-пульную мишень на рекорд и сделал 76 очков, установив новое всероссийское достижение.

Выиграв чемпионат России по пистолету подряд три раза, я получил за это еще и почетный диплом на большой серебряной доске с гербами Общества и золотой медалью на ней.

Как уже выше было рассказано, я показал в 1906 году и затем повторил в 1907 и 1908 гг. высокий результат в 45 очков в стрельбе по 7-пульной мишени, и теперь мне было очень трудно побить этот рекорд. Правда, не раз удавалось мне делать простые мишени по 46 и два раза по 47 очков, но они не могли считаться официальными. Прошло еще несколько лет, прежде чем мне удалось 30 апреля 1911 года побить свой собственный рекорд. О том, как это произошло, я скажу несколько ниже.

А теперь расскажу о стрельбе из револьвера, которая намного труднее, чем из пистолета по следующим причинам:

1. При сравнительно большем заряде пороха и более тяжелой пуле отдача в руку во время выстрела часто причиняет боль, отзывающуюся на плавности работы пальца, спускающего курок.

2. При переходе пули из барабана в ствол неизбежен некоторый прорыв газов, который не может быть равномерным. Отсюда постоянные колебания в высоте попаданий.

3. Стрельба патронами, в которых пуля обжата медной гильзой так, что края последней глубоко вдавлены в свинец пули, не равномерна по высоте, так как сопротивление гильзы на разжатие ее краев вылетающей пулей не может быть всегда одинаковым.

4. Огромную роль для правильного полета пули играет точность, незабитость прямого угла между базисом пули (нижним основанием) и ее стенками. Если этот угол где-нибудь закруглился при отливке пули, то при вылете ее из ствола прорыв газов с одной стороны пулевого дна происходит на какую-то ничтожную долю времени раньше, чем с другой. Из-за этого ось вращения пули не совпадает с ее продольной осью, и в результате правильность полета пули нарушается.

Я впервые выступил в соревнованиях по револьверу в 1907 году, стрелял из оружия военного образца системы «Смит и Вессон» калибра 44 («русская» модель). Мне удалось сделать 7-пульную мишень в 41 очко, побить этим всероссийский рекорд Семичова и представить мишени в 41 + 39 + 38 + 38 + 38 = 194 очка; за это я получил две большие золотые медали и второй переходящий кубок.

В 1908 году мне удалось приобрести новый великолепный револьвер той же системы и того же калибра со специально изготовленными целевыми мушкой и прицелом; последний был подвижной и мог подниматься и опускаться микрометрическим винтом. Но очень много терпения и упорства надо было иметь для того, чтобы достигнуть ровной и точной стрельбы из этого оружия.

Я перепробовал разные сорта пороха, пока не напал на наиболее подходящий — это был мелкий «жемчужный» *FFF,* Охтенского завода; собственноручно отливал пули и безжалостно браковал их при малейшей затупленности базисного угла; взвешивал каждую пулю и, опиливая головку, приводил вес к стандарту; наконец, вставлял осаленные пули в необжатую, строго цилиндрическую гильзу.

Не довольствуясь этим, я сконструировал специальный открытый прицел, подвижной в горизонтальном и вертикальном направлениях, примонтированный к ручке револьвера позади курка; он удлинял почти на 7 сантиметров прицельную линию и таким образом повышал точность боя.

Но при выстреле одним патроном в остальных пяти патронах, находящихся в шестизарядном барабане, необжатые пули выле-

зают вперед по инерции при отдаче и мешают барабану повернуться для следующего выстрела. Поэтому я стрелял всегда только с одним патроном в барабане для данного выстрела.

Приспособив таким образом револьвер и заряды к нему, я установил 17 мая 1908 года новый всероссийский рекорд — 42 очка, представил серию 42 + 41 + 40 + 39 + 38 = 200 очков и вновь получил две золотые медали и кубок. А достижения моих соперников не превышали 37 очков.

Надо сказать, что револьверы у всех были такие же, как мой, но никто не заботился столько о пристрелке и изготовлении патронов. Именно тщательная подготовка материальной части давала мне значительное преимущество перед соперниками, потому-то и разница в достижениях была здесь значительно больше, чем по пистолету. Постоянная забота о состоянии личного спортивного инвентаря была для меня законом во всех видах спорта.

В том же 1908 году, осенью, мне, вслед за М. В. Семичовым, удалось продемонстрировать искусство русского стрелка за границей. Это выступление имело место в Париже после игр IV Мировой Олимпиады в Лондоне, и об этом будет рассказано в соответствующей главе.

Серебряный почетный диплом за троекратное первенство России по стрельбе из револьвера

В 1909 году я не повысил своих достижений по пистолету, хотя и завоевал снова первенство — моя серия на этот раз была 44 + 44 + 44 + 43 + 43 = 218 очков. Зато по револьверу мне опять удалось побить всероссийский рекорд прошлого года, сделав мишень в 43 очка.

Выиграв в третий раз первенство России по револьверу, я получил второй почетный диплом на серебряной доске за троекратный чемпионат. Впоследствии, уже за два десятикратных чемпионства, я получил особые увеличенные золотые медали — по пистолету в 1915 году и по револьверу в 1916 году.

Золотая медаль за 10-кратное первенство России по стрельбе из пистолета (вверху—лицевая сторона, внизу—оборотная)

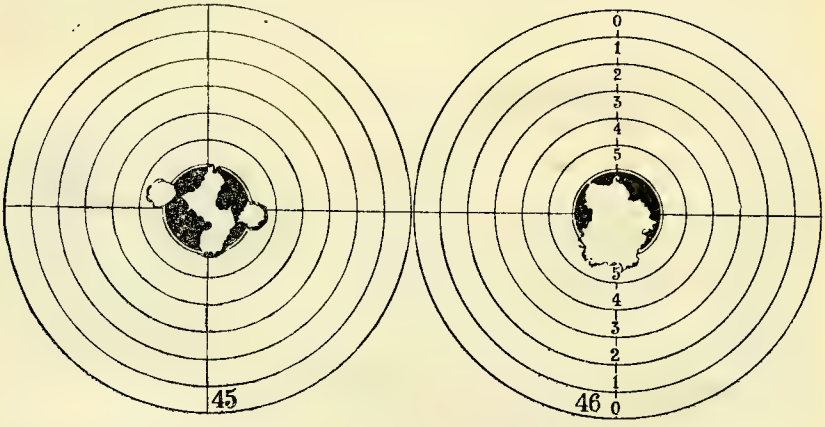
С тех пор, как я отказался вступить в члены «Атлетического общества», отношение ко мне судейской коллегии Общества изменилось к худшему и не ограничивалось преувеличенно строгой оценкой моих мишеней. Например, для того, чтобы я не мог стрелять необжатыми патронами, постановили ввести в правила соревнований «стрелять из револьвера обязательно с полным барабаном». Но я вышел из положения: вкладывал в барабан пять обжатых патронов, а шестой, для очередного выстрела, — необжатый, и после выстрела менял его на такой же.

...30 апреля 1911 года было одним из замечательнейших по удаче стрелковых дней на всем моем долгом спортивном пути. Накануне этого дня по случаю семейного праздника у меня собралось довольно большое общество. В шестом часу утра мы с женой, вместо сна, отправились провожать гостей на первый поезд в Петербург, потом прошлись по пустынному в этот ранний час парку и вернулись домой. После завтрака жена все же легла спать, а я, чувствуя себя в отличном настроении, взял ящик с одним пистолетом и футляр с револьвером и отправился в город на стрельбище. Все это я рассказываю для того, чтобы подчеркнуть неожиданность и необычайность того, что произошло.

Бессонная ночь и утомление все же дали себя чувствовать. В тире я пришел в состояние не то безразличия и равнодушия, не то полусонливости; я чувствовал только, что в данную минуту меня, кажется, ничто не может взволновать. В таком-то состоянии

я попросил служителя поставить мне простую мишень и начал стрелять из револьвера. Моя рука была устойчива, точно каменная. Посадив три пули в шестерку, я взял конкурсную мишень и попросил поставить ее рядом. Я попал первой пулей в пятерку 3 часа, и это испортило все дело: черная дырка рядом с черным центром мишени сместила в глазу центр видимого черного пятна вправо, и все остальные пули легли прекрасной группой, но правее, чем следовало, и все же мишень получилась в 40 очков.

Мне поставили другую конкурсную: эту я начал с семерки, да и пошел садить пулю за пулей в черный кружок шестерки и в самый центр. После шести выстрелов, видя, что только одна пуля немного отошла в белое поле, в пятерку, и что в мишени уже есть 39 очков, я подумал было: «А что, если испорчу все седьмой пулей», но не ощутил ни малейшего волнения и спокойно влепил в шестерку и последнюю. Получился невероятный для револьвера результат — 45 очков, новый всероссийский рекорд!



Две рекордные мишени: 45 очков—по револьверу и 46 — по пистолету

Когда я показал эту мишень компании, сидевшей в буфете за чаем, все с жаром пожимали мне руку.

Я не мог не позвонить по телефону в Царское Село жене и не рассказать ей о своей удаче:

— Знаешь что, — сказала она, — поставь сейчас же пистолетную и стреляй.

Я поставил и тут же, сряду, выбил 46 очков, еще один всероссийский рекорд, причем все 7 пуль слились в одну общую дырку. И все это после такой бессонной ночи! Сутки с 29 по 30 апреля 1911 года остались мне памятными на всю жизнь.

Но как объяснить этот случай? Не имело ли здесь место проявление твердо сформированных навыков стрельбы в условиях торможения каких-то сторон деятельности центральной нервной

системы? Дать ответ на этот вопрос могли бы наши психологи и физиологи.

В следующие дни у меня почему-то пропала охота стрелять, повидимому от очень твердой уверенности в победе, и я представил неровные серии: по пистолету 46 + 44 + 42 + 41 + 41 = 214 очков, по револьверу 45 + 41 + 40 + 40 + 40 = 206 очков.

После 1911 года мой интерес к стрелковым соревнованиям значительно ослабел. Сильные соперники не появлялись. Товарищи по этому виду спорта прозвали меня «крокодилом», поставили крест на свои надежды победить меня и больше не интересовались моими достижениями, борясь только между собой за последующие места в чемпионате. Даже самые сильные из них — Струве и Демяник — все же были слабее меня, и я продолжал выступать как бы «по инерции».

В то время все стоявшие близко к стрелковому спорту считали, что своими выдающимися достижениями в стрельбе я был обязан особой природной одаренности. Да я и сам этому верил. Только значительно позже, в недавнее время, я убедился, что дело было не в одаренности, а в тренированности моих вестибулярных аппаратов *, связанной с занятием фигурным катаньем на коньках, с постоянными длительными вращениями тела на льду. Этим же объясняется и моя стойкость в отношении морской болезни, в чем я давно убедился, участвуя в морских парусных гонках.

Так, в замечательной форме проявилось «содружество» различных видов спорта, в порядке сложного переноса навыка, ярко подтвердившее значение разностороннего физического развития.

25 января 1912 года нашу стрелковую семью постигла большая утрата: безвременно скончался Борис Кириллович Струве. Это был единственный стрелок в соревнованиях на первенство России, который заставлял меня предполагать возможность проигрыша.

Не буду описывать подробно все ежегодные соревнования, приносившие мне неизменный успех в течение 12 лет, — по 1917 год включительно, а ограничусь приведением цифровых данных за эти годы, за исключением 1916 года, когда оба чемпионата остались за мной, но записей в подробностях не сохранилось.

Год	Пистолет	Револьвер
1906	45 + 44 + 42 + 42 + 41 = 214	
1907	45 + 44 + 44 + 43 + 42 = 218	41 + 39 + 38 + 38 + 38 = 194
1908	45 + 44 + 44 + 43 + 43 = 219	42 + 41 + 40 + 39 + 38 = 200
1909	44 + 44 + 44 + 43 + 43 = 218	43 + 41 + 40 + 39 + 39 = 202
1910	45 + 44 + 44 + 43 + 43 = 219	39 + 39 + 38 + 38 + 38 = 192
1911	46 + 44 + 42 + 41 + 41 = 214	45 + 41 + 40 + 40 + 40 = 206
1912	44 + 42 + 40 + 39 + 39 = 204	40 + 40 + 40 + 39 + 38 = 197
1913	44 + 43 + 43 + 42 + 42 = 214	43 + 42 + 41 + 39 + 38 = 203

* Вестибулярный аппарат — орган равновесия и чувства положения, находящийся во внутреннем ухе.

Год	Пистолет	Револьвер
1914	44 + 42 + 42 + 42 + 40 = 210	43 + 41 + 41 + 41 + 40 = 206
1915	43 + 42 + 42 + 42 + 42 = 211	44 + 43 + 42 + 39 + 38 = 206
1916	нет сведений	
1917	45 + 41 + 41 + 41 + 40 = 208	43 + 41 + 39 + 39 + 39 = 201

После 1917 года, с ликвидацией «Атлетического общества», соревнования по стрельбе из пистолета и револьвера временно прекратились.

Для полноты картины организации стрелкового спорта в «Атлетическом обществе» необходимо сказать, что там, одновременно с соревнованиями по стрельбе из пистолета и револьвера, проводились соревнования на чемпионат России по стрельбе из вольной винтовки на дистанцию в 100 аршин. Стреляли по 10 пуль в мишени с белым центром — «десяткой» в два дюйма диаметром и с девятью дюймовыми поясами вокруг нее, из которых только девятый был черный. Из винтовки стреляли целый месяц, число конкурсных мишеней не ограничивалось, и только лучшая из них представлялась в судейскую коллегию. Но зато в последний день соревнований, обычно в воскресенье в конце мая, все участники были обязаны в торжественной обстановке выйти на линию огня и провести так называемую общую стрельбу: стрелял по очереди каждый в свою мишень по 10 пуль, после чего эти мишени также шли в конкурс вместе с первой.

Чемпионаты России по этому виду стрельбы в разные годы доставались капитану 92 Печерского полка Ф. Н. Лебедеву, Е. Е. Тевяшову («Атлетическое общество»), О. А. Шмунку («Петербургский кружок любителей спорта»), В. А. Лучинскому («Атлетическое общество») и другим. Эти соревнования имели ту особенность, что выявляли, с одной стороны, техническое уменье и тренированность — на предварительных стрельбах и, с другой стороны, крепость нервов, уменье владеть собой — на общей стрельбе.

Именно волнение во время общей стрельбы часто губительно отражалось на результатах очень опытных стрелков, имевших прекрасные предварительные мишени. Так это случалось не раз, например, с Тевяшовым; однажды он имел на предварительной стрельбе целых две мишени по 94 очка (из 100 возможных), а на общей стрельбе так волновался, что чемпионат выиграл Шмунк с 92 очками на предварительной и 85 на общей. Тевяшов вообще отличался чрезвычайной нервностью. Когда он стрелял конкурсную мишень из пистолета, то бледнел, вздыхал, долго целился и отставлял, опять целился, опять отставлял, ходил по площадке и этим так действовал на меня, что я запирал ящик с пистолетами и уходил в буфет.

Рекордом в этих соревнованиях долгое время было 94 очка, но за несколько лет перед войной (к сожалению, не помню точной даты) В. А. Лучинский сделал поразительную мишень в 97 очков — 7 десяток и 3 девятки. Принимая во внимание, что эта

стрельба производилась из положения стоя, без упора и с открытой площадки при некотором ветре, результат Лучинского надо признать блестящим.

Стрелковый спорт развивает меткость, хладнокровие и уверенность в своих силах. Он имеет первостепенное оборонное значение и всегда был особенно любим русским и другими народами нашей страны, воспитавшими выдающихся стрелков. В дальнейшем лучшие в мире советские снайперы с особой яркостью проявили себя в грозные годы Великой Отечественной войны, беспощадно истребляя фашистских захватчиков.

XV. ФИГУРНОЕ КАТАНЬЕ В 1905—1907 гг.

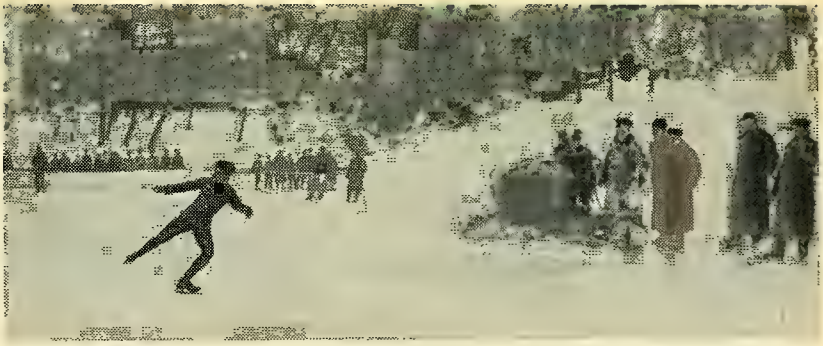
На жизни русских спортивных кругов не могли не отразиться исторические события 1905—1907 гг. Неудачная война с Японией, Портсмутский мир, который в высших слоях общества считался дипломатической победой, а большинство населения воспринимало его как позорное пятно, грозная революция 1905 года, учреждение Государственной Думы — все это вызвало в спортивной среде, на первый взгляд как будто бы единой, резкие разногласия.

Общественно-политическое лицо многих спортивных организаций и отдельных членов их, остававшееся до того завуалированным, проявилось теперь как на фотографической пластинке. Большинство, оставаясь внешне лойяльным в отношении правительства, радовалось и надеялось на осуществление своей мечты о либеральной конституции. В таких петербургских организациях, как «Общество любителей бега на коньках», «Кружок любителей спорта», «Кружок конькобежцев-любителей», и в более демократических кружках, за редкими исключениями, не замечалось реакционных настроений. В оживленных разговорах и спорах о событиях выявлялись только более или менее либеральные и левые взгляды. Однако дальше словоизлияний никто не шел.

Среди стрелков, наоборот, лишь немногие сочувствовали революционному движению, большая же часть — офицерство и примыкавшие к нему — высказывалась резко за подавление всяких проявлений свободолюбия со стороны рабочих масс. Словесная борьба между представителями противоположных мнений достигала нередко крайнего возбуждения и выходила за рамки обычного спора.

Все это не создавало благоприятных условий для развития спорта; число участников соревнований заметно сокращалось.

Я все же записался на первенство России 1905 года по фигурному катанью и выиграл его у Датлина и Олло. На этом соревновании нам удалось добиться некоторого прогресса в технике: еще в Давосе я убедился, что кривизна рабочей линии конька была у нас недостаточно совершенной; слишком прямая задняя часть конька не позволяла чисто выполнять петли на ходах вперед на-



Судейская коллегия первенства России за оценкой произвольного катанья

ружу и внутрь. Я поделился своим опытом с товарищами. Несколько увеличив кривизну этой части конька, все мы достигли лучших результатов во всех комбинациях петель.

В этом же году я получил из Москвы от «Русского гимнастического общества» * приглашение выступить в соревновании на первенство Москвы и принял его.

Соревнование состоялось на катке Патриаршего пруда на плохом льду с натеками и неровностями. Московские фигуристы оказались не очень опасными соперниками, и я легко выиграл почетное звание чемпиона Москвы. Сильнейшим моим противником был Смирнов, фамилий других не помню, но в целом их катанье показалось мне довольно примитивным. Повидимому, никто из москвичей не задумывался над вопросами теории и техники фигурного катанья, да и пластика стояла на низком уровне. Например, Смирнов катался на совершенно прямой, вытянутой до жесткости опорной ноге, обе руки почти все время держал перед собой, свободную ногу вел не в направлении движения, а где-то сбоку, и т. д.

«Русское гимнастическое общество», руководителем которого был тогда большой энтузиаст спорта и известный в Москве деятель физического воспитания инженер путей сообщения Иннокен-

---

* «Русское гимнастическое общество» было основано в 1883 году кружком энтузиастов физического воспитания, среди которых был наш знаменитый писатель А. П. Чехов, журналист В. А. Гиляровский, автор одного из первых руководств по фигурному катанью барон М. О. Кистер, известный гребец Н. Н. Шустов и другие, в целях «содействия развитию гимнастического дела в видах укрепления и восстановления здоровья». Культивируя потом различные виды спорта, в том числе скоростной и фигурный бег на коньках, Общество приобрело сокольский характер и стало называться «Русское гимнастическое общество Сокол», после чего под влиянием «Союза русского сокольства» там возникли антиспортивные реакционные течения, приведшие к расколу Общества. В 1911 году число членов Общества уменьшилось почти втрое.

тий Иванович Касаткин*, лишь незадолго до 1905 года начало пропагандировать фигурное катанье на коньках. Оно явилось в этой области конкурентом более старой в отношении коньков организации — «Московского речного яхт-клуба», имевшего прекрасный каток на Петровке (теперь каток «Динамо»). Но и там и тут этот вид спорта значительно отставал от Петербурга, московские фигуристы смотрели на нас скорее как на учителей, чем как на соперников. Такое положение продолжалось вплоть до 1912 года...

Кубок в память А. Н. Паншина

В зиму 1905 года общее собрание «Петербургского общества любителей бега на коньках» постановило учредить переходящий приз — кубок в память своего почетного члена, безвременно погибшего А. Н. Паншина**. Предполагалось использовать этот приз для пропаганды в международном спорте специально-фигурного катанья, так хорошо разработанного трудами русских конькобежцев. Именно в России была создана целая система начертания специальных фигур, имеющих особый орнаментальный характер, а также выработана техника исполнения, казалось бы, неисполнимых комбинаций.

Был заказан огромный серебряный кубок. Правила соревнований на кубок в память Паншина отличались от обычных международных правил только тем, что, кроме школьного и произвольного катанья, в соревнование входил еще и третий раздел — специальных фигур, в числе трех. Специальные фигуры изобретались самим участником, представлялись накануне соревнования в судейскую коллегию и оценивались ею по трем показателям по

---

* Большой заслугой И. И. Касаткина была его упорная борьба с реакционным сокольским засильем в «Русском гимнастическом обществе» за спортизацию его деятельности и за пропаганду среди молодежи спорта в противовес группе лиц, признававших только сокольскую гимнастику.

** А. Н. Паншин скончался 4 ноября 1904 года.

6-бальной системе: по новизне, трудности и исполнению на льду. Первое место у каждого судьи получал тот, у кого оказывалась наивысшая сумма баллов по всем трем разделам.

Комиссия по состязаниям, работавшая с 1905 года под моим председательством, затратила немало времени и труда, чтобы зарубежные клубы восстановили заброшенную там с 1892 года работу по специальным фигурам. Таким образом, Россия явилась застрельщиком внедрения специально-фигурного катанья в программы международных состязаний того времени.

В связи с политическими событиями первый розыгрыш кубка в память Паншина был отложен. «Кровавое воскресенье» 9 января — расстрел безоружных рабочих, послуживший началом обострения революционной борьбы 1905 года и всколыхнувший не только рабочий класс, но и всех трудящихся страны, создал настроения, отнюдь не располагавшие к устройству торжественных спортивных праздников.

В соревновании на первенство страны в 1906 году я не участвовал. Выиграв его четыре раза, я считал, что надо дать дорогу и младшим фигуристам, тем более, что они были уже не слабее меня и каждый из них, как я уже говорил, имел свою индивидуальность. Победителем вышел Датлин.

Служебные дела не позволили мне поехать за границу на первенство мира 1906 года.

Но принять участие в борьбе за кубок Паншина я считал своим долгом. Впрочем, состязание оказалось не столь интересным. Ожидавшиеся участники — иностранцы и москвичи — не приехали: видимо, трудность специальных фигур отпугнула их. Стартовали только юсуповцы — Олло, Датлин и я, и переходящий кубок достался мне.

В 1907 году спортивный интерес соревнования на кубок Паншина должен был значительно возрасти, так как соперничество обострилось. Датлин усердно тренировался и сильно улучшил свое катанье. Он несомненно мог добиться значительного успеха в соревновании, в котором участникам предлагалась довольно трудная школьная программа, содержавшая, между прочим, фигуру № 39 *а* и *б* — восьмерку с петлями назад с наивысшим коэфициентом трудности — 5.

Между тем, я получил из Москвы новое приглашение на соревнование на первенство города 21 января 1907 года, на этот раз от «Московского речного яхт-клуба», и не мог отказать себе в удовольствии побывать у радушных москвичей. А программа фигур там была совсем другой, и я рассчитывал, вернувшись в Петербург, подтренироваться к розыгрышу кубка Паншина в течение недели, разделявшей оба соревнования. Это была моя ошибка: «За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь». Только случайность, как увидим ниже, спасла меня от поражения в борьбе за кубок Паншина.

В Москве на этот раз я увидел новых фигуристов, между которыми выделялся смелостью катанья молодой Иван Павлович Малинин. Все они стояли уже на более высокой ступени, чем два года назад; было видно, что москвичи начинают догонять петербуржцев.

Московское первенство я все же выиграл вторично, но в расчете на тренировку в Петербурге ошибся. Москвичи были не такой народ, чтобы выпустить гостя сразу после соревнования, и я только за два дня до розыгрыша кубка попал домой. Правда, за это время я ежедневно катался с москвичами и думаю, что много помог им в продвижении вперед.

Что можно сделать за два дня? У Феди Датлина восьмерка с пятлями шла как по маслу, а у меня весьма посредственно — один след хорош, другой — никуда не годится. Отказаться от встречи невозможно: я владею кубком и должен защищать его.

Это соревнование особенно ярко показало, насколько необходимо спортсмену дисциплинировать себя не только на соревновании, но и перед ним, по возможности предусмотреть все мелочи и мобилизовать свою волю к победе.

У Датлина были слабые стороны, от которых он никогда не мог отделаться: укоренившаяся в быту привычка всегда всюду опаздывать, нерешительность, потеря присутствия духа и уверенности в себе при первой неудаче. Отсюда неумение сполна использовать свои качества и навыки в обстановке соревнования.

Старт был назначен на 10 часов 28 января. Я пришел на каток в 9 часов, вышел на лед через 40 минут, покатался для разминки и к 10 часам был абсолютно готов. Судьи оказались в сборе, и звонок к старту зазвенел во-время. А Датлин явился в половине десятого, начал массироваться, натирать мышцы специальной мазью. Его вызывают на лед, а он натягивает рейтузы, нервничает. Выходит на старт, не сделав разминки, тянет жребий — ему начинать. Фигура легкая — дуга назад наружу, но она выходит кривая: один круг среднего размера, а другой чуть не в полтора раза больше. Датлин посмотрел и... расстроился. А у меня, к счастью, все вышло, как по циркулю. Следующая фигура — та же история. И пошло... Даже восьмерку с петлями я сделал лучше и выиграл школьное катанье, хотя и не намного. Ну, а в произвольном и особенно в специальных фигурах я проиграть не мог. Я получил 552,5 балла, а Датлин — 465,5.

Первенство России разыгрывалось через две недели, 11 февраля. От намерения не выступать больше на чемпионатах страны мне пришлось на этот раз отказаться ввиду полученного от Ф. И. Датлина вызова: выиграв в прошлом 1906 году звание чемпиона России и потерпев затем от меня поражение в борьбе за кубок в память Паншина, он, естественно, захотел взять реванш и доказать свое превосходство над своим учителем. Но за это время я вполне вошел в форму, и чемпионат опять перешел ко

Чемпионы России в первом десятилетии нашего века (слева направо): Панин, Олло и Датлин в „академии“ Юсупова сада

мне. Мои баллы — 1026. Вторым Олло — 969,5 балла, а Датлин только третьим — 868,5.

Борьба между этими двумя моими учениками, а теперь соперниками, всегда протекала с большим интересом и переменным счастьем, но никогда не портила дружеских отношений между ними. Наоборот, они постоянно обменивались приобретенным опытом, помогали друг другу в улучшении качества спортивного инвентаря, как это и должно быть в отношениях между спортсменами. Но примеры такой дружбы в царские времена были сравнительно редкими.

XVI. ПЕРВЕНСТВО ЕВРОПЫ, РОЗЫГРЫШ КУБКА В ПАМЯТЬ ПАНШИНА И ПЕРВЕНСТВО РОССИИ ПО ФИГУРНОМУ КАТАНЬЮ 1908 ГОДА

1908 год был самым ярким периодом спортивных выступлений как моих, так и моих ближайших учеников и последователей в фигурном катанье, а ведь их успех был отчасти и моим.

В том году, кроме уже упомянутых рекордных достижений по пистолету и револьверу в Петербурге, состоялись четыре виднейших из моих спортивных выступлений: на первенство Европы в Варшаве, на международном соревновании на кубок в память

Паншина в Петербурге, на IV Мировой Олимпиаде в Лондоне — по фигурному катанью на коньках и в Париже — по дуэльному пистолету.

Уже в начале зимы 1907—1908 г., начав тренировку в Юсуповом саду, я почувствовал, что прошлогодние выступления и сдача в 1907 году испытания на I разряд, в связи с тщательной подготовкой к ним, не прошли бесследно. Мне не без основания казалось, что теперь мое выступление на международной арене привело бы далеко не к такому результату, как в 1904 году в Давосе. Я решил выступить на первенство Европы 1908 года, тем более, что это не будет связано с хлопотами о заграничной поездке: соревнование предполагалось в пределах тогдашней России — в Варшаве 6 января 1908 года.

Кроме первенства Европы, общество «Варшавске Товаржиство Лыжвярске» (конек по-польски — «лыжва») объявило еще и другое соревнование, вне чемпионата. Наше «Общество любителей бега на коньках» командировало на это соревнование Датлина и Олло, а на чемпионат — меня.

Ожидавшиеся на соревновании Ульрих Сальков и Макс Бо́гач не приехали. Явился из-за границы один только второклассник Герц из Вены в сопровождении судьи Феннера. Должны были прибыть и наши представители Лебедев и Срезневский, но они, к сожалению, не приехали. В международном масштабе Герц представлял собой типичного второклассника, он был, в общем, немного слабее Датлина, и соревнование с ним на первенство Европы не представляло для меня большого интереса. Казалось, нельзя было сомневаться в победе.

Однако на деле получилось иначе и не по спортивным причинам, а в силу особых обстоятельств. Следует вспомнить, что дело происходило в Польше, питавшей тогда глубокую ненависть к русскому самодержавию с его политикой национального угнетения и произвола. Ненависть эту представители националистически настроенной польской буржуазии распространяли на все русское, в том числе и на русских спортсменов. Этого, конечно, нельзя сказать о польских рабочих, которые рука об руку с русским рабочим классом боролись с самодержавием.

Среди судей первенства были только двое фигуристов в прошлом — австриец Феннер и поляк Вериго; прочие трое были польские скоростники, не имевшие ни квалификации фигуристов, ни права судить такое соревнование. Но мы этого не знали и полагались на честность устроителей.

В результате, несмотря на мое явное преимущество в школьном и произвольном катанье, Герц под протесты и свист собравшейся на каток публики был объявлен победителем.

И хотя нас, участников, было только двое на этом соревновании и по правилам следовало выдать лишь один приз, но под нажимом передовой спортивной общественности и мне поднесли золотую медаль и серебряную вазу.

В другом соревновании первым был Датлин, вторым Олло.

Устроители первенства отлично сознавали несправедливость судейства. На банкете, устроенном после соревнования, произносились приветственные речи в честь приезжих австрийских и петербургских гостей и особенно горячие по адресу прибывших из Галиции поляков-скоростников. Однако никто не решился сказать приветствия новому чемпиону Европы, никто не предложил за него тоста.

После соревнования я ничем, ни даже взглядом, не выразил своего возмущения организацией соревнования и его судейством. Но тут в порыве негодования я решил устроить в деликатной форме такую демонстрацию, которую отлично поняли бы те, кого это касалось. Ужин кончился, и присутствующие уже начали подыматься со своих мест; тогда я постучал ножом по бокалу и, когда все умолкли, сказал: «Я не могу скрыть моего изумления, что уважаемые члены «Товаржиства», и в особенности господа судьи, повидимому, забыли или по какой-то причине умолчали о самом главном: о том, что среди нас находится победитель сегодняшнего соревнования и новый чемпион Европы. Позвольте же мне исправить эту ошибку или недоразумение, поднять бокал в честь нашего счастливого молодого товарища по спорту господина Герца и поздравить его с блестящим успехом».

Тут все, и первый Феннер, бросились пожимать мне руку: «Это так благородно с вашей стороны!», «Это так по-джентельменски!», «Так по-рыцарски!» — восклицали они на разных языках с лицемерно любезными улыбками.

Через некоторое время в одной из Петербургских газет появилась корреспонденция из Варшавы:

«Первенство Европы в Варшаве выиграл второклассник Герц (Бена) только потому, что стоявший несравненно выше его как по чистоте и красоте исполнения обязательных фигур, так и по произвольному катанью единственный конкурент его Н. А. Панин имел несчастье быть русским. . .»

Молодому советскому читателю диким покажется это прошлое в наши дни, когда между русским и польским народами установилась глубокая дружба и братская взаимопомощь!

По возвращении домой у меня вышел очень крупный разговор с комитетом Общества по поводу неявки наших представителей в Варшаву. Если бы Лебедев или Срезневский были там, то уже одно их присутствие исключило бы возможность такого беззастенчивого нарушения правил организации судейства.

Мне было не так обидно за себя лично, как возмущало поведение австро-польского «альянса», сумевшего оттеснить русского конькобежца на второе место, возмущала и халатность наших же собственных руководителей и притом — столпов нашего русского спорта, почетных членов Общества. Я заявил, что больше не намерен выступать на состязаниях под флагом Общества и прекращаю тренировку.

Конечно, я поступил тогда неправильно, сгоряча, но сказанного не воротишь...

Взволнованный, я вышел из комитетской на каток. Здесь оказался Олло, чему я очень обрадовался. Дело в том, что на 2 и 3 февраля было назначено международное соревнование на кубок Паншина, и у меня уже были придуманы и разучены три прекрасные новые и трудные специальные фигуры. Я передал рисунки фигур Олло, чтобы он мог использовать их на соревновании. Показав ему тут же технику выполнения фигур, я уехал в Царское Село.

На каток я больше не являлся, и почти все свободное время отдавал лыжам, лишь изредка в очень хорошую погоду выходя на лед в Екатерининском парке на катке царскосельского спортивного общества «Луч».

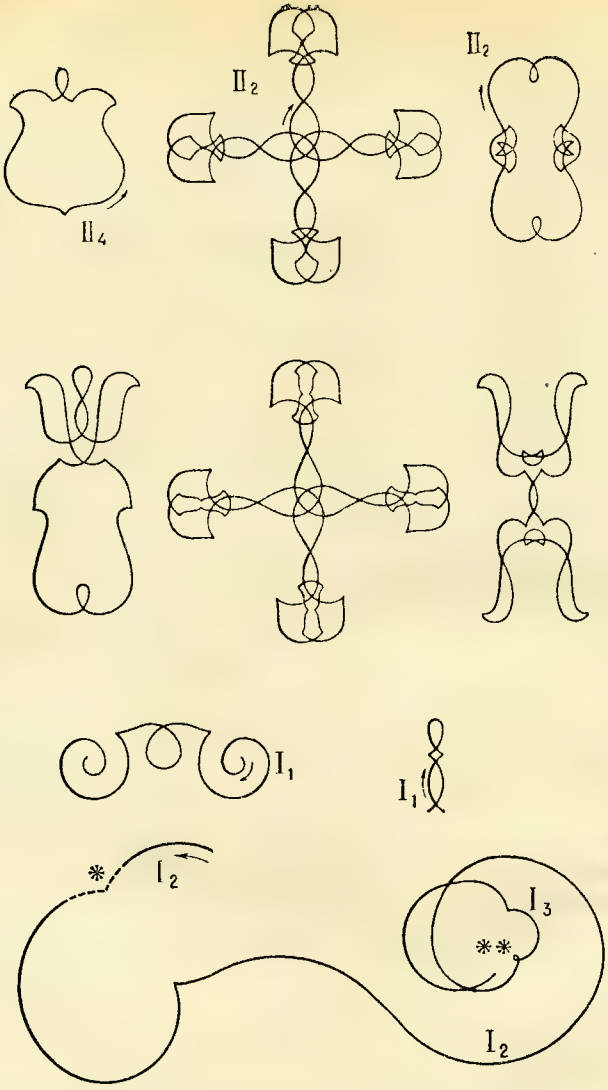
Так прошло около трех недель. Вдруг 29 января я получаю коллективное письмо за подписями 12 членов Общества, в том числе Срезневского, Лебедева, Шмунка и других. Мне сообщали, что в комиссию по состязаниям поступила от «Стокгольмского Альменна-Скридско-клуба» запись Салькова на розыгрыш кубка Паншина, и просили выступить на защиту флага Общества. Я сначала наотрез отказался. Но потом понял, что суть дела не во мне, а в чести русского спорта и согласился выступить, предупредив, что шансов на высокий класс катанья у меня мало. Однако в душе я решился на самые крайние усилия, чтобы победить.

Началась тренировка с помощью Г. Ф. Сандерса, который, как мы вспомним, успешно выступил в специальных фигурах на мировом первенстве 1896 года. Оставалось три дня — соревнование начиналось утром в воскресенье. Самой трудной была зада́ча — выдумать и разучить три новые специальные фигуры: отбирать у Олло мои ранее подготовленные я не считал возможным. Эту задачу мы с Сандерсом разрешили блестяще.

Сложнее обстояло дело с произвольным катаньем: программа его была давно готова, но вытренировать исполнение в надлежащем темпе и вновь приобрести выносливость на четырехминутное трудное катанье в три дня казалось невозможным. Восстановить школьное катанье было легче.

На эти же дни соревнования на кубок впервые было назначено и соревнование смешанных пар на первенство Международного союза конькобежцев, имевшее значение первенства мира, а также международное соревнование женщин. На состязание приехали иностранные пары А. Гюблер — Г. Бургер (Мюнхен) и супруги Джонсон (Лондон), ученица Зейберта Лилли Кронбергер из Будапешта, берлинцы Эльза Рендшмидт и Мартин Гордан, шведы Ульрих Сальков и Эльна Монтгомери.

Срок записи на соревнование уже давно прошел, а я еще не был записан и в печатных программах не значился. Как записавшийся после срока, я получил, согласно международным правилам, без жеребьевки самый невыгодный стартовый номер — первый.



Специальные фигуры первых трех участников соревнования на кубок Паншина: вверху—фигуры Н. Панина (I приз), посередине — фигуры К. Олло, внизу — фигуры У. Салькова (на рис. одной звездочкой обозначен прыжок, двумя — пируэт на носке)

Соревнование было довольно широко освещено петербургской прессой. Приведу выдержки из статьи в журнале «Спорт», лучше других рассказавшем об этом событии:

«...Состязание на кубок в память А. Н. Паншина имело для русских исключительный интерес... Все участники показали, что не сидели сложа руки, но дружно работали на пользу русского спорта и могут тягаться с иностранцами далеко не без шансов на победу.

...Состязание собрало шесть конкурентов и ознаменовалось поражением Салькова, только что в седьмой раз взявшего в Троппау первенство мира: у всех пяти судей первым оказался Н. Панин. Если и была некоторая уверенность в том, что в специальных фигурах русские одержат верх, то уж никто не ожидал, чтобы один из них оказался победителем и в совокупности школьного и произвольного катанья. На деле же вышло, что Сальков сдал в том самом, что до сих пор составляло его главную силу, именно в школе, и сдал так основательно, что потерянного уже не мог наверстать произвольным катаньем, в котором хотя и был выше соперника, но не настолько, чтобы покрыть оказавшуюся в школе разницу. В начале школьного катанья оба шли ровно, почти одинаково, но на более трудных фигурах нехватило мастерства шведу: в восьмерках с двукратными тройками первые и вторые половины вышли не одинаковой величины, ось и покрытие следа хромали. Вторая восьмерка с петлями была совсем без оси. Чемпион пробовал обвинить попавшую под конек бумажку, но при тщательном рассмотрении она оказалась комком чистого снега *. И после школы участники оказались в следующем порядке: Панин (сумма мест 6), Сальков (9,5), Олло (16), Датлин (18,5), Бургер (25) и Гордан (30).

...В специальных фигурах Панин выделился еще резче, безошибочно исполнив новые и трудные рисунки. Сальков, повидимому, уделил мало внимания этому разделу и первые две свои фигуры мог исполнить только со второго раза. Отличился по специальным фигурам и Олло и занял в этом разделе второе место за Паниным.

...В произвольном катанье от Панина ожидали большего: он катался как-то неохотно, отсутствие тренировки было заметно, трудные прыжки в начале программы были исполнены слишком осторожно, вообще движения были не довольно энергичны. Совершенно противоположное надо сказать об Олло: он катался чрезвычайно энергично и интересно, гораздо лучше, чем в прошлом году. Он едва не вышел в этом разделе на первое место. Сальков, однако, удержался здесь впереди всех благодаря своей трудной программе и уверенному исполнению. Впрочем, и от него ожидали большего. Очень скучно катался Датлин; Бургер и Гордан отстали во всех разделах.

...В окончательном результате порядок конкурентов определился такой: I. Панин (344,4 балла и сумма мест 5); II. Сальков (328,2 балла и сумма 12); III. Олло (327,2 балла и сумма мест 13); IV. Датлин (сумма мест 21,5); V. Бургер (сумма мест 25) и VI. Гордан (сумма мест 28,5). Таким образом, русский чемпион победил чемпиона всемирного и кубок в память Паншина остался в России. Уменьшенная копия его, специальные кубки за школьное и специальное катанье достались Панину; кубок за произвольное катанье — Салькову. Он же получил серебряный ковш и медаль, назначенные как общий второй приз. Третий приз получил К. А. Олло».

Наше соревнование вызвало отклики и за границей. Венская «Новая ежедневная газета» писала:

«Первый официальный мировой чемпионат в парном катанье достался фрейлен Гюблер и Г. Бургеру. Мюнхенской паре удалось взять реванш, победив лондонскую пару супругов Джонсон. Этот интересный результат, который с напряжением ожидался миром ледяного спорта после недавней встречи обеих пар в Давосе, бледнеет перед событием, разыгравшимся в состязании на кубок Паншина: Сальков был побит. Его победителем явился

---

* Сальков сделал главному судье Лебедеву дерзкое замечание по поводу этой «бумажки»: «Вы могли бы позаботиться, чтоб лед был чистым!» Но Лебедев прикосновением карандаша заставил «бумажку» рассыпаться.

Победитель соревнования на кубок Паншина исполняет восьмерку с петлями вперед

Н. Панин из «Общества любителей бега на коньках», от которого по прежним его выступлениям нельзя было ожидать такого успеха. На этот раз симпатии не будут на стороне Салькова».

Пресса верно осветила события. Но как могло случиться, что я, так мало тренированный и потому неуверенный в своих силах, сумел победить прославленного многократного чемпиона Европы и мира? Очень просто: я еще не потерял полностью спортивной формы, а главное — испытал тогда нечто подобное тому, что пережил Паншин в Вене в 1889 году во время состязания с американцем Доногю — внезапный и мощный порыв воли к победе во славу родного спорта.

Этот порыв возник под влиянием неожиданных внешних восприятий. После отлично исполненных и мною и Сальковым петель назад наружу я стал смотреть, как Олло делает скобку вперед внутрь — назад наружу. Его исполнение было замечательно четким, ритмичным и смелым. Такой успех младшего товарища и ученика уже вызвал перелом в моем настроении, а тут начинает эту же фигуру Сальков. Смотрю и глазам не верю: хорошо, но хуже, чем у нашего «Олечки». Как! «Олечка» бьет Салькова? А что же я-то скобок не умею что ли делать? Мало тренировался? Да разве искусство это так скоро забывается!..

Эту фигуру я делал последним и исполнил ее лучше, чем Сальков. Следующей фигурой была моя любимая восьмерка с двукратными тройками вперед, и я с нетерпением ждал очереди начать ее.

Все мы катались посредине большого пруда, довольно далеко

от молчаливо наблюдавшей нас публики. Лед был уже достаточно изрезан, а на переднем плане, перед публикой, он оставался совершенно нетронутым и темным, почти черным на вид.

Когда пришла моя очередь, я подкатился к самому барьеру у веранды и положил безукоризненно правильный огромный след; после шестикратного повторения с точным покрытием он образовал четкую белую фигуру на темном фоне льда, и публика разразилась аплодисментами, — а при школьном катанье, это большая редкость.

Салькóв положил свой след совсем рядом, очевидно, уверенный в том, что он будет лучше моего, но, увы, он вышел несколько кривым и неправильным; публика встретила его выступление гробовым молчанием.

С другой ноги повторилось то же самое: рукоплескания мне и молчание шведу. Обе восьмерки с петлями я делал после Салькóва, сделал их много лучше и окончательно вышел на первое место. От этого я испытал еще больший подъем духа: ведь после восьмерок с петлями все было кончено, на специальных фигурах меня не взять. В произвольном катанье я, наверное, проиграю, но разница не может быть так велика, чтобы покрыть мое преимущество в школе и в специальных фигурах.

Так оно и вышло. Я считаю это соревнование самым удачным, самым важным и самым заслуженным среди всех моих выступлений на коньках: побить чемпиона мира, семь лет не знавшего поражений, — не так просто.

Надо отдать справедливость Салькóву: он ничем не выдал своего неудовольствия, после банкета танцовал и имел веселый вид. Но, как увидим дальше, простить мне свое поражение не мог.

Через две недели, 17 февраля, состоялось соревнование на первенство России 1908 года. Оспаривали первенство только два юсуповца — Олло и Датлин.

Подготовка к этому соревнованию явилась ярким подтверждением огромного значения тренера не только на первых ступенях обучения фигуриста, но и на всех этапах его развития вплоть до самых высших; нельзя поэтому не остановиться на нем более подробно.

Причина проигрыша Датлина на состязании 3 февраля (из приведенного выше газетного отчета видно, что Датлин оказался на четвертом месте, позади Олло) лежала в том, что он, прекрасно владея техникой произвольного катанья, еще не научился достаточно глубоко продумывать его программу и исполнение. Компановка фигур, последовательность их в программе и распределение по ледяной площадке часто имеют решающее значение; кроме того, во всяком зрелище контрасты составляют существеннейшую и необходимую часть исполнения. А у Датлина как раз и нехватало того, что мы называем «пуантировкой» — подчеркивания отдельных моментов на общем фоне пятиминутного катанья путем умелого распределения разнохарактерных элементов и рез-

кой смены темпов и ритмов движения. Катанье оставляло у зрителя впечатление монотонности; хотя и насыщенное весьма трудным содержанием, оно казалось скучным.

Как учитель и старший товарищ Датлина я чувствовал себя обязанным помочь ему исправить свои недочеты. Я стал ежедневно заниматься с ним произвольным катаньем и заставил его перестроить всю программу и разучить ее исполнение с наибольшей контрастностью и выразительностью. Эффект получился совсем другой.

Интерес соревнования 17 февраля сильно повышался тем, что на предыдущих встречах 6 января в Варшаве и 3 февраля на кубок в память Паншина в Петербурге победу одерживал то один, то другой из двух соперников. Но никто из видевших скучное катанье Датлина 3 февраля не сомневался на этот раз в победе его противника. В школьном катанье разница между обоими оказалась ничтожной, решающее значение осталось за произвольным катаньем, и здесь Датлин изумил всех своим блестящим исполнением в совсем новой динамике и в конечном счете вторично стал чемпионом России.

Упорная борьба за первенство между двумя моими учениками на этом не кончилась, и в 1910, 1911 и 1912 гг. чемпионатом страны владел Олло.

В тот же день, 17 февраля 1908 года, в Юсуповом саду состоялось и скоростное соревнование, ознаменовавшееся побитием двух русских рекордов: член «Кружка любителей спорта» Блювас поставил новый рекорд на 1500 метров — 2 мин. 37 сек., побив достижение москвича Николая Седова (2.37,8), а москвич Бурнов прошел 5000 метров в рекордное время 9.15,8 (рекорд Седова был 9.23,6).

Кстати, о Седове. В скоростном беге он представлял собой явление не менее яркое, чем А. Н. Паншин, и его блестящий спортивный путь был так же краток, как и у того. Седов начал выделяться среди московских конькобежцев в 1904 году, в следующем 1905 году стал чемпионом России, но удержал за собой это почетное звание только до 1908 года, без борьбы уступив первенство Н. Струнникову. Многие считают Седова * основоположником русской техники скоростного бега на коньках; его ровный, размашистый шаг на длинных дистанциях послужил примером для ряда молодых конькобежцев, ставших вскоре выдающимися мастерами.

Седов первым из русских после Паншина достиг блестящих успехов на международной арене: в 1906 году в Гельсингфорсе в соревновании на первенство мира он легко пришел первым на обеих стайерских дистанциях 5000 и 10 000 метров, далеко оставив за собой иностранцев. Но, по свидетельству П. А. Ипполитова**, Седов тренировался вообще только на длинные дистанции,

---

* Н. Седов был по профессии детским врачом. Умер в 1939 г.

** П. Ипполитов, «Конькобежный спорт», ФиС, 1938, стр. 94.

пренебрегая спринтом; это помешало ему стать чемпионом мира: на 500 и на 1500 метров он смог завоевать только четвертые места. Тем не менее, впечатление, произведенное его выступлением в Гельсингфорсе на собравшихся там со всего мира представителей конькобежного спорта, — было огромно. Ему удалось вновь поднять престиж русского спортсмена, как бы подготовляя почву для появления такого яркого таланта, как Николай Струнников.

XVII. ПОДГОТОВКА К IV МИРОВОЙ ОЛИМПИАДЕ

До 1902 года Россия официально как страна не принимала участия в Олимпийских играх, устраивавшихся Международным Олимпийским комитетом через каждые четыре года. Первые игры были проведены в 1896 году в Афинах; возрождение этого древнегреческого празднества атлетов должно было, как это широко декларировалось, укреплять и развивать дружеские международные связи. Однако Олимпийские игры с самого начала проникались присущим капиталистическому миру духом шовинизма и узкого национализма и стали выгодным предприятием для спортивных дельцов и предпринимателей, одним из средств пропаганды реакционных идей в спорте и отвлечения трудящихся от революционной классовой борьбы.

В 1900 году игры проводились в Париже, в 1904 году — в Сен-Луи и в 1908 году — в Лондоне. По своему спортивному значению Олимпийские игры стояли выше ежегодных мировых первенств по отдельным видам спорта, так как победители их — «олимпионики» — сохраняют свой титул в течение четырех лет.

Почти во всех зарубежных странах были организованы национальные олимпийские комитеты, осуществлявшие постоянную связь между спортивными организациями в своих странах. Но между русскими спортивными клубами долгое время не могло быть такой всеобщей связи, потому что царское правительство не допускало спортивных объединений, распространяющих свое действие на всю страну. Однако в некоторых наших клубах уже выросли отдельные спортсмены, которые могли бы поддержать честь своей родины на международной арене. Поэтому в 1908 году на IV Мировой Олимпиаде появились и русские единичные участники, разрозненно попадавшие туда либо по командировкам своих клубов, либо по собственной инициативе, за свой страх и риск.

Уже в начале года «Обществу любителей бега на коньках» стало известно, что соревнования IV Мировой Олимпиады по фигурному катанью назначены на 16 (29) октября 1908 года в Лондоне, на искусственном льду. Общее собрание постановило командировать на это соревнование меня и Г. Ф. Сандерса в качестве представителя Общества. Так как каток в Лондоне открывался только 1 (14) октября, то для тренировки Общество решило послать меня на месяц в Берлин, где уже с 1 сентября будет лед

во «Дворце льда» («Эйспаласте»), принадлежавшем акционерному обществу «Борзиг и К⁰».

Программа соревнования на Олимпийских играх существенно отличалась от обычных программ международных соревнований и приближалась к программе розыгрыша кубка в память Паншина: успехи русских конькобежцев в специально-фигурном катанье разбили лед равнодушия заграничных организаторов к этому разделу, и в программу IV Олимпиады было включено соревнование по специальным фигурам, но как отдельный вид, а не как раздел общего соревнования.

Я решил записаться на оба соревнования, но готовился, главным образом, к выступлению по специальным фигурам. Их требовалось представить и исполнить четыре. Две из них я успел скомпановать еще в конце зимнего сезона, другие две придуманы были летом. Одну из них выдумал Сандерс, она очень нравилась мне по рисунку, но, повидимому, ее можно было сделать только карандашом на бумаге. Дело в том, что, дойдя до остановки в остром углу «клюва» в левом крыле фигуры, нельзя было, по моему мнению, осуществить дальнейшее продвижение, так как до перетяжки *, на которой можно получить ускорение, слишком далеко. Автор фигуры уверял, что он даже во сне видел, как я исполнял этот участок фигуры на сильно согнутом колене и с максимально «скрученным» корпусом; возможно, что нужно было исполнять фигуру именно так, но шла весна, проверить дело на льду было нельзя и, пожалуй, не нужно: неисполнимость фигуры казалась очевидной.

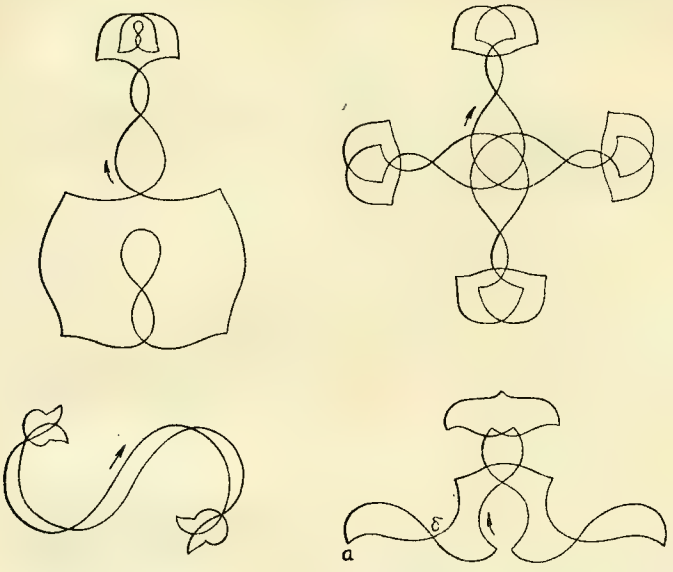
Летом, перед поездкой в Берлин, я много играл в лаун-теннис, считая эту игру чрезвычайно полезной для фигуриста, так как здесь постоянно применяются сильные «скручивания» грудной клетки и плечевого пояса относительно таза.

Когда я в первый раз вошел на каток «Эйспаласта», меня поразил контраст между теплым солнечным сентябрьским днем на улице и зимним пейзажем зала «Дворца льда». Но кататься там в обыкновенном костюме было невозможно при усиленном движении: температура воздуха + 8° Р казалась невыносимо высокой, пришлось кататься в одном трико и тоненькой белой фуфайке, но и в этой одежде получалась такая испарина, что душ после тренировки был необходим. Между тем, в подвальных раздевалках этого роскошного коммерческого предприятия стояло всего лишь несколько эмалированных тазиков и кувшинов с водой.

«Эйспаласт» помещался в огромном каменном здании. Ледяная площадь размером 60 × 40 метров охлаждалась системой металлических труб, уложенных под ее поверхностью на расстоянии около 20 сантиметров друг от друга; по трубам циркулировал какой-то химический раствор, охлажденный до температуры

* На рисунке эти точки обозначены буквами *а* и *б*.

много ниже нуля. По сторонам катка в двух ярусах помещались ложи со столиками. В первом ярусе был буфет и бар; таким образом, это учреждение соединяло в себе спорт с рестораном; и трудно было сказать, что из двух было главным.



Специальные фигуры Панина на IV Мировой Олимпиаде 1908 г. Все фигуры начинаются на левой ноге вперед внутрь там, где поставлены стрелки

Дирекция «Дворца льда» предоставила «Берлинер-Шлиттшуклубу», гостями которого считались все иностранные фигуристы, исключительное право пользования катком для тренировки с половины седьмого утра до десяти часов. Ровно в десять канат у входа на лед снимался и сотни школьников бросались на коньках на разукрашенную нашими фигурами поверхность. Волей-неволей наша тренировка кончалась.

После поражения Салькова в Петербурге спортивный мир Европы, естественно, был заинтересован нашей предстоящей встречей. Память о русском скороходе Панщине и созвучие наших имен еще больше поднимало интерес. Во многих берлинских газетах периодически появлялись информации о ходе тренировки в «Эйспаласте» и о шансах на успех у меня и моего противника.

Среди тренирующихся в «Эйспаласте» будущих участников Олимпийских игр в Лондоне были шведы Эльна Монтгомери, Пер Турэн, Иоганссон, чемпион Америки Ирвинг Брокау со своим тренером Брор Мейером, бывшим чемпионом Швеции, вынужденным из-за материальной необеспеченности перейти в профессионалы; мюнхенцы — чемпионы парного катанья Анна Гюб-

лер и Гейнрих Бургер; берлинцы — Эльза Рендшмидт, Людовика Эйлерс — будущая чемпионка мира в паре с Якобсоном из Гельсингфорса, Мартин Гордан и другие. Был здесь и Сальков, приехавший вскоре после меня.

Брокау был довольно обычным типом американского спортсмена-богача. Этот банкир, избравший фигурное катанье своей спортивной специальностью, не стеснялся в средствах и мог позволить себе роскошь иметь постоянного тренера и приезжать в Европу на соревнования. Несмотря на это, он так и не стал первоклассным фигуристом, хотя и явился первой ласточкой из Америки в международном стиле фигурного катанья.

Во время наших тренировок мы, фигуристы, работали сперва над школьными упражнениями, а к концу — над произвольным катаньем. Специальными фигурами приходилось заниматься потом, уже между публикой, выбирая на льду менее заполненные местечки: большой площади для этих упражнений не требовалось. Я пробовал, конечно, использовать и ту четвертую сомнительную фигуру, которая представлялась мне неосуществимой; все выходило очень хорошо до роковой точки в левом крыле, но тут — стоп! Доехать до перетяжки никак не удавалось: обычно в острой вершине всякого «клюва» конек совершенно останавливается и ход получается «с места» путем вытягивания согнутого опорного колена, как бы прыжком без отрыва от льда, связанным с переменой ребра, т. е. с перетяжкой. Но по рисунку фигуры перетяжка должна быть сделана гораздо позже, и получить ход с места на такое расстояние без перемены ребра не представлялось никакой возможности.

Брокау тренировался под руководством Мейера, но частенько подходил ко мне за советом, и я, разумеется, ему в этом не отказывал.

Днем обычно мы все отдыхали, а вечером будущие участники Олимпиады собирались снова на льду для общего катанья. В «Эйспаласте» выступали и профессиональные конькобежцы с показательным катаньем иногда юмористического содержания; особенно смешил публику один мастер, изображавший первое выступление на льду неумеющего кататься. Я удивлялся, как выдерживали его кости те ужасающие падения, которые он демонстрировал с безукоризненной естественностью.

По воскресеньям некоторые из нас посещали футбольные матчи на одной из окраин города, и однажды мы стали свидетелями необычайного происшествия в воздухе, едва не имевшего трагической развязки.

На некотором расстоянии к западу от футбольного поля, в предместье Берлина — Шмаргендорф, в тот день происходило большое международное соревнование воздушных шаров на дальность, высоту и длительность полета. Слабый ветер дул с запада, и шары один за другим медленно проплывали над полем, временами выбрасывая балласт — песок, и освещенные яр-

ким солнцем золотистые полосы от него красиво сверкали в вышине на фоне голубого неба. Полюбовавшись сперва этим редким зрелищем, мы затем сосредоточили внимание на игре, как вдруг заметили среди публики необычайное волнение: многие вскакивали, глядя вверх на запад, и слышались крики: «Один погиб! Один погиб!..» Выскочив из-под крыши трибуны, мы увидели ужасающую картину: высоко-высоко в воздухе стояло густое черное облако дыма, а под ним оболочка шара, принявшая форму сморщенного веретена с висящей под ним корзиной с людьми, стремительно падала на землю... Через несколько секунд она скрылась за дальними постройками. «Парой смелых стало на свете меньше», — подумали мы.

Но потом мы узнали, что экипаж аргентинского шара «Кондор», потерпев аварию, не потерял присутствия духа и сумел направить падающий шар на край пятиэтажного дома и так счастливо, что веревочная сетка его зацепилась за дымоходы у самого заднего фасада постройки, а аэронавты остались висеть на высоте третьего этажа, не испытав ничего, кроме нервного потрясения и легких ушибов.

Во второй половине сентября в Берлин приехал Сандерс. Как раз в это время я снова начал упорно повторять попытки выполнить мою четвертую специальную фигуру. Мучился я с этой фигурой довольно долго и безуспешно, как вдруг мне пришла в голову простая мысль: ценою некоторого притупления рокового угла на левом крыле фигуры исполнить его способом не «клюва», а крюка, т. е. без остановки конька в острие угла, а наоборот — с резким нажимом на лед до этой точки и мгновенным вслед за тем одноребериым поворотом конька.

При первой же попытке поворот этот вчерне вышел, оставалось только добиться возможно более острого угла в крюке, чтобы сделать его клювообразным, а это уже не составляло для меня непреодолимой трудности.

Школьное катанье шло великолепно, фигуры получались громадного размера, например, восьмерку со скобками вперед я делал в 16 метров по продольной оси. Я видел катанье Салькова и чувствовал, что по школе я выше его, а в специальных фигурах нас и равнять нельзя. В произвольном катанье на этот раз все шансы были также на моей стороне: трудный выезд с прыжком с хода назад внутрь на левой — на ход вперед наружу на правой (крюк в воздухе) с выдержкой этого хода на спираль; очень быстрые штанд-пируэты вперед и назад, сложный скрещенный пируэт; прыжки с поворотами в воздухе трех видов; хорошо разработанный кораблик и его комбинации; оригинальный и трудный марш с подкладкой вперед внутрь с хода назад наружу после крюка вперед наружу; ряд оригинальных комбинаций строго под музыку со змейками и циркулями на переходах; волчок назад наружу и длиннейший волчок в комбинации со штанд-пируэтом — все это, а также бесспорное преимущество

в пластике, ставило меня в выгодное положение по сравнению с грубым силовым катаньем Салькова.

Сандерс пришел в восторг от моей удачи со специальной фигурой и на радостях принялся за свои обычные шутки: он очень любил ставить своих приятелей в смешные положения и потешаться над ними.

Однажды я заметил, что он катается с какой-то прекрасно одетой молодой дамой. Через некоторое время он подъезжает с ней ко мне, представляет меня и говорит, что она очень хочет, чтобы я поучил ее кататься. Мне было совсем не до того, но вежливость требовала выполнить ее просьбу, а Сандерс куда-то исчез. На все вопросы моей новой знакомой о катанье я давал объяснения и показал несколько приемов исполнения основных фигур. Через некоторое время она меня поблагодарила, пожала мне руку и... оставила в ней золотую монету. На мой изумленный вопрос, что это значит, она ответила: «Но ведь вы же со мной занимались». Не знаю, что выражало мое лицо в эту минуту, но она вся вспыхнула и пробормотала: «Простите ...но разве вы не инструктор?» Тут только я заметил за колонной веселую физиономию Сандерса: он прятался и держался за живот от смеха...

Этот как будто бы смешной случай ярко подчеркивает приниженное положение инструкторов спорта в капиталистическом обществе. Приведу еще один пример.

Приближался срок отъезда в Лондон. Сандерс уехал раньше — подготовить жилье, питание и изучить обстановку соревнования. Перед разъездом дирекция «Эйспаласта» устроила прощальный ужин, на который были приглашены все фигуристы, кроме Брора Мейера. Он был профессиональным тренером и по понятиям буржуазных спортсменов-«любителей» стоял на одном уровне с «прислугой», а потому сажать его за стол с «господами» не подобало. Я был с Мейером в товарищеских отношениях, и меня возмущало обращение с ним немецких, а в особенности английских дам, которые при встречах не подавали ему руки, а только высокомерным кивком головы отвечали на его приветствие.

На другой день начался разъезд. Я поехал в Лондон через Голландию и в Флиссингене пересел на пароход, шедший в Англию, в Куинсборо.

XVIII. В «ТУМАННОМ АЛЬБИОНЕ»

Пароход подходил к берегам Англии утром. Северное море волновалось, на зеленых волнах пенились белые гребни. Десятки рыбачьих судов, распустив паруса кофейного цвета с нашитыми на них большими номерами, шли на фордевинд, мерно покачиваясь на волнах; другие суда с резким креном сталки-

вались в полветра с поперечной волной, по временам скрывая свои форштевни в каскадах пены.

Из Куинсборо я поездом добрался до Лондона, где Сандерс уже нашел мне квартиру в частном пансионате. Здесь все было по-английски традиционно. Мы питались за общим столом под председательством хозяйки, вместе с членами ее семьи. В нашей комнате окно, как в железнодорожном вагоне, опускалось и поднималось, оставляя солидные щели, из которых сильно несло сырым и пропитанным копотью лондонским воздухом. Вместо печи — камин, который топили только по требованию и очень экономно. Температура в комнате, по английскому обычаю, держалась всегда +8° Р.

Надо отдать справедливость Сандерсу — он добросовестно заботился о моем питании и отдыхе. Я был ему за это очень признателен. Но я не знал тогда, что после Октября наши дороги резко разойдутся. Сандерс родился и учился в Петербурге, но происходил из английской семьи и имел родственников в Англии. Напуганный революцией, он как великобританский подданный поспешил возвратиться в Англию, совершив этим большую жизненную ошибку. Как специалист по банковской бухгалтерии он, несомненно, мог бы успешно работать в нашей стране. Однако его интересы не выходили за пределы мещанского благополучия, его ограниченный кругозор не позволил ему разобраться в политических событиях. Вскоре, приблизительно через год-два, я получил от него письмо из Лондона: он жаловался, что живет плохо, с трудом зарабатывает на жизнь и что ему теперь уже не до занятий спортом.

Для соревнований на первенство IV Мировой Олимпиады и тренировок был предоставлен искусственно приготовленный лед в почти сплошь стеклянном здании «Принсесс-Холл» на улице Найтсбридж. Площадь катка составляла 62 × 16 метров и была несколько узковата для произвольного катанья, требующего, как известно, площадки не менее 35 × 25 метров.

Благодаря стеклянной крыше и почти сплошь застекленным стенам дневное освещение было приятным. Площадь катка окружали два-три ряда стульев, так что число зрителей могло быть только очень ограниченным. При катке имелись все удобства — раздевалки, ванны, души, массажная, буфет, столовая, ресторан. Посторонняя публика, как правило, на каток не допускалась. Характерно, что в обычное время катком пользовались только хозяева, т. е. пять или шесть десятков членов двух клубов фигурного катанья — «Принсесс-Скэйтинг-клуба» и «Лондон-Фигюр-Скэйтинг-клуба». Эти богатые буржуа несли все расходы по содержанию помещения и обслуживающего персонала, предпочитая не извлекать из предприятия никаких доходов, лишь бы не допускать в свои владенья «людей с улицы».

Я побывал в «Лондонском теннис-клубе». У нас теперь принято игру в лаун-теннис называть просто «теннис». Между тем

игра в теннис (же-де-помм) * — это более старая игра, лишь немногим похожая на первую. Она играется только в помещении — высоком зале с хорами, и совсем по другим правилам. Зал-корт разделен сеткой, края которой прикреплены высоко к стенам, а середина висит, спускаясь в самом центре до высоты около метра. Задняя стена одной половины корта имеет на высоте груди игрока продольную щель около 20 сантиметров шириной, за ней свободно, мешком, висит сетка. Противоположная стена (задняя стена другой половины корта) имеет два косых уступа: один горизонтальный — во всю ширину стены, другой вертикальный — во всю высоту ее; плоскость этих откосов расположена под углом в 45° к плоскости стены.

Оба игрока вооружены очень тяжелыми ракетами, несколько большего размера, чем в лаун-теннисе. Сервирует (подает) тот, кто занимает корт со щелью. Сильным ударом он направляет мяч в стену, стараясь попасть в тот или другой уступ так, чтобы мяч отскочил в сторону или вверх. Противник бьет по мячу лишь после того, как он отпрыгнул от стены, — вдогонку, стараясь загнать мяч в щель на противоположной стороне корта. Промах дает очко подающему, попадание — очко отбивающему. Удары тяжелой ракетой наносятся с большой силой, и мяч летит в щель, как пуля. Сервер (подающий) старается отбить его и снова послать в откос стены, что сильно затрудняет отдачу. Если мяч попадает не в откос, то отскок его правильный и отдача легка. Публика смотрит на игру с хор. Здесь я видел тогдашнюю знаменитость — молодого американца Джей Гульда, выигравшего первенство IV Олимпиады по теннису (же-де-помм) против англичанина Бэйджа 6 : 1, 6 : 0, 6 : 0. В том же здании имеется несколько кортов для игры «рэкет» — подобие лаун-тенниса в малом масштабе.

В Лондоне мне пришлось наблюдать несколько характерных для буржуазного спорта черт. Так, в этом же теннис-клубе поразила меня безумная роскошь отдыха после игры. В огромной комнате, отделанной в индийском вкусе, с удобными креслами на толстых коврах и с большим бассейном посредине, отдыхают игроки в купальных халатах за чашками кофе и с сигарами в зубах. Когда они идут купаться, то поворот колеса открывает с потолка дождь почти во всю ширину бассейна.

В другой раз я посетил вместе с некоторыми участниками Олимпиады «Джюниор-Атенеум-клуб». Там имелась так называемая комната «молчания»: два камина с ярким пламенем, перед каждым полукруг кожаных кресел, толстый ковер во всю комнату и... строжайшее требование соблюдать полнейшую тишину. Джентельмены греются, читают газеты, сосут сигару или просто сидят, развалясь в креслах.

* В «же-де-помм» (по-французски «игра в яблоко») играли в Петербурге при императрице Екатерине II в здании на Васильевском острове, где теперь помещается спортивный зал университета имени Жданова.

Однажды нас повезли в «Нэйшнел-Спортинг-клуб» на соревнования по боксу. Не слишком просторный зал с местами для публики, поднимавшимися от ринга уступами во все четыре стороны, был переполнен публикой в цилиндрах и котелках. Выступали профессиональные боксеры, преимущественно солдаты и матросы. Места стоили страшно дорого: во втором ряду за нас заплатили по 5 гиней за место, т. е. по 55 рублей золотом.

Когда мы проходили к своим местам, бой уже шел. Один из противников лежал без сознания, другой с окровавленной физиономией стоял над ним в ожидании. Рефери считал: ...шесть ...семь ... восемь... и т. д. Это был нокаут. Картина эта показалась мне отвратительной, я отвернулся и хотел было уйти. Англичане только посмеивались и уверяли меня, что бокс красивый, мужественный спорт. Когда я присмотрелся к схваткам следующих пар, у меня появились симпатии и антипатии к отдельным бойцам, возник горячий интерес к результатам встреч в следующих кругах. Побежденные удалялись, а победители бились уже между собою.

Одна пара до сих пор помнится мне. На ринг вышел громадного роста рыжеватый блондин — тяжеловес, довольно флегматичный по виду. Его темноволосый противник был почти на голову ниже его, но широкоплечий, с тонкой талией и узкими бедрами, с быстрыми энергичными движениями. Прозвучал гонг, и бой начался. Брюнет вертелся около гиганта, но, получая сильные удары, отлетал от противника, как мяч, ударяясь спиной в канат. Однако он тотчас же снова бросался в атаку, настойчиво пытаясь нанести своему противнику решающий удар.

Обычно после третьего раунда, если ранее не случалось нокаута, судьи объявляли результат боя по очкам. На этот раз главный судья после краткого совещания объявил: «Судьи не пришли к решению». Шумные аплодисменты приветствовали бойцов. Четвертый раунд продолжался в том же стиле. Никаких признаков усталости или ослабления энергии не замечалось ни в одном из противников. Удары с той и другой стороны сыпались, как барабанная дробь.

Гонг. «Судьи не пришли к решению». Бурные аплодисменты. Пятый раунд. «Судьи не пришли...» и т. д., и т. д. Нанося свои тяжелые удары, блондин начал подаваться назад от молниеносных атак своего подвижного противника. Лица обоих были в крови, но бой продолжался от раунда к раунду без результата. Наконец, когда после одиннадцатого раунда главный судья опять произнес свое «Судьи не пришли к решению», гигант повернулся и ушел с ринга...

Публика приветствовала победу брюнета громом аплодисментов. Этот бой был поучительным примером того, как спортивная выносливость и крепкая воля дали возможность одному из бойцов одержать верх над противником, превосходящим его по силе.

...Между тем, время нашего соревнования приближалось. Собрались уже все записанные участники, тренировка шла своим чередом. На соревнование мужчин по школе и произвольному катанью записались 10 человек: от Англии — Х. Р. Иглезиас, Дж. Кейллер-Грейг и Х. Марч, от Аргентины — Х. Торромэ, от Германии — Г. Бургер, от России — Н. Панин, от Соединенных Штатов Америки — И. Брокау и от Швеции — Р. Иоганссон, У. Сальков и П. Турэн. На соревнование по специальным фигурам: от Англии — А. Камминг и Г. Н. Холл-Сэй, от США — Брокау, от России — Панин, от Швеции — Сальков.

В разряде женщин: от Англии — Гринау-Смит, Лайсет и Сайерс, от Германии — Э. Рендшмидт и от Швеции — Э. Монтгомери.

В разряде пар: от Англии — супруги Джонсон и супруги Сайерс, от Германии — Гюблер — Бургер.

Я не скрывал здесь своих специальных фигур, мои соперники их рассмотрели и оценили; в результате американец Брокау и швед Сальков не посмели выйти на старт в данном виде катанья и это несколько умалило мое торжество на соревновании.

В среду 16 (29) октября в 3 часа дня началось соревнование по школьному катанью мужчин. Оно было чрезвычайно утомительным: надо было проделать 14 фигур, а именно № 8 *а* и *б*, 15 *а* и *б*, 20 *а* и *б*, 23 *а* и *б*, 36 *а* и *б*, 38 *а* и *б*, 40 *а* и *б* *.

Каждый участник, выполнив одну фигуру, должен был ждать, пока проделают ее остальные девять. Мне никогда еще не приходилось выступать с таким количеством участников, и я допустил тут ошибку: вместо того, чтобы спокойно ждать своей очереди сидя и делать разминку за несколько минут до выступления, я все время катался, непрерывно поддерживая кровообращение и разогретое состояние организма в течение трех с половиной часов подряд, и этим, конечно, несколько снизил качество исполнения последних, самых трудных фигур.

Перед началом соревнования я случайно узнал, что Сальков, не надеясь на победу честным путем, решил, по его собственным словам, применить ко мне «психическую атаку» — подействовать на мои нервы, выбить меня из колеи и тем снизить качество моего исполнения.

Я принял это к сведению. И действительно, едва только я начал вторую школьную фигуру — восьмерку на одной ноге назад, как услышал громкий голос семикратного чемпиона мира: «Разве же это восьмерка? Она совсем кривая!»

Подготовленный к выпаду со стороны Салькова, я не обратил никакого внимания на этот возглас. Восьмерка вышла безукоризненная. Но когда на следующей моей фигуре Сальков повторил свою выходку, я потребовал у главного судьи прекратить беспорядок.

---

* См. приложение, стр. 210.

Получив замечание, Сальков позволил себе в повышенном тоне выкрикивать угрозы по моему адресу, но, резко остановленный главным судьей, был вынужден замолчать. В конечном счете этот инцидент расстроил только его самого, но результат соревнования все равно был предрешен задолго до его начала.

Состав судейской коллегии был неблагоприятен для меня, так как в нее вошло два шведа — Гренандер и Хэрле и сверх того Хюгель, личный друг Салькова, всегда державший сторону Швеции и к тому же старый враг русских; он почему-то выступал от Швейцарии, которая даже не имела на этом соревновании своего участника. По существу и Хэрле и Хюгель были в коллегии лишними; комитет Международного союза конькобежцев, находившийся тогда в Стокгольме, видимо, включил их с специальной целью обеспечить Салькову первое место.

Всех судей было пять, я получил у немецкого судьи Вендта и у Сандерса два первых места, менее беззастенчивый из шведов Гренандер, в прошлом чемпион мира, дал мне второе, на 9 баллов ниже Салькова и на 23 балла выше Турэна, бывшего, в общем, третьим по школе. Без Хэрле и Хюгеля я был бы победителем, но эти двое без стеснения дали мне IV место. Ни Турэн, ни тем более Иоганссон не имели решительно никаких шансов на первенство и были записаны от Швеции с явной целью дать возможность этим двум судьям «утопить» меня, поставив на IV место, и этим повысить мою общую сумму мест у всех судей вместе: по тогдашним правилам решала победу наименьшая сумма мест.

Если бы Гренандер поставил меня тоже на I место, я все равно был бы вторым благодаря этим двум подставным «судьям», так как сумма мест была бы у меня I + IV + IV + I + I = = 11, а у Салькова она была бы II + I + I + II + II = 8.

Я видел и чувствовал, что катался значительно лучше Салькова. В его восьмерке со скобками перемена ребра лежала чуть не на полметра после поворота скобки, при этом еще конек его скреб на плоскости на протяжении добрых 20 сантиметров, оставляя размазанную линию.

После соревнования я потребовал у Сандерса откровенного и правдивого ответа, кто был лучше по школе, и он поклялся, что на моей стороне было значительное преимущество во всех фигурах, не исключая и последней. Но если бы я не допустил упомянутой тактической ошибки в расходовании своих сил, то разница была бы настолько очевидной, что никто не посмел бы затушевать ее в пользу моего соперника.

Впоследствии в Юсуповом саду был получен из Лондона «Официальный отчет об Олимпийских играх в Лондоне 1908 г.». По словам отчета «. . .Салькова и Панина было трудно отличить. Постановка и движения у Панина были изящнее, в то время как у Салькова фигура выходила большего размера. Самыми трудными фигурами в школьном катанье были восьмерки с петлями и

со скобками. Панин исполнил восьмерку с петлями с большой легкостью, точностью и грацией. Сальков был аккуратен и силен. Восьмерки со скобками были последней фигурой. Сальков исполнил их большого размера и с большей уверенностью, чем Панин, Турэн и Иоганссон».

Уже из этого, отнюдь не беспристрастного отчета видно, что я, безусловно, превосходил Салькова постановкой тела и грацией движений, и если его фигуры выходили больше (чего на самом деле не было), то по правилам соревнований это не давало ему преимущества, так как при оценке величина фигуры принимается во внимание в последнюю очередь и только в том случае, если постановка и движения обоих участников одинаково совершенны. При этих условиях невозможно было без грубого нарушения справедливости поставить меня на четвертое место, т. е. ниже Турэна и Иоганссона. Однако Хэрле и Хюгель не постеснялись.

В конечном счете Сальков получил 1172,5 балла и сумму мест 7, я — 1147,5 и 12, Турэн — 1094 и 15, Иоганссон — 1070 и 16, Грейг — 938,5 и 25 и т. д. Брокау как новичок в международном стиле остался на последнем месте с 718 баллами и суммой мест 45.

Убедившись, после безрезультатного протеста, в невозможности бороться с пристрастностью шведских судей, представитель России заявил о снятии меня с программы состязания по произвольному катанью.

Наглость Салькова и беззастенчивость шведских судей ярко характеризуют нравы буржуазного спорта. Впоследствии нам не раз приходилось сталкиваться с такими же и подобными им явлениями в буржуазном спорте как в организации судейства, так и в поведении участников. Особенно в этом «отличались» представители Швеции и Финляндии.

Исполнение специальных фигур было назначено на другой день, утром 17 (30) октября. Рисунки фигур с объяснениями представлялись в судейскую коллегию накануне. Когда Сандерс передал судьям мои фигуры, они единогласно заявили, что одна из четырех фигур невыполнима, или в рисунке имеется какая-нибудь ошибка. Но Сандерс подтвердил, что она будет исполнена в точности по чертежу; это была та самая фигура, над которой я столько мучился.

Так оно и вышло: все четыре мои фигуры были исполнены на зеркальной ледяной поверхности совершенно точно. Конечная линия без малейшего зазора сливалась с начальной и, не видя исполнения, нельзя было найти, с какой точки начиналась фигура.

Записанные на это соревнование Сальков и Брокау, разглядев мои фигуры до старта, отказались от выступления. Это было отмечено в официальном отчете, оценившем мое исполнение как «почти математически точное». Англичанин Камминг катался хорошо, но его фигуры не отличались новизной, а труд-

Панин. Исполнение специальной фигуры № 1

ность их была ниже, чем у моих. Его соотечественник Холл-Сэй представил очень сложные рисунки, но исполнение их не было безукоризненным.

Когда я выступал в этом соревновании, то с гордостью чувствовал себя представителем своей родины и знал, что здесь уже никакие судейские комбинации не смогут украсть у меня победу. Судьям не оставалось другого выхода, как поставить меня единогласно на первое место. Я получил 219 баллов из возможных 240, т. е. 91,8%.

После соревнования, как всегда, состоялся банкет, на котором были вручены победителям дипломы и медали. Там же разыгрался последний акт салькóвской комедии.

Среди общего оживления перед ужином ко мне подошли все шведские участники соревнований, за исключением Салькова, во главе с судьей Э. Хэрле. Последний от имени всей группы в самом дружественном тоне выразил мне живейшее сожаление по поводу «недостойного поведения» Салькова. Как секретарь «Стокгольмского Альменна-Скридско-клуба» он просил от имени клуба об извинении.

Я ответил, что поступок Салькова объясняю его чрезмерной взволнованностью, вызванной стартовой лихорадкой, и не считаю «Скридско-клуб» и присутствующих здесь его членов ответственными за поведение их соотечественника.

Этим дело не кончилось. На другой день я получил письменное повторение сделанного мне заявления. Считаю необходимым привести здесь полностью перевод этого заявления, подлинник которого хранится в моем архиве как материал для характери-

стики многократного чемпиона мира и Европы, а впоследствии председателя комитета Международного союза конькобежцев Ульриха Салькова.

Стокгольмский.
Всеобщий клуб конькобежцев *Лондон 30. X. 1908 г.*
Стокгольм

Господину Н. Панину, Лондон.

Я позволю себе возвратиться к нашему вчерашнему краткому разговору по поводу дела Салькова, потому что после этого я слышал от г. Бургера, что я не сумел достаточно ясно выразить Вам мое намерение; и хотя я одновременно узнал, что г. Бургер был так любезен, что уже разъяснил точнее эти намерения, но я хотел бы этими строками еще раз Вам повторить, что все прочие шведы, принимающие участие в состязаниях, живейшим образом сожалеют о недостойном поведении Салькова, о котором рассказал мне г. Бургер, и, как секретарь Стокгольмского Всеобщего клуба конькобежцев, я чувствую себя обязанным и правомочным просить у Вас от имени клуба и шведских конькобежцев извинения по поводу этого невоспитанного выступления Салькова.

С отменным высокоуважением
Эдв. Хэрле
Также и мы глубоко сожалеем о случившемся
Эльна Монтгомери, Пер Турэн, Р. Иоганссоч.

Получив моральное удовлетворение от официального осуждения поступка Салькова, я все же не считаю заявление Э. Хэрле искренним. Он как судья, конечно, сам отлично видел и слышал все происходившее на льду (а не узнал об этом от Бургера) и как секретарь «Скридско-клуба» должен был бы осадить своего соотечественника на месте. Его поведение характерно для буржуазного спорта, представители которого сначала не брезгуют никакими средствами для достижения победы над противником, а потом пытаются лицемерными фразами прикрыть свои поступки.

С сознанием достигнутой цели, в радужном настроении я уехал из Лондона, увозя с собой золотую медаль и диплом победителя IV Мировой Олимпиады. Еще никто из русских до того времени не имел звания «олимпионика». Следует сказать, что в IV Олимпиаде участвовали, кроме меня, еще семь моих соотечественников; двое из них заняли вторые места по французской борьбе и получили серебряные медали — это А. Петров и Н. Орлов. *

---

* Доктор А. Петров в тяжелом весе в первом круге выиграл по очкам у Ф. Гумфрей (Великобритания), во втором — положил венгерца Г. Пайр в 15 мин. 12 сек., но в финале проиграл венгерцу же Вейсу.

Н. Орлов в легком весе в первом круге был свободен, во втором — положил шведа Лунда в 10 мин. 46 сек., в третьем — венгерца Радвани в 7 мин. 16 сек., в четвертом — побил по очкам финна Линдена, в пятом — проиграл по очкам чемпиону Италии и Европы в своем весе (65 кг) матросу Е. Поро.

Остальные — борцы Г. Демин, Е. Замятин, легкоатлеты Г. Линд и А. Петровский, велосипедист Мартинсон — успеха не имели.

Перед отъездом услужливые агенты пресс-бюро принесли нам целую кипу вырезок из газет с заметками о наших соревнованиях. «Дейли Мэйль», «Дейли График», «Дейли Миррор», «Спортинг Лайф» и другие поместили снимки с моего катанья и наперебой писали об «удивительном фигурном катанье в «Принсесс-холл», где мистер Панин с такой изумительной точностью и совершенством исполнил свои фигуры, что был недостижим для своих конкурентов».

Золотая медаль победителя IV Мировой Олимпиады

Отправляясь из Петербурга в сентябре за границу, я взял с собой, кроме коньков, и один из моих пистолетов Девима № 1711. Я хранил его, как драгоценность, в специальном ящике красного дерева, где он покоился на синем бархате со всеми принадлежностями (стрелок должен любить и холить свое оружие).

На обратном пути из Лондона я решил заехать в Париж, бывший тогда мировым центром стрелково-пистолетного спорта. Ирвинг Брокау предложил быть моим спутником, и мы вместе отплыли из Лувра в Калэ.

Прибыв в Париж, мы сговорились вместе пойти в тир «Гастинн-Ренетт» и на другой день по приезде отправились

Диплом победителя IV Мировой Олимпиады

туда. Это стрельбище, вместе с оружейным магазином и мастерскими при нем, находилось в лучшей части города, на авеню д'Антэн, близ Елисейских Полей. Большой светлый продолговатый зал стрельбища отделялся остекленной стеной с выдвижными дверями от длинного ряда просторных кабинок; из каждой кабины стеклянная же дверь вела на двор с черной железной стеной для мишеней — на расстоянии 16 метров для прицельной стрельбы из пистолета и на 25 метров для дуэльной стрельбы по команде в чугунный силуэт человека. К услугам стрелков были пистолеты и револьверы разных систем и калибров. По желанию можно было стрелять из собственного оружия. Для стрельбы сильными зарядами имелась особая подземная галерея.

Я попросил поставить мне мишень для пистолета на 16 метров, и мне отвели одну из кабинок. Я хотел попробовать, как пойдет стрельба после пятимесячного перерыва (с мая не брал я пистолета в руки) и решил в случае удачи попытаться сделать 12-пульную мишень на золотую медаль *. Несмотря на большой перерыв, я все же верил в свою силу: навыки в стрельбе, в особенности если стреляешь из года в год, так скоро не забываются.

Кроме меня, в кабинке был Брокау и «шаржер» — служащий тира, обязанный следить за порядком и безопасностью стрельбы и заряжать оружие. Я вынул из ящика мой Девим и собственноручно зарядил его. Первый выстрел угодил в черный кружок международной мишени — в шестерку. Второй — туда же. Следующие пять пуль легли приблизительно в то же место, образовав плотную группу. Дело шло на лад, и я уже собирался попросить поставить мне конкурсную мишень для стрельбы на приз, как вдруг шаржер мне говорит:

— Мсье, у вас дело идет на золотую медаль...

— Как?.. Ведь это простая пробная мишень?

Оказалось, что всякая мишень, стрелянная в присутствии шаржера, который является официальным лицом в стрельбище, идет в счет соревнования, и так как все мои 7 пуль лежат внутри 4-го пояса, то мне остается посадить туда же еще 5 пуль, и условие приза будет выполнено.

Нужно сказать, что многие стрелки пытались выполнить условия приза: ведь число попыток не было ограничено, а стрелять на золотую медаль можно было в любое время. Но взять ее было очень трудно: чем удачнее первые выстрелы, тем больше волнуется стрелок от страха одной неудачной пулей испортить мишень, и чем ближе конечная цель, тем сильнее росло волнение.

Я видел только четыре 12-пульных мишени, удостоенные золотой медали. Лауреатами были, насколько помню, американский

---

* Об условиях этого приза было рассказано в главе о стрелковом спорте.

профессиональный стрелок Айра-Пэн, наш покойный чемпион М. В. Семичов, француз маркиз де-Кастель-Бажак и еще один француз, не помню его фамилии. Мишени эти были выставлены в тире под стеклом. Тут же находилась и мишень нашего И. Р. Галченкова на серебряную медаль с 12 пулями внутри третьего пояса.

Когда я узнал, что мишень моя идет в счет, это меня немного взволновало. Шутка ли сказать — еще пять пуль нужно положить в середину!

Я взял себя в руки, увеличил промежутки между выстрелами. Попадаю восьмую, девятую... десятую. Ну, как сейчас промажу? .. Нет, и одиннадцатая там же! Раздаются возгласы одобрения. Оглядываюсь, а за стеклянной стеной целая толпа французов с биноклями уставилась на мою мишень.

Золотая медаль «Гастинн-Ренетт» за 12-пульную мишень

После глубокого вздоха беру мишень на мушку, тяну все сильнее за спуск. Нет, рука качнулась, — отставить! Опять дышу глубоко, опять беру на мушку... Рука, как мрамор. Все крепче сжимаю пистолет и спуск... Бах! Смотрю — в белом пули нет, значит и она в центре. Все в порядке! Французские стрелки устроили мне овацию. Брокау жмет руку. Шаржер поздравляет.

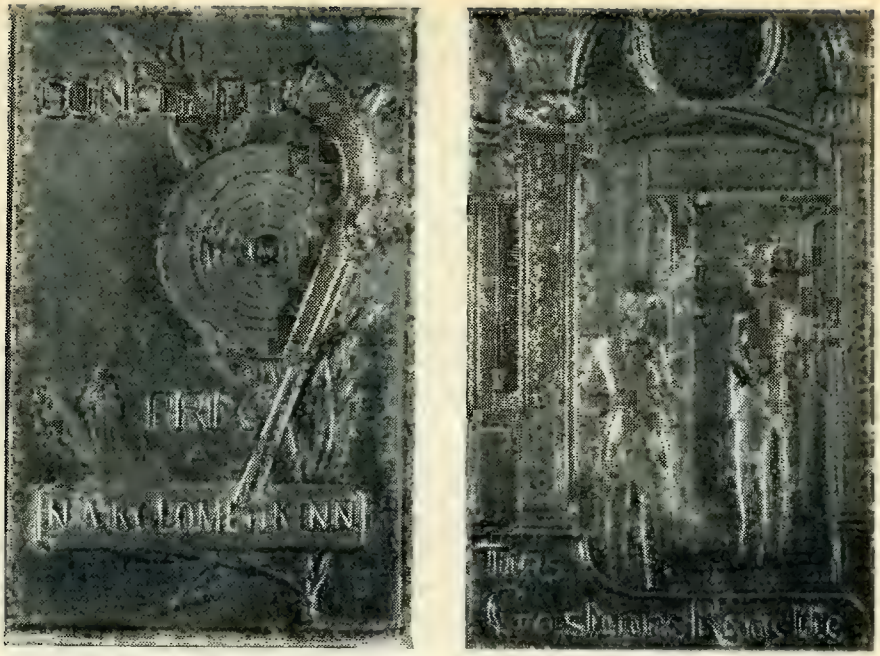
Тут же мне предложили стрелять на серебряную медаль. Для этого надо было разбить подряд без одного промаха 25 гипсовых колпачков величиной с куриное яйцо, надетых на железные крючья, на дистанции 16 метров. При удачном выстреле пуля, попавшая в середину цели, разбивается о крюк, и брызги свинца дробят еще два-три, а то и четыре соседних колпачка, так что осколки летят во все стороны, и все разбитое засчитывается.

Заслужив вторую медаль, стреляю дальше — надо разбить подряд уже 50 колпачков, чтобы получить художественную бронзовую плакетку с барельефным изображением пистолета и стрельбы из него в тире. Стрельба по гипсу эффектная, но не вызывает глубоких эмоций — задача слишком легка для меня, «промазать» по такой крупной цели невозможно, и плакетка присоединяется к моим трофеям.

Французы спрашивают, много ли у нас в России таких стрелков. Я отвечаю: «Почти все так стреляют».

За мои пистолеты мне предлагали 6000 франков золотом, но разве я мог продать оружие, с помощью которого удалось на весь Париж прославить меткость русских стрелков?!

В тот же день я зашел в «Палэ-де-Гляс» («Дворец льда»), расположенный неподалеку от стрельбища, и, назвав себя, попросил разрешения покататься, чтобы не выйти из формы. Ди-



Художественная плакетка «Гастинн-Ренетт»

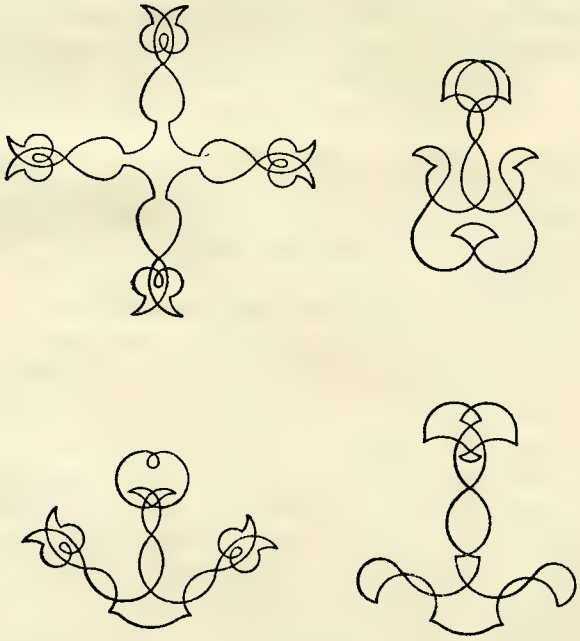
рекция любезно согласилась. На другой день утром, когда каток был еще закрыт для публики, я был уже на льду. Каток «Палэ-де-Гляс» имел круглую форму, как цирк, и был окружен, как и в Берлинском «Эйспаласте», ложами со столиками для зрителей. Когда я вышел на лед, каток был пуст, только несколько человек сидели в одной из лож. После четырехдневного отдыха я с наслаждением проделал несколько школьных фигур, а потом повторил в соревновательном темпе всю свою программу произвольного катанья, построенную под ритм марша. Немногочисленные зрители устроили мне горячую овацию; как оказалось, это были профессиональные инструкторы-конькобежцы.

На другой день я уже уехал в Берлин и дальше — домой..

Не забуду никогда, с каким торжеством и приветливостью встретили меня члены «Общества любителей бега на коньках» — фигуристы, хоккеисты и другие товарищи по спорту. Но это приветствие относилось не только лично ко мне: мой успех мы все рассматривали как большую победу отечественного спорта. Эта победа укрепляла нашу уверенность в своих силах и способностях.

XIX. МОЯ УЧЕБНАЯ РАБОТА В ЮСУПОВОМ САДУ. КНИГА О ФИГУРНОМ КАТАНЬЕ

С горечью и обидой вспоминаю теперь, что мое успешное выступление на IV Мировой Олимпиаде было последним моим выступлением по фигурному катанью. Произошло это потому, что после возвращения из поездки на Олимпиаду высшее начальство стало смотреть на мои выступления по этому виду спорта все более и более неприязненно. В конце концов, под угрозой перевода в дальнюю провинцию пришлось от них навсегда отказаться. Так уродлива была тогдашняя буржуазная действительность. И разработанные мною специальные фигуры совершенно исключительной трудности остались неиспользованными в соревнованиях и никем не повторенными.



Мои неиспользованные специальные фигуры 1909 г.

Но за мной осталась педагогическая спортивная деятельность среди молодежи. Ее успехи на льду доставляли мне не меньше удовлетворения, чем мои собственные достижения в прошлом.

В то время ядро «Общества любителей бега на коньках», составлявшее одно крепкое целое, стихийно подразделялось на три основные группы. В одной из них предпочитали заниматься простым катаньем парами или группами, вальсированием и лишь немножко — началами фигурного катанья. В эту группу

входили преимущественно люди солидного возраста, члены комитета Общества во главе с В. И. Срезневским и другие члены и посетители катка. Среди них брат Александра Никитича Паншина — Евгений Никитич с женой Эмилией Александровной были, можно сказать, чемпионами простого катанья: их стройные движения полудугами поражали публику своим мощным размахом и огромным ходом. Весь большой пруд они пролетали из конца в конец в 5—6 шагов, грациозно наклоняясь то в одну, то в другую сторону, делали длинный красивый поворот влево одним шагом, возвращались тем же порядком к веранде и так далее, мелькая, как метеор, среди других пар, троек и четверок. Для любителей потанцовать излюбленным местом служило пространство между правым островом и потоком публики по большому кругу, напротив мужской раздевалки; место это прозывалось «танцклассом».

Вся эта группа каталась преимущественно на большом пруду и получила неожиданное прозвание «карасей» после одного случая, когда в сильную оттепель в январе 1898 года на большом пруду обильно выступила на лед вода с большим количеством этой рыбы.

Другая группа, главным образом молодежь, увлекалась фигурным катаньем. Она обитала преимущественно в «академии», т. е. на правом пруду за рогатками, которыми «академия» обычно отделялась от остальной площади катка. Эта группа сплотилась вокруг меня, состояла почти сплошь из моих учеников и была почему-то прозвана «головастиками».

Третью группу составляли хоккеисты, собиравшиеся на левом пруду для групповых тренировок; общие тренировки их проходили на большом пруду в положенные для этого дни и часы.

Все три группы жили очень дружно и горячо интересовались не только своими собственными спортивными делами: хоккеисты болели и за фигурное катанье, а мы, в свою очередь, за хоккей; к «карасям» же все питали глубокое уважение с примесью небольшой доли снисходительности к их возрасту и спортивным вкусам. Кроме того, среди нас были товарищи, близкие всем трем группам и ни одной в особенности. Все это лишь усугубляло наше единство на основе глубокой привязанности к спорту и флагу Общества. В этом отношении Юсупов сад резко отличался от многих других спортивных организаций, в которых постепенно разгоралась если не явная, то невидимая глухая борьба между демократической частью членов и руководством.

Как я уже говорил, я с давних пор занимался обучением молодежи фигурному катанью, и некоторые из моих учеников дошли до такого технического уровня, что могли уже с успехом соперничать со своим учителем. А после 1908 года у меня постепенно появились новые молодые последователи, влюбленные в искусство катанья; некоторые из них обладали несомненным талантом.

Новичок—К. Г. Цезар в 1910 г.

В этом отношении на первом месте стояла Ксения Цезар, о которой я уже упоминал, как об одной из пе́рвых наших разрядниц (впоследствии она была преподавательницей института физической культуры им. П. Ф. Лесгафта) *. Дочь учителя музыки и сама превосходная пианистка, она еще гимназисткой начала заниматься фигурным катаньем. С первого знакомства с ней на льду я был поражен ее способностями: она сразу усваивала все указания о постановке тела и о пластике движений, а ведь это было самое главное для начинающего. Вслед за этим пришло и техническое уменье, и вскоре Ксюша заняла ведущее место среди младшего населения нашей «академии».

Кроме нее, тут были ее сестры Варя и Оля, еще одна девушка Александра Целикова-Родзевич (впоследствии секретарь секции фигурного катанья Ленинградского Дома Красной Армии), А. А. Малыгин, Л. Н. Никитин, С. Ф. Денисьев и другие. Позже к ним присоединились москвич Иван Павлович Малинин, временно находившийся в Петербурге в связи с отбыванием воинской повинности, выборжец Сережа Фан-дер-Флит, гравер Н. П. Константинов и другие. Особенно радовал меня скромный и молчаливый Сережа. Несмотря на неособенно крепкое сложение, он упорно работал над собой, внимательно выполняя все мои указания. Его настойчивость обещала дать в будущем хорошие результаты.

Занятия проводились обычно по вечерам с 8 до 11 часов ежедневно, а по воскресеньям с утра до 2 часов. Кроме того, по

* К. Г. Цезар погибла во время блокады Ленинграда в феврале 1942 г.

В веселую минуту: мои ученики (слева направо) И. и А. Кревинги, О. и А. Лан, С. Фан-дер-Флит и К. Цезар — в бочке для поливки катка

воскресеньям с 2 до 5 и по четвергам вечером на катке играла музыка, и все тренировались под нее в произвольном катанье. Это было обширное поле для методических наблюдений и выводов, которые послужили впоследствии материалом для моей первой книги.

Наши занятия носили чисто любительский характер. Приходили ко мне в «академию» все, кому хотелось чему-нибудь научиться в фигурном катанье, а занимались им «понемножку» очень многие из посетителей нашей Юсуповки. Никакой обязательности в посещении занятий не было, платы за обучение не взималось, ни я, ни кто другой не получали вознаграждения в какой бы то ни было форме за педагогическую работу.

Методика преподавания сводилась к показу, объяснению, наблюдению за исполнением и самое главное — к анализу причин ошибок и их исправлению. Чаще всего ко мне обращались с вопросом: «почему у меня не выходит такая-то фигура?» и тут же пытались исполнить ее. Увидишь, в чем дело, разъяснишь, как надо правильно выполнить, и обычно тут же видишь результат. Но очень часто ко мне обращались и фигуристы-самоучки, которыми уже был приобретен ряд неверных приемов и привычек. С такими приходилось работать довольно долго, чтобы оту-

чить их от ошибочных движений. Никакого искусственного отсева занимающихся новичков мы не допускали, считая, что каждый здоровый человек при желании может дойти до высоких достижений.

Специальной гимнастикой мы тогда не занимались, но обязательно рекомендовали летом легкую атлетику, весной и осенью — кроссы (для выработки выносливости), а также упражнения дома перед зеркалом для усвоения пластики и изящества движений. О физиологической стороне дела мы почти не думали, но твердо руководствовались правилом: прекращать занятия на 2—3 дня, если качество исполнения начинало снижаться. Обычно после этого наступало резкое улучшение.

В этой интересной учебной работе начали вырисовываться некоторые педагогические приемы воспитания молодых спортсменов. Например, как бы плохо ни катался начинающий, никогда не надо говорить ему об этом. Наоборот, необходимо поддерживать в нем уверенность в его способностях, в близком достижении поставленной цели при условии, что он будет непрерывно и упорно работать над собой. Кроме того, я всегда внушал своим ученикам, готовившимся к соревнованиям, что они должны показать максимум своих достижений, приложить все свои силы, использовать все возможности к выигрышу первого места, но не унывать в случае неудачи и добиваться победы если не в этот, то в следующий раз.

Благоприятное воспитательное воздействие оказывали на молодежь и лучшие представители Общества, выдвигавшие требование честного и благожелательного отношения к противникам в соревнованиях. А. П. Лебедев часто повторял, что «гораздо труднее и почетнее хорошо проиграть, чем плохо выиграть».

Проработанные и обоснованные мною теоретически методы обучения оказались настолько действительными, что получили всеобщее признание. Я нередко бывал в большом затруднении: столько находилось желающих заниматься у меня, что не оставалось времени для личной тренировки.

До этого времени в России не было женщин, серьезно занимающихся фигурным катаньем. Теперь, с легкой руки Ксении Цезар, в моей школе появилось несколько девушек, к великому неудовольствию пожилых дам: они находили совершенно неприличным для девушек выступать в одиночном катанье, а укороченные юбки наших молодых фигуристок приводили их в ужас.

Ксюша сделала такие успехи, что решилась однажды, помнится, в 1910 году, выступить в разряде старших фигуристов вне первенства России наравне с мужчинами и заняла там третье место, победив двух мужчин. Это вызвало среди участников нелепые разговоры о том, что судьи не могут быть вполне объективными, когда среди мужчин перед ними выступает миловидная девушка. Больше таких соревнований Общество не устраивало и с 1911 года начало разыгрывать первенство России для женщин.

Я думаю, что те годы, приблизительно с 1908 до 1914, были самым плодотворным периодом жизни Общества в Юсуповом саду. Горячая любовь моих учеников к фигурному катанью побуждала их передавать свои знания другим энтузиастам, и если число фигуристов все же оставалось очень скромным, то причина этого лежала не в нас, а в общих неблагоприятных для спортивной жизни условиях того времени.

Большое спортивное значение имели и вносили большое оживление в жизнь нашей школы разрядные испытания. Это были по существу практические экзамены на получение званий конькобежца соответствующего разряда.

В эти годы внимание комитета Общества было направлено на то, чтобы мои ученики могли выйти за пределы Юсупова сада: надо было показать наши достижения, проверить их во встречах с иностранцами и пропагандировать фигурное катанье в нашей стране.

Этот вид спорта не пользовался большим распространением в России. Кроме Петербурга, Москвы и входившей тогда в состав Империи Финляндии, где были фигуристы в Гельсингфорсе и в Выборге, лишь в очень немногих городах и очень немного лиц занимались фигурным катаньем.

Организация его стояла на очень низком уровне из-за общей разрозненности спортивных клубов. Например, в Киеве результат соревнований еще в 1911 году определяли не судьи, а публика путем опускания контрамарок в ящики с фамилиями участников. Среди публики велась оживленная агитация и сторонники участников соревнования не останавливались перед скупкой контрамарок в пользу своего фаворита. Тамошние фигуристы в Петербург не приезжали и даже не давали знать о своем существовании. С другой стороны, и нам, юсуповцам, следует поставить упрек в близорукости: мы посылали наших представителей на соревнования или за границу, или только в Москву, Финляндию и ближайшие к Петербургу города, а более отдаленная «провинция» нас не интересовала.

Среди моих учеников образовались две группы. Старшие в лице Олло, Датлина, а потом и москвича Малинина выступали на более ответственных встречах за рубежом и в Финляндии. Младшие выезжали в окрестности, в Выборг и в лучшем случае в Москву.

Таким образом, представитель старшей группы К. А. Олло получил возможность несколько раз и весьма успешно выступить за границей. Например, в 1909 году в Вене, в острой борьбе с местными фигуристами и с берлинцем Рендшмидтом он выиграл приз доктора Корпера, председателя «Венского общества конькобежцев», основоположника так называемой Венской школы катанья. В Вене еще помнили громкие победы скоростника Паншина и тепло встретили победу молодого петербуржца. Позже Олло неоднократно и с неизменным успехом выступал в Выбор-

ге на переходящий приз «Щит Бояринова» *, который разыгрывался по оригинальной программе: без школьного катанья, только по специальным фигурам и произвольному катанью.

В тесной связи с моей педагогической работой в Юсуповом саду шла теоретическая разработка основ техники фигурного катанья. Выполнение вынесенного еще в 1903 году постановления общего собрания юсуповцев о составлении руководства по фигурному катанью сильно затянулось. Проверка опыта на практике, обобщение и формулировка правил и создание стройной теории техники катанья заняли довольно много времени; большая доля его пошла на изготовление фотоиллюстраций и чертежей. В течение почти пяти лет я собирал, обдумывал и обрабатывал материалы для руководства, но служебная работа и личная тренировка сильно отвлекали меня.

С целью пропаганды фигурного катанья Общество приняло на себя расходы по изданию книги с тем, чтобы цена ее не превышала себестоимость; это позволило поручить техническую часть книги лучшим полиграфическим предприятиям. В результате получилось прекрасное по внешности издание с отличными иллюстрациями. Книгу тепло встретили спортивные круги как единственный в мировой литературе научнообоснованный труд в данной области и как наиболее полное и серьезное руководство по фигурному катанью на коньках.

28 декабря 1909 года общее собрание Общества вынесло памятное и дорогое мне постановление. Отметив мои заслуги перед русским спортом вообще, и в частности перед Обществом «как победителя многочисленных состязаний и автора сочинения, составившего гордость Общества», собрание единогласно постановило избрать меня в почетные члены Общества.

Позже, на Царскосельской юбилейной выставке 1911 года в память 200-летия города и на Всероссийской гигиенической выставке 1913 года, мне присудили две большие золотые медали «За выдающееся в области спорта научное сочинение по фигурному катанью на коньках».

Моя книга приобрела известность и за рубежом. Ко мне начали поступать письма из-за границы от французских, английских и американских авторов и издателей с просьбами дать перевод для издания за границей и фотоснимки. Они, очевидно, полагали, что я сочту их предложение за большую честь. Но я работал прежде всего для русских и от «почетного» предложения отказался. Тогда в зарубежной литературе стали появляться издания разных авторов, как Сайерса в Лондоне, Л. Магнюса в Париже, И. Брокау в Нью-Йорке, которые многое заимствовали

* Приз этот был подарен членом «Выборгского Скридско-клуба» Бояриновым и представлял собою серебряный щит, на котором гравировались фамилии победителей соревнований.

из моей книги без моего разрешения и без ссылки на первоисточник.

За рубежом у нас заимствовали не только теорию, но и практические достижения, как, например, новинки спортинвентаря. Расскажу об одном таком случае.

Незадолго до первой мировой войны я получил из Нью-Йорка от Ирвинга Брокау его новую книгу, в которой помещен целый ряд чертежей и фотографий, взятых из моей книги. Вслед затем он прислал мне письмо с просьбой заказать ему пару коньков моей последней модели. Эта модель, выработанная в 1907 году, отличалась от сальковской гораздо более низкими стойками, несколько меньшим радиусом кривизны средней части лезвия, более низким положением зубцов на носке и большей легкостью всего конька вследствие вдвое меньшей толщины полоза (3 мм вместо шести).

Вот эту-то модель я и заказал для Брокау и отослал ему в Америку. Через несколько лет, уже в советские годы, в Высшем совете физической культуры мне довелось познакомиться с новым изданием книги Брокау «Искусство катанья на коньках», 1926 г. В главе «История конька» на стр. 18 и 19 я прочел следующее:

«Проводя зиму 1909—1910 г. за границей, я впервые увидел и испытал тот конек, который был тогда в употреблении среди лучших конькобежцев Европы, а также испытал международный стиль катанья. Известный русский конькобежец и чемпион фигурного катанья Н. Панин имел пару коньков в основном его собственного рисунка, и этот рисунок я использовал для Америки. Такие коньки были им сделаны для меня... В следующем году «А. Г. Спольдинг и братья» выпустили в массовую продажу этот конек под моим именем. Я полагаю, что всеобщее пользование этой моделью коньков способствовало восстановлению в нашей стране грациозного и художественного катанья, известного под названием международного стиля».

Таким образом фигуристы Америки, только позаимствовав нашу русскую модель, смогли перейти от безобразной и устарелой местной манеры исполнения к грациозному и художественному новому стилю.

XX. РАЗВИТИЕ ХОККЕЯ. ИЗМЕНЕНИЕ СПОРТИВНОЙ ЖИЗНИ К КОНЦУ ДЕСЯТИЛЕТИЯ

С момента появления хоккея в 1897 году и с тех пор как он привился на катке «Общества любителей бега на коньках» интерес к этой игре быстро нарастал. Стали образовываться хоккейные команды в существующих спортивных организациях, возникли и новые специальные хоккей-клубы не только в Петербурге, но и в Москве и в других городах.

В результате широкого развития хоккея в Петербурге в 1903 году юсуповцами был учрежден международный переходящий приз за эту игру — «Кубок Петербургского общества любителей бега на коньках». По мысли учредителей, он должен был содействовать укреплению связей между русскими и заграничными клубами, поднятию техники игры и интереса к хоккейным соревнованиям. В этом же году 7, 8, 15 и 16 февраля кубок был впервые разыгран. Претендентами выступили, кроме учредителей кубка, «Петербургский кружок любителей спорта» (КЛС) и приехавшая из Москвы команда местного хоккей-клуба, состоявшего в большинстве из англичан. Ожидавшиеся команды «Уленгорст-клуба» из Гамбурга и «Выборгского клуба» не прибыли.

Переходящий кубок за игру в хоккей

Юсуповцы победили КЛС со счетом 11 : 3, после этого московская команда выиграла у него же со счетом 6 : 2, а 16 февраля состоялась последняя встреча. Белые с красной лентой через плечо московские хоккеисты и белые с голубыми полосами юсуповцы боролись чрезвычайно упорно, несмотря на скверный тающий лед. Играли полтора часа без перерыва; победа вместе с кубком досталась юсуповцам со счетом 4 : 1.

В 1907 году юсуповская команда хоккеистов была командирована Обществом за границу. Команда играла в Лейпциге, Берлине, Христиании и Стокгольме и везде, кроме Лейпцига и одной игры в Стокгольме, вышла победителем. В Лейпциге, по недосмотру, капитан русской команды согласился играть на плохо залитом земляном поле; юсуповцы быстро испортили ребра своих коньков о камни и потеряли все свои преимущества, немцы же привыкли играть на таком поле, бегая на носках коньков. В Стокгольме с самой сильной шведской командой юсуповцы сыграли вничью. Интересно привести результаты всех встреч; они достаточно характерны, чтобы судить о техническом классе наших противников:

против	«Лейпцигского спорт-клуба»	8 : 13
»	клуба «Прейссен» в Берлине	20 : 0
»	«Хоккей-клуба», там же	13 : 0
»	«Скэйтинг-клуба» в Христиании (Осло)	12 : 0

против	«Хоккей-клуба», там же	10 : 2
»	«Офицерского клуба» в Стокгольме	7 : 3
»	клуба «Упсала», там же	4 : 4
»	клуба «Камратерна», там же	4 : 2

Из этой поездки юсуповцы привезли приз шведского короля — серебряную клюшку в натуральную величину с соответствующими надписями и эмблемами.

Петербургский английский хоккей-клуб «Нева», состоявший преимущественно из служащих и мастеров ниточной мануфактуры, а также и «Кружок любителей спорта» постоянно проигрывали юсуповцам. Но вот в 1908 году появился новый, очень сильный соперник — «Нарвский кружок спортсменов», во главе с И. А. Березиным, известным мастером по изготовлению спортивного инвентаря, сумевшим организовать из рабочих и служащих Путиловского завода замечательную команду. По существу она продолжала деятельность закрывшегося в 1901 году «Екатерингофского кружка спортсменов». Встречи «Нарвы» с юсуповцами собирали огромные по тому времени массы зрителей, в том числе и болельщиков за наших противников. Каждый мяч, вбитый в ворота юсуповцев, бурно приветствовался сторонниками «Нарвы», но все же она, как правило, проигрывала. Однако в один, как говорится, «прекрасный» день после упорнейшей игры победа перешла на ее сторону. Эта игра состоялась на катке Юсупова сада.

Наша команда всполошилась. На общем собрании ее было решено обновить состав и усилить тренировку. Из команды выбыли более пожилые и менее сильные, «вышел в отставку» капитан команды Кревинг-Кедров. Их заменили лучшие игроки из второй команды. Началась усиленная тренировка, а через некоторое время должна была состояться новая встреча противников, на этот раз на Крестовском Острове на пруду, в том месте, где теперь стадион «Большевик».

Само собой разумеется, что смотреть на этот матч поехал чуть не весь Юсупов сад. Это была невиданная по быстроте, смелости и ловкости игра. Юсуповцы взяли реванш и после этого продолжали одерживать победы.

Для иллюстрации приведу данные о положении четырех команд в конце февраля 1908 года, когда закончились все шесть игр на кубок хоккей-лиги Петербурга и окрестностей:

Наименование команд	Выигрышей	Ничьих	Проигрышей	Забили мячей	Пропустили мячей
Юсуповцы	6	0	0	54	10
„Нарва“	2	1	3	21	25
КЛС	2	0	4	12	46
„Нева“	1	1	4	15	28

Группа хоккеистов Юсупова сада (полосатые рубашки) и „Московского хоккей-клуба"

В 1910 году юсуповцы нанесли поражение одному из петербургских клубов, кажется «Петропавловскому», с таким разгромным счетом (1-я команда 36 : 0, 2-я — 30 : 0), что в спортивной прессе появились требования разделить команды хоккей-клубов на классы по их силам.

Команды Юсупова сада продолжали долго первенствовать на льду. Их громкие победы привели к тому, что многие хоккеисты были приняты в члены Общества. В связи с этим общая физиономия центрального ядра Общества (его действительных членов) сильно изменилась: состав их омолодился, стал более демократичным, и спортивный характер Общества — более ярким.

Такие же явления происходили и в ряде других обществ. Эти изменения в спортивной жизни были неизбежным следствием революции 1905—1907 гг. Вместе с усилением столыпинской реакции росло стремление буржуазии, напуганной революцией, укрепить свое господство над демократическими элементами в спорте путем материального закрепощения, предоставления им кажущихся льгот, а иногда и полицейскими мерами против безуставных «диких» кружков.

Такие кружки возникали тогда во все возрастающем количестве именно потому, что заманчивые «Временные правила об организации обществ», изданные правительством в 1906 году, были обманом: они допускали возникновение спортивных кружков явочным порядком, но утверждение их уставов оставалось в руках министерства внутренних дел, контроль которого в эти годы

еще более усилился. Примером может служить «Путиловский кружок любителей спорта», возникший по инициативе рабочих но получивший утвержденный устав только через пять лет и то лишь по ходатайству администрации завода, которая своей поддержкой кружка хотела повлиять на его политику и использовать его как одно из средств предохранения рабочих от «вредных» политических влияний.

Количество спортивных организаций продолжало увеличиваться, главным образом, в области спортивных игр: возникали новые футбольные и хоккейные команды, новые лиги; появлялись новые виды игр, например баскетбол, который начало культивировать в 1906 году общество «Маяк», новые кружки лыжного, водного спорта и даже фигурного катанья на коньках, начали возникать всероссийские объединения — союзы, как, например, гребных обществ, лаун-теннис-клубов, сокольства. Но надо сказать, что лиги и союзы меньше всего заботились тогда о поднятии мастерства спортсменов, их главной целью оставалось все то же — укрепление руководства буржуазии наиболее многочисленной демократической частью спортсменов. Последние сами искали путей повышения своей спортивной техники и мастерства. Так, «Путиловский кружок любителей спорта» посылал своих членов в Нарвский кружок с целью овладеть техникой футбола.

К концу десятилетия, в 1909—1910 гг., буржуазия и правительство, повидимому в предвидении империалистической войны, стали насаждать спорт в школе и в армии. Так, при участии Г. А. Дюперрона возникло «Общество содействия физическому развитию учащейся молодежи», которое даже разыгрывало свой «Кубок ОСФРУМа» по хоккею и специальный кубок, пожертвованный Сувориным, издателем одной из реакционных газет того времени. В гвардейских полках появились солдатские футбольные команды и теннис-корты для офицеров. Я лично принимал участие в устройстве корта в Стрелковом полку в Царском Селе, где служил мой друг и замечательный стрелок из пистолета Г. Е. Вишняков; были корты и в 4-м стрелковом полку, и в Петербурге — в Гренадерском, Егерском и других полках.

Так намечалось изменение политики правительства в его отношении к спорту, которое стало особенно заметным после 1910 года.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГОДЫ ВТОРОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX ВЕКА— ДО ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

XXI. ПОДЪЕМ СПОРТИВНОГО ДВИЖЕНИЯ К НАЧАЛУ ВТОРОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ. РОССИЙСКО-ШВЕДСКАЯ ВЫСТАВКА

Еще в 1909 году видным спортивным событием была Российско-шведская выставка физического развития и спорта.

К этому году спорт достиг в Петербурге и окрестностях сравнительно широкого развития. Кроме спортивных организаций, о которых шла речь в конце предыдущей главы, здесь насчитывалось 15 обществ водного (парусного и гребного) спорта, много футбольно-хоккейных и лаун-теннисных клубов, свыше десяти гимнастических обществ и кружков, два автомобильных общества, три тяжелоатлетических и ряд обществ, занимавшихся одновременно разными видами спорта: лыжным, водным, конькобежным, плаванием, фехтованием, конным спортом, охотой, а больше всего легкоатлетическими упражнениями и спортивными играми. В то время уже существовало несколько объединений по некоторым видам спорта в форме лиг и союзов, получивших после 1910 года более широкое распространение. Уже образовались футбольные и хоккейные лиги, Всероссийский союз гребных обществ, Союз лаун-теннис-клубов, Союз Русского Сокольства и прочие. Правительство стало менее строго относиться к разрешению открытия таких объединений.

Жизнь брала свое, и спортивное движение, несмотря на все препятствия, постепенно разрасталось. Особенно развили свою деятельность гимнастические, футбольные и легкоатлетические клубы. Например, «Петербургский кружок любителей спорта» в августе 1909 года устроил уже не местные, а международные соревнования и разыгрывал на них четыре переходящих кубка: для победителей в беге на 100 и на 400 метров, в барьерном беге и кубок имени А. П. Лебедева, присуждавшийся обществу, показавшему лучший результат по сумме всех номеров состязаний. Кроме того, Петербургский кружок стал разыгрывать переходящий кубок имени И. Р. Галченкова за велосипедную гонку по шоссе, кубок в память А. Н. Паншина за скоростной бег на коньках и другие призы.

В связи с общим оживлением спортивной жизни в Петербурге возникла мысль: в целях дальнейшего развития отечественного спорта, пропаганды его и поднятия интереса к физическим упражнениям устроить Российско-шведскую выставку физического развития и спорта. Повидимому, наши деятели не столько собирались похвалиться показом общей картины отечественного спорта, сколько хотели познакомиться с постановкой дела у северных соседей. Ведь Швеция считалась тогда в этой области чуть ли не первой в Европе.

16 августа 1909 года выставка открылась в Михайловском манеже, там, где теперь Зимний стадион.

В шведском отделе спорт был представлен продуманно. Борьбы между буржуазными и рабочими спорторганизациями, конечно, нельзя было разглядеть на этой выставке. Однако до нас дошли слухи, что экспонаты шведского отдела грузились на пароход при помощи штрейкбрехеров под протесты бастовавших портовых рабочих. Значит, народ не очень-то сочувствовал там мероприятиям буржуазии.

Различные виды спорта шведы показали наглядно, в виде натурально сделанных макетов. Вот буер с двумя седоками, накренившись, несется по льду, конькобежец мчится под парусом, лыжница скользит за лошадью, охотник-лыжник бредет с ружьем, рыболов с удочкой наклонился над прорубью и т. д. Всевозможный спортинвентарь, фотографии и диаграммы — все это создавало довольно цельную картину состояния спорта в Швеции.

Русский отдел был несколько беднее, а главное, не было в нем единства, объединяющего начала. Он состоял из павильонов спортивных организаций, причем каждая в отдельности организация показала много интересного: спортинвентарь, призы, фотографии. «Речной яхт-клуб», например, выставил прекрасную яхту, парусную шлюпку, буер, тонко сработанные модели яхт, множество чертежей и фотографий. Наше «Общество любителей бега на коньках» показало ряд исторических картин конькобежного спорта в Петербурге, портреты знаменитых конькобежцев, призовые кубки и медали, книжные издания Общества, различные модели коньков, хоккейный инвентарь и прочее; тут же красовались и мои трофеи. Всероссийский союз гребных обществ выставил гребные суда, призы и фотографии. Торгово-промышленные фирмы были представлены своими спортивными товарами, начиная от материи «термоткань» до ружей системы А. П. Ивашенцова работы Тульского завода, а подчас и такими товарами, которые никакого отношения к спорту не имели.

Однако общей картины русского спорта не получилось, а то, что видел внимательный зритель, говорило ему об отсталости царской России в области физкультурного движения. Спорт в Швеции с давних пор пользовался покровительством и содействием правительства, у нас же он с трудом прокладывал себе дорогу.

Как бы то ни было, эта выставка дала заметный толчок к дальнейшему развитию русского спорта. Стало возникать много новых небольших кружков, клубов, обществ. Расскажу, как я был организатором одного из таких клубов.

В 1909 году я усиленно играл в лаун-теннис в «Крестовском клубе» и на даче у одного приятеля в Гатчине; нам пришла в голову мысль, что если в ближайших окрестностях Петербурга — Лахте, Парголове, Павловске — могли существовать лаун-теннис-клубы, то почему не быть клубу в Гатчине, где и местного населения много, да и в дачниках нет недостатка? Теннисные корты были там при многих дачах, но это мало содействовало развитию игры и поднятию ее техники: у игроков на таких кортах отсутствовала достаточно широкая и разнообразная смена противников; они застывали на каком-то среднем уровне и, почти не пользуясь соревновательным методом, не шли дальше. Между тем в клубе вся обстановка складывалась бы намного благоприятнее.

Недолго думая, мы принялись за дело. Нам удалось добиться у дворцового управления аренды на удобную площадку, находившуюся против станции Варшавской железной дороги, и заинтересовать группу лиц, согласившихся стать пожизненными членами нового клуба с единовременным членским взносом по 100 рублей. Это дало нам средства на первоначальное оборудование. На собранные деньги мы купили на какой-то строительной выставке деревянный павильон, перевезли его в Гатчину, устроили в нем водопровод и душ, выровняли площадку, и тот же подрядчик, что работал для «Крестовского клуба», сделал нам несколько отличных кортов.

После торжественного открытия началась регулярная ежедневная игра. Я частенько приезжал туда на моем полугоночном велосипеде: что значили для меня тогда какие-то 23 километра от Царского Села до Гатчины по шоссе?

«Гатчинский лаун-теннис-клуб» просуществовал до 1917 года, а после Октября перешел в ведение спортивного коллектива железнодорожников, устроившего там площадку для легкой атлетики. С удовлетворением теперь вспоминаю, что наш клуб, как и многие другие, сыграл свою, пусть небольшую, роль на первых шагах развития советского физкультурного движения.

XXII. ЮБИЛЕЙ «ПЕТЕРБУРГСКОГО РЕЧНОГО ЯХТ-КЛУБА»

Из всех русских спортивных организаций на Российско-шведской выставке наилучшим образом был представлен «Петербургский речной яхт-клуб». Это и понятно: яхт-клуб был едва ли не самым старым и мощным спортивным обществом; он был основан в 1860 году и являлся первым клубом этого типа в России, если не считать «Императорского яхт-клуба», возникшего в 1846 году по желанию царя Николая I. Но этой последней орга-

Спортивные трофеи Н. А. Панина, выставленные на Российско-шведской выставке 1909 г.
На верхнем снимке: серебряные кубки (слева направо) в память Паншина, за чемпионат России по револьверу, то же по пистолету, и другие, а также серебряный почетный диплом. На нижнем снимке: 29 золотых медалей и другие призы

низации не суждено было стать пионером любительского судоходства в России: высокий членский взнос, ограниченность числа членов и непременная принадлежность их к дворянству делали «Императорский яхт-клуб» совершенно недоступным для многих любителей спорта. Он вскоре превратился в обыкновенное собрание аристократов и гвардейских офицеров, не имеющее ничего общего с водным спортом.

«Петербургский речной яхт-клуб» возник еще в 1858 году по почину небольшого кружка скромных любителей парусного плавания и гребли под именем «Невского яхт-клуба»; на следующий год его назвали «Клубом невских ботиков». В 1860 году при официальном утверждении устава клуба он получил название «Петербургского речного яхт-клуба», под которым и дожил до своего 50-летнего юбилея. После Великой Октябрьской социалистической революции его постройки и инвентарь перешли в ведение яхт-клуба ВЦСПС.

Таким образом, «Речной яхт-клуб» зародился в городских низах, но официальными основателями его были теперь уже давно умершие В. Ю. Познанский, Н. Х. Вилькинс и Ц. А. Кавос. Насколько мне известно, все они принадлежали к обеспеченному слою тогдашней интеллигенции. Познанский был вдохновителем кружка и с самого начала взял установку на всесословный характер нового общества и на тесную дружбу всех членов клуба на почве любви к русскому парусному спорту и своему флагу. Под этим лозунгом протекала многогранная деятельность клуба в течение полувека. «Коль дружбы нет, так все за борт и — вверх килем!» — любил говорить Познанский. Однако без трений между богатой верхушкой клуба и массой рядовых спортсменов не обходилось.

При утверждении устава (14 марта 1860 г.) морское министерство предложило ограничить состав членов клуба лицами дворянского происхождения; это было решительно отклонено учредителями, и в дальнейшем социальный состав членов клуба был смешанным. Частью в него входили владельцы больших яхт, стоивших не одну тысячу рублей, — представители состоятельного, по большей части торгово-промышленного класса; другую часть составляли владельцы мелких судов вместе с главной массой членов, вовсе не имевших собственных судов, — они принадлежали к среднему классу, преимущественно к служилой интеллигенции и учащимся. По уставу все члены клуба пользовались в клубе равными правами.

Одно время судовладельцы подняли было вопрос об ограничении прав членов клуба, не имеющих судов, и о лишении их права решающего голоса на общих собраниях. Это предложение не прошло. В целом же политическая физиономия клуба мало отличалась от других буржуазных организаций; нечего и говорить, что рабочие доступа туда не имели и принцип «всесословности» оставался лишь красивой фразой.

Уже известный нам Д. И. Маршалов с первых дней существования яхт-клуба принял самое живое участие в его деятельности. В первой же гребной гонке клуба он получил I приз, был потом бессменным членом комитета, а с 1885 года — почетным членом клуба. После его смерти, с 1903 года, два его сына, Николай и Дмитрий, ревностно продолжали дело отца и сыграли в жизни яхт-клуба большую роль в качестве и организаторов, и судостроителей, и непосредственных участников самых ответственных парусных гонок.

В течение своей 50-летней деятельности «Речной яхт-клуб», являвшийся вначале более или менее прогрессивной организацией, постепенно принимал сугубо буржуазную и все более реакционную окраску; во главе руководства клуба появились такие «тузы», как личный друг царя адмирал Нилов и крупный капиталист Мюзер. Это отталкивало многих и приводило к возникновению других, менее богатых спортивных парусных организаций: в 1887 году был основан «Петербургский парусный клуб», позже — «Стрельнинский парусный клуб», «Гаваньское парусное общество», Шуваловский, Петровский, Сестрорецкий яхт-клубы.

Все же «Речной яхт-клуб» был самой мощной организацией водного спорта в Петербурге; он имел 550 членов и располагал 250-ю судами (парусными, гребными, паровыми, моторными и буерами). Клуб провел множество парусных и гребных гонок, в том числе на буерах по льду. В них приняло участие свыше 3000 парусных судов. Однако гребной спорт занимал в клубе лишь второстепенное место и не выдерживал соперничества со специально гребными клубами, как мы уже об этом рассказывали на примере неудачных выступлений команды «Чернова»-Шварца на четверках против команды «Гребного общества», вскоре после которых гребной спорт в клубе совсем заглох.

Объем спортивной работы «Речного яхт-клуба» характеризуется также и постоянным активным участием его судов в гонках на традиционные переходящие призы. Тогда этих призов, подаренных различными энтузиастами и деятелями парусного спорта, было довольно много: переходящие кубки М. И. Кази для гоночных яхт, Н. Русанова — для крейсерских яхт Балтийского моря, кубок в память Д. И. Маршалова, переходящий бокал Синебрюхова, приз «Нюландского яхт-клуба» за морские гонки, почетный кубок гвардейского гренадерского полка, приз морского гвардейского экипажа, ковш П. Н. Назимова, два приза в память 200-летия Петербурга, почетный приз имени В. Ю. Познанского, призы морского министерства и министерства торговли и промышленности и прочие.

Переходящие призы в течение длинного ряда лет оспаривались в острой борьбе между «Речным яхт-клубом» и финскими клубами — Выборгским, Нюландским (в Гельсингфорсе), Мариенгамнским, причем для этих встреч часто строились специальные яхты с расчетом на превосходство над возможными против-

никами. Особенно богатой захватывающими моментами была борьба за кубок Кази; с 1894 по 1910 гг. семь раз его выигрывало «Выборгское парусное общество», шесть раз — «Петербургский речной яхт-клуб» и один раз «Абосское парусное общество». Кубок Русанова, бокал Синебрюхова и другие призы почти ежегодно с переменным счастьем переходили из рук в руки.

Братья Н. и Д. Маршаловы сыграли в этих и других гонках видную роль. Они четыре года владели переходящим кубком за наиболее успешное участие в гонках.

Деятельность «Речного яхт-клуба» не ограничивалась гонками: он организовал хорошо оборудованные судостроительные мастерские, которые построили не одну гоночную яхту. Наибольшей заслугой клуба нужно считать основание им в 1876 году в Петербурге мореходных курсов для бесплатного обучения штурманов и шкиперов дальнего и каботажного плавания, т. е. лиц именно тех профессий, в которых так нуждался тогда русский торговый флот.

Нельзя не упомянуть и о специальной литературе, созданной на базе яхт-клуба: один из членов его Г. В. Эш издал в 1889 году единственный в своем роде богато иллюстрированный труд «Руководство для любителей парусного дела».

...Юбилейные празднества в честь 50-летия клуба начались в 12 часов дня в воскресенье 18 июля 1910 года большой парусной гонкой в Невской губе для судов всех классов и кончились в следующее воскресенье такой же гонкой на юбилейные кубки. 22 июля, в традиционный день морских гонок, была назначена гонка для яхт высших классов и для моторных судов. Не были забыты и гребные гонки, назначенные на субботу 24 июля.

Сильное нездоровье лишило меня возможности вспомнить старину и принять участие в гонках в обществе давнишних друзей-парусников — братьев Маршаловых, Володи Пескова и других. Мне пришлось ограничиться участием в депутации от «Общества любителей бега на коньках», которое, как я рассказывал, возникло в Юсуповом саду в виде ответвления «Речного яхт-клуба».

Общество решило поднести юбиляру серебряную копию фальконетовского памятника Петру I и поручило В. И. Срезневскому и мне передать этот подарок и поздравления.

Народа на торжество собралось множество; казалось, чуть не весь Петербург съехался 20 июля на Крестовский остров. В торжественной обстановке мы выполнили свою миссию. За юбилейным обедом я сидел, конечно, рядом с Митей Маршаловым, который после долгого увлечения велосипедом вернулся в лоно родного ему парусного спорта.

Мы вспомнили наше спортивное прошлое, десятилетия пройденного пути, наши успехи и огорчения, неразрывную дружбу, объединявшую нас в стремлении к единой цели — развитию родного спорта.

XXIII. ПЕРВЕНСТВО РОССИИ ДЛЯ ЖЕНЩИН И ПЕРВЕНСТВО ЕВРОПЫ ДЛЯ МУЖЧИН ПО ФИГУРНОМУ КАТАНЬЮ 1911 ГОДА

1911 год был достаточно богат интересными спортивными событиями на льду, к которым я имел прямое отношение либо как судья, либо как тренер. К сожалению, участники всех соревнований фигуристов были тогда весьма немногочисленны, и если на льду встречалось 8—10 человек, это было уже очень хорошо.

16 января в Юсуповом саду впервые разыгрывалось соревнование на первенство России для женщин. В нем выступили только две юсуповки — К. Г. Цезар и Л. П. Попова, которую хорошо

Пятикратная чемпионка России (1911—1915 гг.) К. Г. Цезар

помнят ленинградцы как горячую пропагандистку фигурного катанья после Октябрьской революции. Разница между ними была слишком очевидна. Попова — хорошая партнерша в парном катанье, смогла в одиночном показать неплохую программу произвольного катанья танцовального характера, но слабо владела школой. Цезар, на основе уверенно проработанной школы, выступила в произвольном катанье с весьма трудной и разнообразной программой, исполнив ее с женственной грацией и чисто мужской смелостью. В последующие годы, до 1915 года включительно, никому из фигуристок так и не удалось победить Цезар, и она пять лет подряд была чемпионкой России.

В соревнованиях старших (вне чемпионата), в котором приняли участие шесть моих учеников, результат получился неожи-

данный. Все интересовались борьбой между И. Кревингом (племянником популярного капитана Юсуповской хоккейной команды Н. И. Кревинга-Кедрова) и А. Ланом; остальные четверо участников, в том числе и Сережа Фан-дер-Флит, не считались серьезными претендентами на первое место. Но я знал настойчивость Сережи, видел его замечательно чистое школьное катанье, и для меня не было сюрпризом, когда он удивил всех таким превосходством в обязательных фигурах, что, несмотря на все старания его соперников, им не удалось отыграться на произвольном катанье. Лан остался на втором, а Кревинг на третьем месте. Фан-дер-Флит наверняка дошел бы до высоких достижений; это был скромный, на редкость упорный и культурный спортсмен, пользовавшийся общей нашей любовью. Впоследствии весть о гибели Сережи — летчика Красной Армии — на одном из фронтов гражданской войны была для нас большим горем.

День закончился соревнованием на скорость с участием знаменитого москвича Н. В. Струнникова, который по пути из Москвы в Тронтьем (Норвегия), куда он ехал на мировое первенство, остановился в Петербурге. Здесь он пробежал дистанцию 1500 метров в рекордное для Юсупова сада время 2 мин. 33,4 сек., побив прежний рекорд Бурнова на 3 секунды.

На Н. В. Струнникове необходимо остановиться несколько подробнее как на исключительно ярком представителе русского спорта на мировой арене. Досадный конец его блестящего спортивного пути резко выявляет всю гнилость буржуазного руководства в спортивных организациях того времени.

Струнников, ставший после Седова сильнейшим конькобежцем-скоростником России, с замечательным успехом выступил в 1910 году на международных соревнованиях в Финляндии: в конце февраля в Выборге он завоевал первенство Европы, а через неделю в Гельсингфорсе получил звание чемпиона мира, оставив за собой прославленного норвежца Оскара Матисена. В том и другом соревновании Струнников выиграл только по одной дистанции: в Выборге он занял на 500 м второе место, на 5000 м — первое, на 1500 и 10 000 м — второе; в Гельсингфорсе на 500 м — второе, на 5000 м — третье, на 1500 м — второе и на 10 000 м — первое. Но по очкам он вышел в обоих случаях победителем. А в 1911 году Н. В. Струнников затмил славу покойного А. Н. Паншина и показал всему миру, на что способен русский спортсмен. В беге на скорость существовал мировой рекорд на 5000 метров «летучего голландца» Яапа Эдена (о котором уже говорилось выше в связи с первенством мира 1896 года), пробежавшего эту дистанцию в 8 мин. 37,6 сек. В течение 16 лет лучшие конькобежцы мира не могли побить этот рекорд. Комитет Международного союза конькобежцев даже поднял вопрос: не вкралась ли какая-то ошибка при определении этого достижения и не следует ли признать его недействительным?

Струнников был командирован в Норвегию для участия в соревнованиях на первенство Европы в Хамаре и первенство мира в Тронтьеме. По пути он остановился в столице Норвегии Христиании (теперь Осло) и, присутствуя на местном соревновании конькобежцев, выразил желание принять в нем участие вне конкурса. И тут ему довелось в течение нескольких минут реабилитировать Яапа Эдена, рассеяв все подозрения в недействительности его рекорда, и показать свою исключительную мощь: он пробежал 5000 м в 8 мин. 37,2 сек.

После этого Струнников с триумфом провел и остальные свои выступления в Норвегии, выиграв все дистанции сначала на первенство Европы, а потом через неделю на первенство мира.

Струнников принадлежал к Московскому первому русскому гимнастическому обществу «Сокол», где тогда преобладало реакционное большинство «соколов», не сочувствовавших спортивным стремлениям молодежи и не заинтересованных в приумножении славы русского спорта. Именно в связи с этим значительная группа молодежи вышла из Общества и организовала в 1910 году «Московский кружок любителей спорта».

Это обстоятельство проливает свет на тот факт, что правление «Первого русского гимнастического общества» не нашло (а вернее не захотело найти) средств на командировку за границу вместе со Струнниковым своего представителя. Посылать же нашего спортсмена на международное первенство без представителя было непростительной ошибкой: пример соревнования в 1908 году в Варшаве был достаточно красноречив, и русская спортивная общественность не могла на этот раз пройти мимо такой политики «соколов». «Петербургский кружок любителей спорта» на свои средства командировал ассистентом Струнникова одного из своих членов. Сам Струнников рассказывал, как этот представитель помог ему бороться с пристрастием иностранных судей.

Но это не послужило уроком заправилам Московского общества «соколов», и в 1912 году повторилась та же история еще с худшими результатами. В кассе «Кружка любителей спорта» в это время денег не было. Один из членов его легкоатлет Г. Штиглиц вынужден был обратиться к русским спортсменам с воззванием через прессу поддержать посильной лептой поездку Струнникова с представителем на первенство мира в Клагенфурт (Австрия) *. Но на этот раз великан русского конькобежного спорта не перенес оскорбительного пренебрежения со стороны «своего клуба», отказался от поездки и вообще прекратил свои выступления на льду **.

...Кубок в память А. Н. Паншина по фигурному катанью в 1911 году не разыгрывался. Зато 30 января (12 февраля) в Юсуповом саду состоялось соревнование на первенство Европы и

---

* «К русским спортсменам», Журн. «Русский спорт», 1912, № 3.

** Н. Струнников был по профессии чертежником. Умер в 1941 г.

розыгрыш международных призов для женщин-фигуристок и для смешанных пар.

В первенстве Европы участвовали пятеро: И. Малинин («Московский речной яхт-клуб»), К. Олло («Петербургское общество любителей бега на коньках»), А. Ченде (Будапешт), В. Риттбергер (Берлин) и П. Турэн (Стокгольм). Обязательных фигур было 12. Ставили отметки семеро международных судей; главным судьей был В. И. Срезневский.

Все участники катались очень хорошо. Я намеренно уклонился от судейства, чтобы иметь возможность свободно наблюдать за катаньем. У меня создалось вполне ясное и определенное впечатление, что лучшим был Турэн, вторым Риттбергер, третьим Олло, затем Ченде и последним Малинин. Но не так думали или вернее не так отмечали некоторые из судей.

Не буду приводить здесь имеющейся у меня сводной таблицы судейских отметок, но для каждого непредубежденного и маломальски знакомого с фигурным катаньем человека, даже при поверхностном знакомстве с этой таблицей, становилась явной *пристрастность* большинства судей. У каждого судьи, кроме А. П. Лебедева, на первом месте стоял «свой». Особенным пристрастием отличались двое судей, которые не только поставили на первое место «своего» (у всех остальных судей он был последним), но еще и «топили» лучшего претендента на первенство — Турэна, дав ему третье и четвертое места. И если бы не честность Лебедева, который правильно поставил Турэна на первое место, то результат был бы несправедливым и Турэн не получил бы звания чемпиона Европы. Олло вышел на второе, Риттбергер — на третье место.

В женском соревновании Ксения Цезар проиграла Людовике Эйлерс всего лишь полбалла, причем в произвольном катанье наша спортсменка была на 0,9 балла лучше, но по школе на 1,4 хуже. Попова заняла третье место.

В парном катанье выиграли Эйлерс с Якобсоном (Гельсингфорс), вторыми были наши Фишер и Попова.

В начале 1912 года я узнал о командировке Малинина из Москвы в Стокгольм на первенство Европы по фигурному катанью и с большим интересом ожидал известий о результате соревнования. Оно состоялось в начале февраля. Малинин встретил там только двух соперников — шведа Г. Сандаля и норвежца М. Стаксруда. Как мне пришлось позже убедиться, оба они были довольно слабы, и наш москвич мог и должен был выйти на первое место *. Но «международное» судейство и тут себя показало: Малинин оказался вторым за Сандалем, о котором, к сожалению,

---

* Еще в 1911 году журнал «Русский спорт» в отчете о первенстве Москвы писал: «Победителя Малинина нельзя узнать. После того, как он побывал в школе Панина, он вырос во всех отношениях».

нам придется еще вспомнить при рассказе о первенстве мира 1914 года.

Выполнение судейской работы и свободное наблюдение за соревнованиями обогащали мои методические познания, позволяли применять вновь приобретенный опыт в педагогической деятельности.

XXIV. ПЕРВЫЕ ШАГИ АВИАЦИОННОГО СПОРТА

К концу первого десятилетия XX века царское правительство, связавшее себя союзом с Францией и Англией и готовившееся к возможному столкновению с тройственным союзом Германии, Австро-Венгрии и Италии, несколько изменило свое скептическое отношение к спорту.

В целях милитаризации населения оно стало допускать более широкое развитие спорта, не прекращая, однако, строгого наблюдения за лойяльностью спортивных организаций.

Для этого периода характерно начавшееся развитие в России авиации и авиационного спорта.

На организованную в сентябре 1910 года в Петербурге «неделю авиации» на Коломяжском ипподроме собирались тысячи зрителей. Всем хотелось полюбоваться необычайным зрелищем полетов Ефимова, Горшкова, Уточкина, Руднева, Ульянина, Мациевича, Матыевича-Мацеевича и других пионеров этого дела. Опасности первых полетов и частые несчастные случаи не останавливали энтузиастов от все более высоких и дальних полетов, носивших тогда, можно сказать, героический характер.

Этому виду спорта, имеющему огромное оборонное значение, царское правительство не могло не идти навстречу. Сам всесильный тогда председатель совета министров Столыпин «катался» на аэроплане с одним из лучших авиаторов Л. М. Мациевичем. Премьер «оказывал содействие» авиаторам, но как? Об этом говорит печальная история перелета Петербург — Москва, организованного 9—15 июля 1911 года под руководством известного «усмирителя» генерала Каульбарса.

Более безобразную организацию дела трудно себе представить. Прежде всего, ни у одного из восьми участников перелета не было надежного аэроплана. Некоторые летели на невыверенных машинах, а один — Слюсаренко — на заведомо негодной. Он тяжело разбился, а пассажир его поплатился жизнью. Не было четких карт маршрута, и многие, проблуждав в воздухе, попадали не в ту местность, куда стремились. На этапах не имелось бензина, запасных частей и даже тряпок. Летчик Васильев, единственный из восьми долетевший до Москвы, вынужден был вытирать свою машину в пути... салфетками из станционного буфета. Не было сигнализации на местах посадок, не было врачей, наземного транспорта, питания. Места спусков иногда оказывались на болоте или вблизи глубоких рытвин.

В результате больше половины участников разбили свои машины и сами получили более или менее серьезные повреждения. Недаром в спортивной прессе того времени перелет получил прозвание «Цусимы русской авиации». Не пострадали только его сиятельные устроители.

Возмутительная история этого перелета несомненно помешала быстрому развитию русской авиации, но, разумеется, не могла задержать его. В 1911 году «Императорский всероссийский аэроклуб» по указанию правительства выработал «Краткое положение о полетах», регламентирующее воздушные передвижения самолетов над территорией России. В том же 1911 году уже существовали «Московское общество воздухоплавания», «Одесский аэроклуб»; общества воздухоплавания возникали тогда чуть ли не повсюду — в Риге, Варшаве, Нижнем-Новгороде, Саратове, Тифлисе, на Дальнем Востоке и т. д.

Техника моторостроения и совершенствование конструкций самолетов двигались вперед. Был учрежден Комитет по сбору пожертвований на постройку народного воздушного флота; но во главе его были поставлены члены государственной думы дворяне Неклюдов и граф Стенбок-Фермор. Характерны были суммы пожертвований: например, сельское общество Караногайского народа *, т. е. крестьяне-«инородцы», пожертвовали 5000 рублей, а петербургское столичное русское дворянство — бароны, графы, князья — раскошелились только на 3000!

В 1911 году открылась первая авиационная школа военных пилотов в Севастополе, вскоре за ней возникла школа и в Гатчине; обе они сыграли огромную роль в развитии русской авиации. Были и частные школы, например авиашкола на аэродроме Московского общества воздухоплавания. Началась организация международной авиационной выставки и всероссийского воздухоплавательного съезда. Одно из петербургских воздухоплавательных обществ в 1911 году организовало для широкой публики платные полеты из Петербурга в Царское Село, Пулково, Лахту, причем полет стоил от 200 до 400 рублей с пассажира.

После Петербургской авиационной недели 1910 года, несмотря на то, что она была омрачена трагической гибелью Л. М. Мациевича, число авиаторов и их достижения начали быстро расти. Показательно, например, что в январе 1911 года в России имелось только четверо лиц, получивших звание пилотов, — Сенго, Уточкин, барон Крумм и Кузнецов, авиаторов же насчитывалось гораздо больше: в начале 1910 года их было только двое — Попов и Ефимов, а в начале 1911 года — уже 31, их них 8 военных — Горшков, Дорожинский, Зеленский, Комаров, Матыевич-Мацеевич, Пиотровский, Руднев и Ульянин, и 23 гражданских, среди

---

* Караногайцы, или просто ногайцы, — тюрко-татарское племя, оседлые остатки которого обитали у северо-западного края Каспийского моря в районе реки Кумы.

которых выделялись Васильев, Габер-Влынский, Ефимов, Заикин, Кампо-Сципио, В. Лебедев, Попов, Уточкин и другие. К концу года ряды наших авиаторов выросли еще больше; успешно строились русские самолеты усовершенствованных систем.

Огромную роль в развитии русской авиации сыграл основоположник ее теории Николай Егорович Жуковский, уже с 1891 года постоянно выступавший с докладами и лекциями в этой области. 12 апреля 1911 года на I воздухоплавательном съезде он под бурные аплодисменты закончил свой доклад пожеланием, чтобы работа съезда осветила путь к победе над воздушным океаном. Известный шлиссельбуржец Н. А. Морозов прочел в обеих столицах и во многих городах провинции ряд лекций на тему «В высоту!»

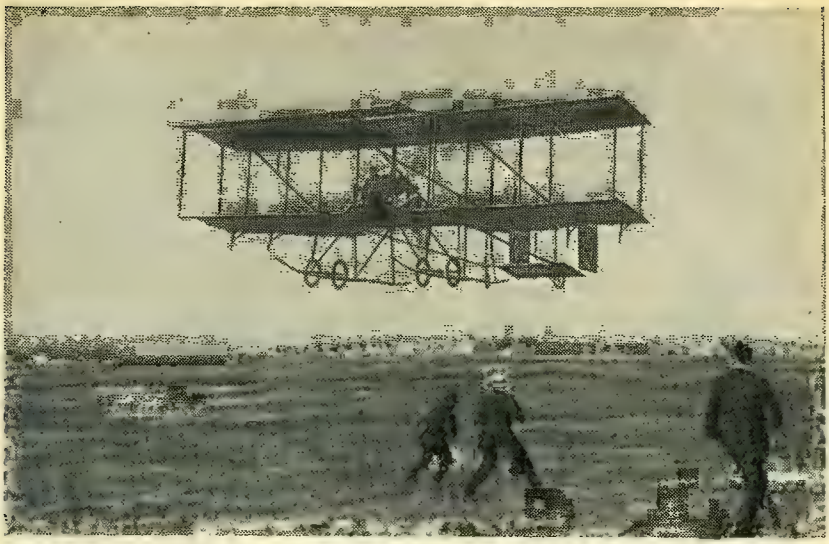
Но главную роль в развитии нашего воздухоплавания сыграл высокий патриотизм русских авиаторов. Непрестанно рискуя жизнью и здоровьем, они неутомимо летали, испытывая новые конструкции самолетов, и побивали рекорды дальности, продолжительности и высоты полетов. Еще в 1910 году В. Лебедев пытался поставить аэроплан в зимнее время на лыжи. В Севастополе инструкторы авиационной школы Матыевич-Мацеевич, Ефимов и штабс-капитан Руднев совершали смелые полеты над морем в бурную погоду, изучая условия и приемы пилотирования в данной обстановке. В начале 1911 года А. Васильев перелетел из Елизаветполя (Ганджа, ныне Кировабад) в Тифлис (Тбилиси). Он совершил затем целый ряд полетов на юго-востоке России — Ашхабаде, Самарканде, Ташкенте, Мерве, и даже собирался лететь в Бухару, но не получил разрешения на то от эмира бухарского.

Никогда не забуду виденные мной в Петербурге в 1913 году полеты А. Габер-Влынского с изумительной для того времени демонстрацией высшего пилотажа над ипподромом Семеновского плаца. Он поднялся на высоту около 1000 метров, сделал несколько мертвых петель, перевернулся раза три-четыре через крыло, полетел вниз, потом снова поднялся вверх и перешел в пикирование.

Страшный момент! За какие-нибудь 100 метров до земли аэроплан с воем переходил в горизонтальный полет и снова шел спиралью вверх; повторив все это вновь, Габер-Влынский, не приземляясь, улетел на Комендантский аэродром.

В 1911 году А. Васильев поставил рекорд высотного полета, поднявшись на 1660 метров, и в этом же году поручик Андреади побил его, достигнув 2400 метров.

Не остались в стороне и русские женщины: 9 августа 1911 года двадцатилетняя девушка Л. Зверева сдала в Гатчине экзамен на пилота, а 22 августа она в течение 20 минут летала над аэродромом с пассажиром; в том же году стала пилотом Галанчикова-Мора и др.



Тип аэроплана, на котором летал Л. М. Мациевич

Это наступление на воздушное пространство потребовало не мало жертв от русских людей. Кровь многих наших летчиков окрасила начало великого пути в воздушный океан. Вот несколько трагических случаев, взволновавших общественность страны.

24 сентября 1910 года в Петербурге на глазах многотысячной толпы погиб капитан Л. М. Мациевич, сорвавшись с аэроплана на высоте 600 метров. 18 апреля 1911 года в Севастополе штабс-капитан В. В. Матыевич-Мацеевич, великолепный летчик-инструктор, вместе со своим братом Станиславом налетел при планирующем спуске на каменную стенку. Оба брата погибли. Штабс-капитан Золотухин, возвращаясь из Гатчинской школы на родину в Царицын (теперь Сталинград), разбился насмерть в Ельце. 24 декабря 1911 года в Ковно поручик Б. А. Руднев *, бесстрашный испытатель воздушного пространства, упал с планера и погиб.

В Гатчине, на местном кладбище, вырос участок, покрытый могильными холмиками, осененными пропеллерами. Здесь нашли свое последнее прибежище многие из пионеров нашей авиации.

Русский народ помнит имена этих отважных людей, в которых по справедливости можно видеть зачинателей того, впоследствии технически совершенного, искусства летания, которое блестяще расцвело в славной плеяде наших бесстрашных сталинских соколов, поднявших советскую авиацию на первое место в мире.

---

* Однофамилец упомянутого выше штабс-капитана Руднева.

XXV. ПОДГОТОВКА К V МИРОВОЙ ОЛИМПИАДЕ

Уже во время розыгрыша в 1911 году первенства Европы по фигурному катанью в Петербурге было много разговоров о том, что русским спортсменам следовало бы в официальном порядке принять участие в играх V Олимпиады, проведение которых Международный Олимпийский комитет поручил Швеции.

Спортивная жизнь в Петербурге, да и в ряде других городов России, начавшая оживляться уже с 1909 года, получила дальнейший толчок для своего развития в связи с более или менее удачными результатами отдельных русских спортсменов на Олимпийских играх 1908 года. Само собой возникала мысль: если единичные разрозненные выступления привели к выигрышу первых и вторых мест, то каких же несравненно бо́льших успехов можно достигнуть при организации массового, командного выступления?

Прогресс спортивной жизни во многом зависел от отдельных энтузиастов, подталкивавших ее вперед. Например, большое влияние на распространение легкой атлетики среди учащейся молодежи оказал начавшийся с 1911 года розыгрыш переходящего кубка, пожертвованного служащим паспортной экспедиции С. В. Генриксоном и разыгрывавшегося на первенстве петербургских высших учебных заведений по легкой атлетике. В 1911 и 1912 гг. его выиграла команда кружка спортсменов политехнического института, а в 1913 году — спортивный кружок студентов технологического института в соперничестве с кружками горного, электротехнического, лесного и сельскохозяйственного институтов и университета; в этих соревнованиях участвовало до 70 человек.

Петербургские теннисисты, не удовлетворяясь игрой в летнее время, стали искать закрытое помещение для зимней игры и сняли с этой целью «Спортинг-Палас» на Каменноостровском, ныне Кировском проспекте (теперь Дом культуры Промкооперации); 27 февраля 1911 года там состоялось первое большое соревнование по теннису в закрытом помещении.

Лыжники Москвы — Елизаров, Немухин, Гостев и Захаров — 20 декабря 1911 года вышли на лыжах из Москвы и пришли к новому 1912 году в Петербург. Этот пробег послужил толчком для организации в дальнейшем новых пробегов, популяризирующих лыжный спорт.

В Петербурге, на катке у Красного моста новый кружок «Комета» стал проводить соревнования в фигурном катанье. Подобное же соревнование устроил в январе 1912 года «Воронежский Петровский яхт-клуб».

Трудно вспомнить все известия о спортивных событиях, приходившие тогда со всех концов страны. Мне часто писали незнакомые спортсмены из разных местностей России с просьбами дать совет по выбору коньков или по технике фигурного катанья, по литературе и т. п.

Приближение срока V Мировой Олимпиады усиливало стремление русских спортсменов к массовому участию в этих международных соревнованиях. Инициативу в осуществлении этих стремлений взял на себя «Петербургский речной яхт-клуб». По его приглашению в декабре 1910 года состоялось собрание представителей столичных и московских клубов, обществ и кружков, а также всероссийских союзов. На этом многолюдном совещании был избран организационный Олимпийский комитет, которому надлежало заняться подготовкой команды России к выступлению на Олимпиаде.

Нам предстояло в течение остающихся до этих серьезнейших состязаний полутора лет сделать то, на что Западная Европа и Америка затратили десятилетия. Комитет сознавал, что для разрешения задачи — добиться официального участия России в Олимпиаде — ему придется обратиться с ходатайством к правительству и доказать, что это дело имеет государственное значение; придется также «обивать пороги» высокопоставленных особ, чтобы обеспечить их содействие. Но это не умалило энергии членов комитета. Таким образом, инициатива широкого выступления русских на олимпийской международной арене исходила не от правительства, а от самих спортивных организаций.

Одновременно стали появляться в печати призывы к демократизации спорта на соревнованиях; протесты против ограничения записей на соревнования, которые принимались только от членов организаций, а не от всех желающих. Указывалось, что только при общедоступности соревнований можно будет выявить тех самородков, которые прославят русский спорт. Раздавались протесты и против попыток объявить профессионалами лиц физического труда и, значит, не допускать их к соревнованиям с любителями. Печатались призывы ко всей русской молодежи заниматься спортом.

Вместе с тем в спортивной прессе возникали горячие споры о преимуществах различных систем гимнастики — шведской, сокольской или новой, предлагаемой Дюперроном, «русской», системы. В дискуссии участвовали московский «сокол» Ф. Шнепп, Л. Чаплинский, доктора В. Песков и А. Анохин и другие. Можно сказать, что в 1911 году спортивная жизнь в Петербурге кипела.

В феврале 1911 года В. И. Срезневский доложил организационному комитету о результатах своей поездки в Москву для переговоров с местными спортивными организациями, после чего была избрана специальная комиссия для выработки проекта устава будущего Российского Олимпийского комитета. 25 февраля состоялось собрание представителей спортивных организаций для выборов членов этого комитета. Само собой разумеется, что в него попали преимущественно матерые представители буржуазно-реакционного руководства спортивным движением: почетным председателем был избран генерал-адъютант барон Мейендорф, товарищем председателя — уже известный нам пред-

седатель «Петербургского атлетического общества» граф Рибопьер, казначеем — капиталист Лидваль, членами его — тоже капиталисты — Дюперрон, Макферсон, Небе, Н. Штиглиц. Только В. И. Срезневский, фактический председатель комитета, и А. П. Лебедев, второй товарищ председателя, принадлежали к служилой интеллигенции.

7 июня Российский Олимпийский комитет был утвержден правительством. На первом заседании комитета было вынесено роковое для русских невоенных стрелков решение — поручить организацию команд фехтовальщиков, стрелков и конников военному ведомству. В результате общее руководство всем делом участия в этих видах спорта попало в руки генерала фон-Бринкена, а стрелковой частью ведал другой генерал — Зайончковский. Как он «действовал», мы увидим ниже.

Чтобы собрать средства на поездку в Швецию, были выпущены денежные боны для распространения между сочувствующей этому делу публикой. Но этого оказалось мало, и комитет еще в ноябре 1911 года решил обратиться к правительству с ходатайством о субсидии на расходы по тренировке и о принятии на счет казны части расходов по проезду в Стокгольм и обратно. В начале 1912 года депутация петербургских спортсменов в лице Мейендорфа, Срезневского и Макферсона была принята одним из близких родственников царя, ведавшим вооруженными силами государства, и получила заверения о правительственной поддержке.

Такая перемена правительственного курса по отношению к спорту, без сомнения, была связана с начинавшейся подготовкой к империалистической войне. Это, как мы уже знаем, выразилось и в повороте политики правительства в вопросе об организации спортивных лиг и всероссийских союзов, прежде не допускавшихся. Факт участия русских спортсменов в международной олимпиаде, которая должна была показать степень их физической подготовленности, нашел, наконец, отклик в высших правительственных сферах. Морскому ведомству было предложено выделить для поездки крупное судно. Участие России в играх получило официальный характер, и был даже назначен представитель царя на олимпийских торжествах в лице командира гвардейских гусар генерала Воейкова.

Уже в 1911 году в наших спортивных кругах ходили слухи о том, что игры V Мировой Олимпиады в Стокгольме будут происходить по особой программе, выработанной с таким расчетом, чтобы все возможные выгоды оказались на стороне Швеции. Говорили и даже писали в газетах, что организаторы не включали в программу игр те виды спорта, в которых шведские спортсмены чувствовали себя неуверенно, и составляли для соревнований правила, которые давали преимущества шведским участникам. Передавали еще, что Международный Олимпийский комитет отклонил все протесты других стран против такого составления

программы и правил, чтобы «не помешать спокойному проведению игр». Эта неуместная деликатность привела впоследствии к вопиющим фактам.

...Уже весной 1912 года, выигрывая седьмой чемпионат страны по пистолету, я знал, что для участия в Олимпиаде в числе команд по разным видам спорта организуются также и стрелковые команды по разным видам оружия.

Как же составлялись эти команды под руководством генералов? В декабре 1911 года в газете «Вечернее время» появилось письмо в редакцию за подписью пяти известнейших спортсменов того времени с протестом против пренебрежения к штатским стрелкам и фехтовальщикам со стороны организаторов, предполагавших использовать их только в случае надобности в качестве *дополнения* к офицерским командам.

Это письмо не возымело никакого действия. Команды по этим видам спорта были укомплектованы в основном офицерским составом, несмотря на то, что среди штатских стрелков и фехтовальщиков имелись более сильные спортсмены. Таким образом, лучшие стрелки из вольной винтовки, имевшие звания чемпионов России, Е. Е. Тевяшов, В. А. Лучинский, О. А. Шмунк не попали в стрелковую команду, а в команде пистолетчиков единственным штатским среди офицеров гвардейских полков оказался я, да и то лишь потому, что уже был победителем 15 чемпионатов страны.

Долго я колебался, прежде чем принять это «почетное» предложение: как никак, я оказывался той самой затычкой, «дополнением» военной команды, о котором писалось в газетах. Да и настроение после ленского расстрела рабочих, как громом, поразившего всех честных людей в России, не очень-то располагало к участию в таком «государственном» выступлении. Но соблазн посмотреть на стрельбу иностранных соперников (ведь они соберутся со всего света!) был велик.

Как сильнейший стрелок, к тому же наиболее подготовленный теоретически, я мог рассчитывать на то, что буду капитаном команды. Но как же можно было подчинить гвардейского полковника какому-то «штафирке»! И капитаном назначили Шестерикова как старшего чином военного. Все же фактическое руководство тренировкой команды мне пришлось взять на себя. Генеральская же «организация» подготовки стрелков выразилась лишь в том, что обычное место наших тренировок — Семеновское стрельбище — было закрыто, и нам всем пришлось ездить в Ораниенбаум, на стрельбище Высшей стрелковой школы, тратя на поездку буквально целый день.

Пистолеты были у всех одного образца — специально целевые «Смит и Вессон» калибра $^{22}/_{100}$ под «длинно-винтовочный» патрон. На дистанцию 50 метров по олимпийской мишени в 10 поясов надо было выпускать по 60 пуль. Мои достижения были очень ровными — от 535 до 545 очков из возможных 600;

у других членов команды редко получалось больше 450. Все же эти тренировки в Ораниенбауме значительно подняли достижения моих сотоварищей по команде. Кроме целевой стрельбы по мишени на точность, они усиленно упражнялись и в дуэльной стрельбе из пистолета.

Тренировка представителей других видов спорта велась с большим воодушевлением, в особенности среди легкоатлетов «Петербургского кружка любителей спорта» и тяжелоатлетов общества «Санитас».

Известный борец-профессионал В. А. Пытлясинский предлагал через спортивную прессу всем спортивным обществам весьма разумную меру — проводить предварительные отборочные соревнования для определения участников Олимпиады. К сожалению, это не везде осуществлялось.

«Речной яхт-клуб» готовил яхты для парусных гонок. Всероссийский союз гребных обществ наметил к соревнованию на лодках-одиночках М. Я. Кузика, лучшего гребца «Петербургского гребного общества», чемпиона Европы и Голландии, имевшего большие шансы на победу. Ревностно тренировались фехтовальщики в Главной гимнастическо-фехтовальной школе и в «Петербургском атлетическом обществе» и стрелки.

Но во всем этом деле не чувствовалось единого руководства, твердой направляющей руки. Только что созданный Олимпийский комитет был поглощен организационной работой по поездке и не сумел поставить чисто спортивную часть на должную высоту.

Особенно плохо обстояло дело у стрелков. У нас, пистолетчиков, был неправильный, случайный подбор команды, и нас, как и других стрелков, лишили привычного и удобного места для тренировки. Стрелки из военной винтовки имели плохое оружие: тогда у казенной «трехлинейки» после разборки изменялся бой вследствие неравномерного затягивания наствольных колец; кроме того, эти стрелки получали патроны разных сроков изготовления и разного качества и потому не могли добиться ровной по результатам стрельбы, что и послужило потом одной из причин жестокой неудачи на соревнованиях.

Видимо, генеральское руководство стрелковой частью совершенно не поняло своей задачи. Генерала Зайончковского я ни разу не видел ни на тренировках, ни на совещаниях стрелков, ни при отплытии команд в Швецию.

Неправильный подбор участников для поездки в Стокгольм имел место не только в нашей стрелковой команде. Сборная футбольная команда России была определенно слабее многих команд отдельных русских футбольных клубов; руководство не позаботилось ввести в состав сборной действительно лучших игроков страны, например, почему-то не вошел в команду ни один из игроков Одессы, где были тогда такие сильные футболисты, как Богемский, не использовали сильнейших футболистов Москвы и т. д.

Так, «с горем пополам», в обстановке бюрократического руководства, далекого от понимания политического значения первого массового выступления русских спортсменов на международной арене, суматошно и неорганизованно происходила подготовка к V Мировой Олимпиаде.

XXVI. V МИРОВАЯ ОЛИМПИАДА 1912 ГОДА

...Приблизилось время отъезда.

Во второй половине дня 12 июня наши спортсмены начали съезжаться на набережную Васильевского Острова, где стоял предназначенный для похода в Стокгольм огромный океанский пароход «Бирма», обычно совершавший пассажирские рейсы Либава — Нью-Йорк. Народу на него набралось человек триста; здесь были представители почти всех видов спорта, генерал Воейков и члены Российского Олимпийского комитета — Срезневский, Дюперрон и другие, корреспонденты газет, врачи и т. д.

Ехала с нами чуть ли не вся Главная гимнастическо-фехтовальная школа и лучшие представители разных видов спорта: чемпионы лаун-тенниса М. Н. Сумароков-Эльстон и А. Аленицын, футболист П. Бутусов, легкоатлеты, пловцы, борцы, среди них наш лучший борец М. Клейн. Тут же находился и один из моих сильных соперников по пистолету, замечательный разносторонний спортсмен — стрелок, фехтовальщик, лыжник и вольтижер — преподаватель николаевского кавалерийского училища, поручик одного из армейских гусарских полков Эймелеус-Эймя. Он был и отличным наездником: скакал, например, стоя на двух лошадях, одной ногой на каждой и в то же время правил скачущей впереди четверкой; он же был автором известной в свое время книги о применении лыж в военном деле. Но больше всего собралось стрелков и фехтовальщиков, сплошь военных; здесь был и капитан Г. Е. Вишняков, и чемпион России по винтовке капитан Ф. Н. Лебедев.

Ранним вечером 12 июня «Бирма» под дружное «ура» отъезжающих и провожающих медленно отошла от пристани. В кильватер нам шла небольшая императорская яхта «Стрела» — нарядное суденышко под военно-морским флагом. Она назначалась, собственно, для Воейкова как представителя царя на олимпийских играх, но он был почему-то вместе с нами на «Бирме».

На третий день рано утром мы подошли к Стокгольму. Нашу «Бирму» провели не в центр города, в Стреммен, являющийся главным водным бассейном столицы, а в Вертахамнен, на окраину города, под тем предлогом, что оттуда ближе к стадиону. Но мы сочли это за оскорбительную невежливость и признак дурного отношения к русским.

Мы прибыли довольно поздно — 14 июня, когда город уже был наводнен иностранцами и все гостиницы переполнены. Наше

руководство не позаботилось своевременно об удобном размещении своих участников Олимпиады в Стокгольме, и поэтому почти всем нам пришлось остаться жить на пароходе. Можно себе представить, как это было «удобно» для людей, готовящихся к ответственным спортивным соревнованиям! Вообще вся организация нашей поездки оказалась ниже всякой критики. Начиная с отвода «Бирмы» на окраину города и отсутствия жилищной базы в городе и кончая обстановкой проживания на пароходе, — все это как будто нарочно было направлено на то, чтобы подорвать возможность успешного выступления наших спортсменов.

Жизнь на пароходе не была регламентирована, никакой дисциплины среди его населения — участников Олимпиады — не существовало. У коменданта «Бирмы» полковника П. А. Москова нехватило твердости для установления необходимого порядка. На палубе «Бирмы» не только днем, но и белой июньской ночью шел, что называется, «дым коромыслом». Одни тренировались в беге, другие дрались на эспадронах, третьи играли в футбол, а вечером начинались танцы со шведскими девушками-студентками, в изобилии появлявшимися на нашем корабле. Пассажирам палубной рубки, в том числе и мне, эти танцы и гулянье на палубе долго не позволяли заснуть. Тогда я решил найти квартиру в городе, тем более, что вскоре ко мне должна была приехать жена. Это было не легко и удалось мне слишком поздно, накануне соревнования, когда я уже не мог наверстать нескольких почти бессонных ночей, проведенных на «Бирме».

С первых дней по прибытии мы сразу же наткнулись на безобразные порядки, введенные шведами-устроителями Олимпиады: мы прибыли в четверг, в пятницу побывали на стрельбище и постреляли; но тут же нам объявили, что стрельбище в субботу и воскресенье будет закрыто, а в понедельник «милости просим» уже выступать на соревновании. Местные стрелки, конечно, привыкли к своему стрельбищу, расположенному в лесной низине, но для нас эта обстановка и, в частности, освещение были непривычны.

Должен признаться, что не только это, но и вся организация нашей поездки под казенным руководством Воейкова — будущего «Главнонаблюдающего за физическим развитием Российской империи», не возбуждала во многих из нас ни малейшего энтузиазма к соревнованию.

В единственный день тренировки на лесном стрельбище мы познакомились со многими из наших соперников, главным образом с нашими основными противниками — американцами, лучшим стрелком которых был Лэйн, совсем молодой человек. Немецкая команда пистолетчиков состояла из чопорных, сухопарых и долговязых господ с моноклями в глазу; они ни с кем не разговаривали, держались особняком и крайне надменно.

В понедельник мы отправились в лес на соревнование. На линии огня был поставлен деревянный барьер, на который можно

Часть русской команды стрелков на линии огня в Стокгольме

было положить ящик с оружием, патроны и бинокль. Командовал соревнованием шведский офицер. Мишени находились в 50 метрах на деревянных щитах, поставленных слишком близко друг к другу, и менялись 10 раз, после каждых 6 выстрелов. Время было почему-то ограничено четырьмя минутами на каждую серию в 6 выстрелов. При стрельбе в закрытом тире этого времени, безусловно, достаточно, но на открытом для ветра и дождя стрельбище такое условие не годилось.

Стреляли в две смены. Мы начали стрелять при отличной погоде, но на второй или на третьей мишени вдруг набежала туча, налетел шквал и пошел сильный дождь. Несмотря на это, соревнование не было прервано, ограниченное время не позволяло пережидать порывы ветра или стирать капли воды с прицела и мушки. Никому из нас не пришло в голову, что на стрельбу здесь нужно ходить с зонтиком!

Результат получился плачевный: вместо обычных 540 очков я смог выбить только 457. Наши главные соперники — американцы — стреляли в другой смене при великолепной погоде; Лэйн положил телескоп вместо штатива в щель полураскрытого саквояжа и, наклоняясь к нему после каждого выстрела, успевал определить точность попадания. Он сделал 496 очков.

В командном соревновании мы оказались на четвертом месте.

После прицельной стрельбы состоялась и дуэльная. Мишени из древесного картона представляли собой силуэт человека сред-

него роста и были разделены на десять поясов. Каждая мишень помещалась на ящике с часовым механизмом. Командующий стрельбой провозглашал по-французски сперва «Внимание!», затем подавал команду «Огонь!» и одновременно нажатием кнопки пускал в ход часовые механизмы в ящиках; ровно через 3 секунды все мишени поворачивались на 90° и становились к стрелкам ребром. А в правилах соревнования значилось, что пули, попавшие в мишень в момент вращения ее, считаются промахами, и признаком такого попадания признавалась продолговатая форма пробоины.

Этот параграф правил, как мы увидим ниже, давал шведским судьям полную возможность снижать результат представителей других стран, а по существу был совершенно излишним, потому что древесный картон настолько вязок, что даже при совершенно перпендикулярном попадании пули в мишень пробоина часто получает неправильную форму; кроме того, нередки случаи отклонения продольной оси пули от траектории ее полета, и тогда продолговатая форма пробоины неизбежна независимо от положения мишени в момент попадания; и, наконец, не было никакой надобности вводить такое чреватое недоразумениями правило, ибо какая-то ничтожная доля секунды, потребная на поворот мишени, при равных для всех стрелков условиях не имеет никакого значения.

Таким образом, судьи при желании всегда могли найти в мишени неугодного им участника не совсем круглую пробоину, что и было проделано на данном соревновании.

Наша команда стреляла после американцев, считавшихся тогда лучшими стрелками в мире, и побила их результат, не сделав ни одного промаха. Однако жюри, состоявшее, вопреки общепринятым правилам, исключительно из шведов, будто бы нашло в русских мишенях две косые пули.

Шведская команда стреляла последней, причем ни публика, ни другие участники, отделенные от места стрельбы колючей проволокой, не могли подойти к линии огня ближе 50 метров, следовательно, мишени отстояли от них уже на 100 метров, а на таком расстоянии даже в сильный бинокль нельзя ничего рассмотреть. К шведским мишеням никого не подпустили, никому их не показали, а судьи объявили, что в них нет ни одного промаха и ни одной косой пули.

Таким-то образом наша команда оказалась на втором месте. Я просил нашего «капитана» полковника Шестерикова категорически потребовать осмотра мишеней шведской команды, но он уклонился под предлогом, что «Воейкову это может не понравиться».

Можно было бы привести очень много примеров пристрастных и неправильных действий организаторов и судей на Стокгольмской Олимпиаде, но это заняло бы слишком много места. Расскажу только о наиболее вопиющих фактах.

12 июля 1912 года десять судей Международного комитета по борьбе от России, Германии, Финляндии, Австрии, Богемии, Англии, Венгрии, Франции, Италии и Португалии подали мотивированный протест против целого ряда нарушений правил, в том числе следующих:

1. Для наиболее важных схваток судьями назначались исключительно шведы.

2. Судьи-шведы позволяли себе собственноручно исправлять у борцов других наций захват собственной ноги в положении «моста», как бы не зная, что борец имеет право применять этот прием, следствием чего было несправедливое поражение борца.

3. Исландцу Пьетурсону и англичанину Баретту было зачтено по поражению за то, что они вышли бороться смазанные вазелином. Но когда после того вышли четверо смазанных вазелином шведов — Мальмстрем, Андерсон, Флюгар и Свенсон, — то им даже не сделали предупреждения, а лишь послали вымыться.

4. Согласно правилам, борцы, не явившиеся своевременно на ковер, признавались побежденными. Но если не являлся швед, то борьбу откладывали.

5. Практиковались неверные записи результатов в ущерб не шведским борцам; исправление их требовало энергичного вмешательства представителей нации: так, шведам Дальбергу и Беркнисту, положенным русскими борцами Северовым и Клейном, «по ошибке» были записаны в этих схватках победы.

Этот протест был позже дополнен Российским Олимпийским комитетом, констатировавшим следующее:

1. Когда после первых 2—3 дней выявились силы иностранных борцов, шведские распорядители стали назначать в пары лучших из них и по возможности равных по силам противников, и если по истечении часа борьбы не было результата, обоим засчитывали по поражению, не допуская лучших борцов до финала. Шведские же борцы ставились против заведомо слабейших противников и, побеждая их большей частью благодаря своеобразному толкованию системы очков, попадали в финал. Например, швед Иогансон, заведомо слабейший из участников в классе «А», был выведен на I место путем применения лишенной всякого смысла десятичасовой борьбы между двумя его более сильными противниками — Клейном и Асикайненом; победителю в этой феноменальной борьбе при палящем солнце — М. Клейну — не дозволен был даже суточный отдых, и, когда он отказался немедленно выступить против шведа, его признали побежденным, и т. д.

2. В соревновании в лаун-теннис шведы в первую очередь составляли пары противников из представителей одной нации, чтобы уменьшить шансы этой нации на выход в финал.

3. В гребной гонке одиночек допущен ряд возмутительных нарушений правил, в результате которых были поломаны весла и лодка первоклассного русского гребца М. Кузика, имевшего большие шансы на победу.

4. При дуэльной стрельбе командами у шведских мишеней были только шведские судьи, оценившие шведский результат как наивысший.

5. При стрельбе по «бегущему оленю» шведы допускали своих стрелков стрелять не в очередь и уведомляли об этом судей особым сигналом.

Не буду останавливаться на подобных же фактах в соревнованиях по велосипеду, плаванию, легкой атлетике, конному спорту и т. д.

При беспристрастном судействе и равных для всех условиях соревнований русские спортсмены, безусловно, должны были выйти

победителями в борьбе, прицельной стрельбе из пистолета, дуэльной стрельбе и академической гребле. Большие шансы на победу имел и теннисист Сумароков-Эльстон, победивший лучшего игрока Швеции Сеттерваля; но ему не повезло: в игре с одним из сильнейших игроков Германии Крейцером на его ракете лопнули струны, а непривычная новая ракета понизила его технику, и он проиграл.

Спортсмены России выступали на V Олимпиаде в следующих видах спорта: легкая атлетика, велосипед, фехтование (рапира, шпага и эспадрон), гимнастика, конный спорт, лаун-теннис, пятиборие, гребля, стрельба разная, плавание, борьба, парусный спорт, футбол — в общем, это составило 277 выступлений.

Но классные места мы заняли только в четырех соревнованиях: в командной дуэльной стрельбе из пистолета (II приз); во французской борьбе — средневес М. Клейн (II приз); в стрельбе по тарелочкам — Г. Блау (III приз); в парусных гонках — яхта «Петербургского речного яхт-клуба» «Галлия II» 10-метрового класса (III приз).

Среди 20 участвовавших наций русские заняли по очкам лишь 15-е место.

Наши стрелки из военной винтовки из-за плохого оружия, а главное — плохих патронов, не могли ничего сделать: в командном соревновании на 200, 400, 500 и 600 метров они заняли 9-е, предпоследнее место, побив только венгерцев. В индивидуальном соревновании на 600 метров лучший наш стрелок Калинин оказался на 39-м месте, другие заняли 45, 51, 58, 61, 65, 70, 71, 74, и 77-е места (из 85 участников). На 300 метров П. Вальдэн был 11-м, другие заняли 26, 30, 43, 46, 49, 51, 60, 68, 71 и 79-е места, тот же Калинин оказался здесь худшим (из 84 участников). По вольной винтовке на 300 метров русская команда оказалась последней из семи участвовавших команд; в индивидуальной стрельбе лучший — Ф. Лебедев — был 54-м (из 84). По малокалиберной винтовке у нас команды не было; в индивидуальном соревновании участвовали только двое; из них лучший — А. Добржанский на 50 метров был 33-м (из 41), а на 25 метров — 26-м (из 36). Как тут не пожалеть об отсутствии таких стрелков, чемпионов страны, как Тевяшов, Шмунк, Лучинский, не включенных в команду как «штатских»?

Причины столь низких наших результатов на Олимпиаде заключались в плохой и несвоевременной организации подготовки к выступлению на олимпийских играх и всей поездки в Швецию, в общем низком уровне нашей спортивной техники и тактики, а главное — в малочисленности участников спортивного движения в царской России.

Первые же неудачные для наших спортсменов дни Олимпиады произвели на меня такое тяжелое впечатление, что я вскоре почти перестал посещать стадион и другие места соревнований.

*

Желая хоть немного отвлечься от невеселых дум, мы с женой предприняли несколько прогулок в окрестности Стокгольма и однажды поехали на пароходике в Сальчо-Баден — купально-курортный парк в шхерах недалеко от города. Это очень живописное место, но мне больше всего понравилась там стоящая перед курзалом на берегу пролива бронзовая статуя бегущего конькобежца-скоростника, руки которого были вылеплены на свободном махе. Как мне говорили, эта статуя изображает нашего Седова, так поразившего в 1906 году весь конькобежный мир своим блестящим выступлением на первенстве мира в Гельсингфорсе.

Эта устремленная вперед фигура конькобежца показалась мне символической. Она точно обещала, что русские спортсмены еще поразят в будущем весь мир своими достижениями. Но это обещание оказалось выполненным только в наши дни блестящего массового расцвета советского спорта — самого передового в мире.

Полученный на V Олимпиаде урок ничего не изменил в положении нашего гражданского стрелкового спорта. Военные круги попрежнему «зажимали» его, и мне нередко приходилось лично убеждаться в этом.

Приведу один случай. Весной 1914 года я участвовал в соревновании из малокалиберного пистолета на 50 метров, устроенном на Семеновском стрельбище «Обществом ревнителей военных знаний». Стреляли в тире по 30 пуль по олимпийской мишени, в разное время, в присутствии комиссии Общества. Один из сильнейших штатских стрелков сделал очень хорошую мишень (около 260 очков) и был уверен, что ее никто не превысит. Но, придя через несколько дней в тир, он узнал, что кто-то из военных, стрелявший позже, сделал больше очков, хотя и не намного. Выяснилось, что из-за сильного ветра дежурный член комиссии разрешил ему стрелять *из комнаты* через амбразуру, тогда как все другие стреляли на ветру с открытой площадки.

Штатский потребовал, чтобы результат его соперника сочли недействительным и дали ему перестрелку в равных условиях с другими, т. е. с открытой площадки.

Военные члены комиссии никак не хотели с этим согласиться. Между ними оказался только один, нашедший в себе мужество

быть справедливым и сумевший настоять на своем: это был уже известный нам полковник П. А. Москов, начальник Семеновского стрельбища.

В результате было вынесено не совсем правильное, но все же лучшее решение: стрелять снова обоим рядом с открытой площадки. В таких условиях штатский стрелок сумел доказать свое превосходство.

XXVII. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ДОВОЕННОГО СПОРТА (1912—1914)

В предвидении надвигавшейся империалистической войны с тройственным союзом царское правительство настойчиво изыскивало пути к широкой милитаризации населения. В связи с этим генерал Воейков, получив почти неограниченные полномочия, занял в 1913 году вновь учрежденную должность Главнонаблюдающего за физическим развитием народонаселения Российской империи. К работе в его канцелярии были привлечены В. И. Срезневский — в качестве заместителя Главнонаблюдающего и Г. А. Дюперрон — в качестве секретаря.

Воейков был больше придворным, чем военным человеком, и притом весьма влиятельным лицом, поскольку он был личным другом царя. Так как назначение его имело целью поднять физическое развитие народа, то многие, по близорукости, ожидали от этого события блестящих результатов в виде широкого расцвета спорта в России. Другие, по опыту нашего участия в V Олимпиаде, не разделяли этих розовых надежд. Эти скептики, и я в их числе, думали, что канцелярская централизация всей спортивной работы в такой форме приведет к бюрократизации ее, наложит на нее чиновничий отпечаток, усилит реакционное влияние в спорте и реакционный же политический контроль над ним.

Я познакомился с Воейковым еще на «Бирме». Позже, в Царском Селе, он прислал однажды за мной лошадь и просил приехать к нему в гусарские казармы, где жил по должности командира полка. Он принял меня любезно и предложил перейти на работу к нему в канцелярию. Мне этого совсем не хотелось. Поблагодарив за доверие, я попросил несколько дней на размышление и воздержался от этого шага. Мне было неприятно, что сделавший в свое время так много для русского спорта В. И. Срезневский дал вовлечь себя в эту работу, от которой трудно было ждать чего-либо хорошего.

Воейков приступил к «решительным мерам» для поднятия физического развития и спорта в России. Наиболее значительной среди этих мер была организация ежегодных «русских олимпиад» по основным видам спорта.

Первая из олимпиад состоялась в 1913 году в Киеве, вторая — в 1914 году в Риге. Устройство этих соревнований никак нельзя

назвать удачным как по недостаточно широкому охвату спортивных кругов страны, так и по самой технике проведения их. Правда, Киевская олимпиада сильно подняла интерес к спорту и в отдельных видах его, например в легкой атлетике, показала неплохие достижения. Еще более показательными были соревнования в Риге.

Но эти относительные успехи только «бередили старые раны», напоминая о провале в Стокгольме и о том, что наша страна могла бы в 1912 году выставить на Мировую Олимпиаду гораздо лучшие силы.

Все мероприятия правительства в отношении спорта роковым образом запаздывали, в том числе и наши олимпиады, которые имели целью возбудить широкий интерес населения к спорту и тем самым повысить его физическую подготовку и готовность к военным испытаниям. Война уже надвигалась, а русские олимпиады расшевелили интерес к спорту лишь в определенных узких кругах состоятельных классов. Народ попрежнему оставался в стороне; огромное, подавляющее большинство трудящихся не имело ни желания, ни возможности вступать в буржуазные спортивные общества. А демократическим спортивным кружкам правительство попрежнему чинило всякие препятствия. Правда, несмотря на все трудности, их число понемногу росло. Так, в 1913 году в Петербурге одних только футбольных команд было уже свыше полусотни. Но что значила эта цифра для огромного города с его миллионным населением!

В то время руководители буржуазно-демократических клубов старались привлекать в них возможно большее число «посетителей» (без права голоса на общих собраниях) из наиболее демократических слоев населения и безуставных «диких» кружков. Они не останавливались перед переманиванием из таких кружков, например футбольных, целых групп игроков с целью подчинить их своему влиянию и воспитать из них людей, далеких от политической деятельности и всецело захваченных только спортивными интересами.

Однако эти стремления редко увенчивались успехом, и зачастую внутри клубов возникали разногласия между демократической массой и руководством, приводившие иногда к непримиримым конфликтам, как это было, например, в «Никольском клубе» и спортклубе «Коломяги».

Клуб «Никольский» был организован в 1911 году при одной из петербургских ниточных мануфактур ее хозяевами. За недостатком собственных хороших игроков в футбол организаторы клуба в 1912 году привлекли в него целую команду игроков из безуставного кружка «Лесновский», соблазнив их хорошим полем для игры и возможностью участия в соревнованиях футбольной лиги. Но вскоре между руководством и игроками разыгрался острый конфликт: правление хотело составлять команды по своему усмотрению и отказывало младшим командам в оплате

расходов на проезд к местам игр; а бывшие «лесновцы» не хотели допустить разбивки своей команды и требовали формирования из нее целиком второй команды клуба. Игроки обвиняли руководство в пристрастии и грубости. В результате группа игроков отказалась выступить в матче и была исключена из клуба в числе 15 человек. Комитет Петербургской футбольной лиги стал на сторону руководства и дисквалифицировал «забастовщиков». Тогда остальные игроки клуба в виде протеста сами вышли из его состава, и «Никольский» вынужден был прекратить свое существование.

Клуб «Коломяги» имел типичный буржуазно-демократический характер. Руководство его проводило свою политику, опираясь на преданных ему игроков I команды, в основном принадлежавших к буржуазному классу, и на право собственности его заправилы Синдеева на игровое поле клуба. Демократически настроенные игроки младших команд сумели на выборах правления 1914 года ввести в его состав своих представителей, провалив кандидатуру Синдеева и его сторонников. В ответ на это старое правление закрыло поле и сняло I команду с участия в соревнованиях; но развалить коллектив ему не удалось до самого начала первой мировой войны, и только к осеннему сезону, когда мобилизация отвлекла большую часть оппозиционно настроенных игроков в ряды армии, прежние хозяева вновь заняли руководящие посты. Но, как увидим дальше, на этом дело не кончилось, и борьба продолжалась до самой Великой Октябрьской революции.

Казенный бюрократический характер деятельности Воейкова сделал ее бесплодной и в конечном счете привел только к падению в обществе интереса к спорту. Этому содействовало и отрицательное отношение к спорту со стороны реакционных кругов русской буржуазии. Так, в 1913 году выразитель ее мнения влиятельная газета «Новое Время» напечатала статью матерого ретрограда и черносотенца Меньшикова, в которой он пытался доказать якобы ненужность, вред и развращающее влияние спорта на молодежь.

Бюрократизм даже в таком нужном в военном отношении вопросе, как стрелковое дело, проявлял себя на каждом шагу. Расскажу здесь об одном факте, имеющем большое общественное значение и характеризующем порядки того времени в высших военных сферах.

Это было незадолго до войны. Бывая ежедневно в Семеновском тире, я встречался там с одним из стрелков из винтовки капитаном А. Н. Добржанским, участником V Олимпиады в Стокгольме. Он приходил в тир не для тренировки, а для практического испытания изобретенной им новой пули для нашей военной трехлинейной винтовки. Пуля эта имела острый конец и закругленный базис и была сконструирована внутри таким образом, что исключалась малейшая возможность прорыва газов во время движения пули по каналу ствола.

Необычайные качества этой пули я видел не раз своими глазами на стрельбище. Не говоря уже о великолепной меткости выстрелов, обусловленной более правильным полетом пули вследствие положения центра тяжести снаряда ближе к его передней части, начальная скорость полета была настолько велика, что пули, попадавшие на дистанции в 100 шагов в железный стержень диаметром в 2,5 сантиметра, подпиравший сзади деревянную мишень, разрывали его на две части, как деревянную палку.

Свидетели этих испытаний поздравляли Добржанского с блестящим изобретением, все ожидали, что оно будет принято военным ведомством и использовано для поднятия мощи огня русской армии.

Но что же из этого вышло? Для того, чтобы изобретение воплотилось в жизнь, нужно было... дать кому-то из высокопоставленных лиц огромную взятку. Добржанский не смог пробить бюрократической стены, вставшей перед его детищем. Так это дело и осталось без последствий...

Все-таки, даже на фоне царившего в то время воейковского режима в спорте, выделялись и некоторые положительные моменты; жизнь неудержимо предъявляла свои требования, и спорт двигался понемногу вперед. К таким моментам надо отнести, кроме успехов легкоатлетов на русских олимпиадах 1913 и 1914 гг., подъем фигурного катанья и скоростного бега на коньках.

Фигуристам сильно помогло открытие в 1912 году искусственного катка на Каменноостровском проспекте. Владелец театра и сада «Аквариум» устроил свой каток по образцу берлинского «Эйспаласта», но несколько меньшего размера (930 квадратных метров). Он брал за вход по 5 рублей, и поэтому народу там бывало немного. Каток «Аквариум», несмотря на доступность его лишь для состоятельных кругов, все же вызвал подъем фигурного катанья и в качественном и в количественном отношениях. Для развития этого вида спорта, в связи с возможностью круглогодичной тренировки, открывались новые горизонты; но в 1914 году началась война, в помещении катка был устроен госпиталь, и спортивное предприятие уже затем не восстанавливалось.

Около 1912 года общее собрание членов «Общества любителей бега на коньках» постановило выбить медаль с моим изображением в момент исполнения восьмерки с петлями вперед и награждать этой медалью победителей соревнований на первенство России. В первую очередь она досталась двум моим ученикам:

в 1912 году женское первенство выиграла Ксения Цезар, а мужское — Олло; в 1913 году первенство завоевал москвич Малинин; вторым оба раза был И. Кревинг. В 1914 году Малинин удержал за собой чемпионат, вторым был Фан-дер-Флит.

Но за границей Малинин не смог добиться успеха: командированный в Вену на первенство мира 1913 года, он занял там четвертое место (победа досталась венцу Фр. Кахлеру, за ним шел будущий чемпион мира В. Бэкль, третьим был А. Ченде из Будапешта). Малинин катался хорошо, но в этой очень сильной компании не имел шансов на первое место.

Кроме открытия искусственного катка у нас были и другие отдельные яркие спортивные события, освещавшие общий довольно серенький фон спортивной жизни того времени. Так, 9 и 10 февраля 1913 года мне довелось быть свидетелем исключительно интересного соревнования на первенство Европы по скоростному бегу на коньках на катке «Кружка любителей спорта». Стадион кружка помещался к этому времени уже на новом месте — на Петровском проспекте Крестовского Острова.

В соревновании участвовали несколько иностранцев и среди них известный норвежец Оскар Матисен, чемпион Европы 1909 и 1912 гг. и мира 1908, 1909 и 1912 гг. (в 1910 и 1911 гг. чемпионом мира был Николай Струнников); его соотечественник, выдающийся спринтер Мартин Сетергаук и другие. Из наших сильнейших конькобежцев выступали москвичи Никита Найденов, Василий и Платон Ипполитовы и петербуржцы Н. Рундальцев и Королев.

9 февраля был чудесный солнечный с небольшим морозцем день. Соревнования проходили чрезвычайно оживленно под руководством главного судьи Срезневского.

Во время соревнования в беге на 500 метров Сетергаук попытался применить хитрый «маневр». Он приехал специально для того, чтобы не дать В. Ипполитову бежать на длинных дистанциях в паре с О. Матисеном. Для этого Сетергауку нужно было пройти 500 метров лучше Ипполитова, так как пары по правилам составлялись по результатам предыдущей дистанции. И вот он нарочно стал на старт не на ту дорожку, которая полагалась ему по жребию. Пробежав хуже, чем ему было нужно, он заявил главному судье Срезневскому протест: не с той, мол, дорожки пустили. «Виновником» оказался стартер (судья на старте), обязанный следить за правильностью старта. Пришлось дать перебежку, но результат Сетергаука не улучшился. «Маневр» не увенчался успехом, и 5000 метров В. Ипполитов бежал в паре с Матисеном.

Яркое воспоминание оставила во мне картина этого забега. Она стоит передо мной, как живая. Оба брата Ипполитовы были в отличной форме, все ожидали от них сильного соперничества с чемпионом мира. Когда Матисен и Василий Ипполитов взяли старт, все с волнением и напряженным вниманием следили за их бегом. И что же? Москвич начал понемногу отставать и с каждым

кругом все больше и больше... Разрыв дошел уже метров до пятнадцати, и все мы, что называется, «повесили носы» и безнадежно следили за ходом соревнования. Но вдруг, видим, разрыв уже не увеличивается. На следующем кругу просвет немного сократился, на следующем еще... и еще... Василий, видимо, строго выдерживал свой график на эту дистанцию.

Невозможно описать воодушевление и восторг публики. Волна громких криков и восклицаний катилась кругом стадиона вместе с конькобежцами; расстояние между ними все сокращалось и сокращалось. К последнему кругу Василий был уже впереди и первым пересек линию финиша!

Платон Ипполитов оказался третьим, отстав от Матисена на 10 секунд. За ним на одну и две десятых секунды сзади был Найденов. На другой день соревнование продолжалось, и бег на 1500 метров закончился большой сенсацией: Василий Ипполитов обошел Матисена на его коронной дистанции.

На 10 000 метров Василий Ипполитов и Матисен шли опять в одной паре. Тут получился казус: оба соперника так зорко следили друг за другом, что «проворонили» 1 и 2-е места, которые достались Найденову и Платону Ипполитову. Но Василий и тут обошел Матисена на 2,4 секунды и в общем оказался победителем первенства Европы. Он получил золотую медаль чемпиона Европы, золотую медаль «Петербургского общества любителей бега на коньках», ценный приз газеты «Вечернее время» и две золотых медали за первое место на дистанции 1500 и 5000 метров.

Первенство мира того же 1913 года состоялось в Гельсингфорсе вскоре после петербургского соревнования. Василий Ипполитов и там показал выдающиеся результаты, придя первым на 5000 и 10 000 метров и вторым за Матисеном на 1500 метров, отстав всего на 1,9 секунды. Все же первенство мира досталось Матисену, так как Ипполитов очень плохо прошел 500 метров, заняв лишь двенадцатое место.

Помню и еще два случая яркой вспышки русского спорта в предвоенное время. Первый произошел 22 июля 1913 года на кортах «Крестовского лаун-теннис-клуба». Разыгрывалось первенство России и на этот раз в необычайных условиях: его оспаривали не только русские, но и иностранцы, лучшие игроки Англии — Диксон, Лоу, Преббл и Мак-Нэр, и Франции — Декюжи и Жермо. Сумароков-Эльстон легко обыграл тогда всех в три сэта и только в финале встретил упорное сопротивление, выиграв встречу у лучшего игрока среди гостей — англичанина Диксона из пяти сэтов 6 : 3, 3 : 6, 6 : 4, 4 : 6, 6 : 0.

Другой случай имел место 23 марта 1914 года. По приглашению «Петербургского общества комнатной стрельбы» (ПОКС) состоялась встреча стрелков Общества с буржуазным немецким «Рижским стрелковым обществом». Рижане приехали со своими необыкновенными германскими пистолетами фирмы «Бюхель»: это было оружие вычурной работы с микрометрически подвижным

по координатам прицелом и с ореховой массивной ручкой, в которой были искусно вырезаны места чуть не для каждого пальца руки стрелка. Незадолго до того комитет ПОКС пригласил и меня в число его членов, и я вошел, таким образом, в состав команды Общества, выступившей на соревновании.

Немцы перед соревнованием держали себя очень гордо и рассказывали о своих победах в Риге и в Германии. Но когда началась стрельба на соревновании (в зале гимнастического общества «Пальма»), у них что-то «не получилось». Они поминутно продували и прочищали свои «Бюхели», передвигали прицелы, чему-то удивлялись, но все это не помогало. Проиграв, рижане сильно сбавили тон. Я занял первое место и получил личный I приз — золотой жетон, изображающий мишень в венке.

На этом соревновании произошел случай, грозно напомнивший о необходимости осторожного обращения с оружием и строжайшего соблюдения правил в условиях соревнований, с чем мы не всегда считались. Один из участников нашей команды, морской офицер Гобято, заряжая свой «Смит и Вессон» со взведенным курком, что запрещено правилами, произвел нечаянный выстрел. Пуля взвизгнула между правой рукой и боком его соседа с левой стороны.

В начале 1914 года мне пришлось в качестве судьи принять участие в мировом первенстве по фигурному катанью — комитет Международного союза конькобежцев включил меня в список судей международной категории. Такое внимание к русским спортсменам было не единичным случаем. Повидимому, успехи отдельных русских спортсменов, несмотря на их редкое участие в международных встречах, внушили к нам особое уважение и доверие.

Я поехал вместе с Срезневским к месту соревнований в Гельсингфорс. Они обещали быть очень интересными: на это соревнование записались, кроме наших Малинина и Фан-дер-Флита, ряд сильнейших фигуристов Европы, выдвинувшихся за последние годы на первенствах Европы и мира, — австрийцы Фр. Кахлер, В. Бэкль, Е. Опахер, венгерец А. Ченде и другие.

Главным судьей был В. И. Срезневский. Думаю, что он как беспристрастный и знающий свое дело человек, был бы гораздо полезнее в роли ставящего отметки рядового судьи *. В число судей вошли все тот же швед Хэрле, финский швед Якобсон, петербургский швед Сундгрен, один англичанин и другие. В общем, англо-шведский блок был и на этот раз налицо, а шведские интересы — вполне обеспечены.

Комитет Гельсингфорского клуба снабдил всех судей галошами, сделанными из толстого соломенного жгута и таких размеров, что в них свободно входила нога, уже обутая в ботинок с резиновой галошей или в валенок. Благодаря необыкновенной тол-

* В фигурном катанье главный судья отметок не ставит.

щине своей подошвы эти соломенные галоши предохраняли ноги от холода на льду. Я привез полученную пару в Юсупов сад и долго пользовался ею на занятиях в «академии».

Школьное катанье началось в 10 часов утра. Я еще никогда не видел такого количества участников: их собралось 12 человек. Среди них был и швед Г. Сандаль, о котором я уже упомянул раньше в связи с командировкой И. П. Малинина в Стокгольм в 1912 году.

Соревнование оказалось очень тяжелым и для участников и для судей: в первый день мы провели на льду 8 часов без перерыва при довольно сильном морозе.

С первых фигур я увидел явное преимущество венцев Кахлера, Опахера и Бэкля. Наши были еще мало подготовлены для такого серьезного выступления и не имели шансов на первые места. У Кахлера, благодаря его большому росту и силе, и фигуры выходили огромные, причем его приемы в исполнении их иногда удивляли своей оригинальностью, доступной, повидимому, только очень опытному фигуристу, вполне владеющему техникой труднейших комбинаций. Например, на перетяжке в восьмерке с петлями назад внутрь Кахлер не выносил свободную ногу вперед в IV позицию *, оставался после перетяжки с ногой сзади, т. е. в I позиции. Когда он сделал так на своей первой восьмерке, я подумал, что фигура эта уже испорчена: нельзя же делать петлю назад наружу, оставляя ногу сзади! Но скользя по своей огромной дуге между перетяжкой и петлей, Кахлер успел спокойно и плавно вынести свободную ногу вперед, принять перед петлей IV позицию и великолепно выполнить петлю.

Опахер и Бэкль работали тоже не плохо, хотя в несколько меньшем размере фигур; пластика и свобода движений у всех трех была хороша, и смотреть на них можно было с удовольствием.

Ченде катался посредственно, и мрачное лицо его тренера Зейберта (того самого, который когда-то был нашим тренером в Юсуповом саду) подтверждало правильность моей оценки. На Сандаля было неприятно глядеть: этот молодой человек с испитым сероватым лицом и постоянно открытым ртом катался крайне некрасиво, с сутуловатой спиной и «повешенным коленом», совсем без выворотности стопы **; рисунок его фигур был только удовлетворительным.

---

* IV позицией в фигурном катанье называется такое положение тела, когда свободная нога вынесена вперед, а плечи и грудная клетка «скручены» в сторону свободной ноги так, что получается перекрестное положение верхних и нижних конечностей. В I позиции это положение неперекрестное, и свободная нога находится сзади тела.

** Выворотностью свободной ноги в фигурном катанье, классическом танце и художественной гимнастике называется такое положение этой ноги, когда носок ее стопы, а также и коленная чашка обращены наружу под прямым углом к направлению стопы другой, опорной ноги.

После обязательных школьных фигур у меня на первом месте был Кахлер, потом шли Бэкль, Опахер, Малинин, Ченде, Флит, затем остальные, среди которых Сандаль занимал одно из последних мест.

На другой день в произвольном катанье больше других мне понравился Опахер своей разнообразной программой и уверенным, свободным и красивым исполнением. Кахлер и Бэкль очень немного уступали ему. Я был убежден, что один из этих трех окажется победителем по совокупности оценок всех судей.

Вечером состоялся банкет. После ужина объявили результаты соревнования, и я изумился: победителем и чемпионом мира признан... Сандаль! Тут только я сообразил, что ведь он швед, и вспомнил состав судейской коллегии... Я еще никогда не переживал на спортивных соревнованиях такого отвращения и негодования. Но что было делать? Я не имел права протеста, принадлежащего только представителям заинтересованных организаций, а они смолчали...

Вернувшись из Гельсингфорса и закончив зимний сезон, я выиграл, по обыкновению, два стрелковых чемпионата — в девятый раз по пистолету и в восьмой по револьверу, и много играл в лаун-теннис в «Павловско-Тярлевском кружке любителей спорта». Жизнь шла обычным порядком...

Внезапно, в середине лета, в Сербии прогремели на весь мир провокационные выстрелы, послужившие сигналом для развязывания агрессивных империалистических сил.

Вспыхнула первая мировая война.

XXVIII. ГОДЫ ВОЙНЫ. КАНУН ОКТЯБРЯ

Начало войны немедленно наложило тяжелый отпечаток на спортивную жизнь.

Опустели теннисные корты, спортивные площадки, гребные станции. Молодежь была призвана в ряды армии и флота.

В спортивные организации стали поступать известия о гибели на фронтах войны тех или иных выдающихся спортсменов. Так погиб неоднократный чемпион России по фигурному катанью К. А. Олло, попав при переправе через реку Сан под огонь австро-германской артиллерии. Вскоре был убит на войне и выдающийся московский конькобежец Иван Павлович Малинин.

Все же спортивная жизнь в эти тяжелые годы войны не совсем замерла.

Соревнования на первенство России 1915 года еще состоялись «по инерции» без участия мужчин-петербуржцев, а выступавший без соперников москвич В. И. Дмитриев *, известный

* Вадим Иванович Дмитриев погиб в 1942 г. в бою за Родину в Сталинградской битве.

впоследствии советским фигуристам как троекратный чемпион Москвы и постоянный участник междугородных встреч, не смог набрать двух третей максимальной оценки за свое исполнение и не получил звания чемпиона. Женское первенство в пятый и последний раз досталось Ксении Цезар. Состязание на кубок в память Паншина прошло тоже в последний раз в 1915 году. После этого года соревнования в Юсуповом саду больше не проводились.

В стрелковых чемпионатах я еще продолжал выступать, но, как я уже сказал, без особого интереса к ним, тем более, что с началом войны число участников заметно сократилось. К тому же мои служебные обязанности как податного инспектора во много раз усложнились и увеличились из-за новых налогов. На занятия спортом времени не оставалось, и вскоре я оказался по отношению к нему в положении почти «постороннего зрителя».

Тяжелые переживания, связанные с войной, все сильнее начали врываться в нашу жизнь. Пришло известие об Опатовской трагедии, когда Первый царскосельский стрелковый полк, брошенный на произвол судьбы из-за преступной небрежности генерала, начальника отходившей группы стрелковых полков, попал в окружение и, прорвавшись из него, потерял почти шестьдесят процентов своего состава. Царскосельский госпиталь был вскоре заполнен ранеными солдатами и офицерами; среди них были и стрелки — участники V Олимпиады — Шестериков и другие. Я часто ходил навещать их.

Спортивная жизнь катилась все больше «под гору». Рижская олимпиада из-за войны не могла быть закончена. Тот подъем, который я отмечал после 1910 года, сменился все растущим упадком.

Воейковское руководство в первое время после начала войны растерялось и ничем себя не проявило. Только на втором году войны принялись искусственно подогревать спортивное движение. Воейков требовал продолжения деятельности самоликвидировавшихся спортивных организаций и в конце 1915 года объявил «мобилизацию спорта» (официальное «Положение» об этой мобилизации было издано в декабре того же года). Появились печальной памяти «военно-спортивные» комитеты, которые должны были осуществлять «мобилизацию». Однако в этой запоздалой возне приняли активное участие лишь немногие из тогдашних деятелей спорта, вроде Дюперрона в Петербурге и Фульда * в Москве.

«Мобилизация спорта» в первое время как будто вызвала некоторое оживление в спортивной работе, но оно быстро потасло. По «Положению» спортивные клубы и общества должны были посылать своих членов на курсы инструкторов военной

---

* Р. Ф. Фульда был почетным казначеем «Сокольнического клуба спорта» в Москве и председателем Московской футбольной лиги.

подготовки и проводить у себя соответствующую работу с допризывной молодежью. Но очень немногие, преимущественно сокольские организации проявили в этом деле некоторую активность. Несмотря на денежное вознаграждение, назначенное за каждого подготовленного, мероприятие это не имело успеха: спортивная молодежь скептически отнеслась к нему и в массе своей не пошла ему навстречу.

Не говоря уже о пролетарских и полупролетарских кругах, даже среди либеральной части буржуазии нарастало возмущение политикой и действиями царского правительства. Военные неудачи бездарных генералов, подозрительные и предательские действия некоторых из них, приводившие к таким катастрофам и неудачам, как гибель армии Самсонова под Сольдау или бесплодность блестящего брусиловского прорыва на Юго-западном фронте, министерская чехарда, слухи о беспримерном разлагающем влиянии Распутина на государственные дела, разгул спекуляции и безграничного казнокрадства, жестокие репрессии против рабочего класса, — все это пробуждало ненависть и озлобление к царскому правительству среди рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции, способствуя усилению и обострению революционного движения в народных массах против царизма и против войны не только в тылу по всей стране, но и на фронте.

Еще задолго до февральских событий стало проявляться охлаждение между Воейковым и буржуазными руководителями спортивных организаций на почве все растущего убеждения буржуазии в неспособности правительства успешно вести войну. Это начало отражаться на сокращении числа официально утвержденных клубов; многие из них, главным образом футбольные и хоккейные, фактически прекратили свою деятельность, чему способствовало материальное обеднение молодежи и сильное поредение ее рядов в связи с призывами в армию и уходом на фронт.

Уже тогда началось заметное понижение класса спортивных игр, чему я как любитель футбола не раз был свидетелем. Стал падать и авторитет судей на матчах. Все чаще происходили на футбольных полях крупные скандалы, демонстративные уходы игроков с поля. Общее моральное разложение среди спортсменов выражалось в безобразном поведении зрителей и участников; бывали случаи драк на поле между игроками и даже руководителями, как, например, 14 августа 1916 года, когда судья матча на Удельной получил пощечину от одного из членов правления клуба «Унитас» за будто бы неправильное судейство.

После Февральской революции в связи с устранением Воейкова, во главе Российского Олимпийского комитета и руководства физическим развитием населения «новой» России остался В. И. Срезневский, не оказавшийся на этот раз на высоте положения. В результате его деятельности (или бездеятельности) в период керенщины развал всей воейковской системы руководства спортивным движением достиг своей высшей точки. Правда, и

после Февральской революции некоторые из буржуазных клубов продолжали, вернее пытались продолжать свою работу на прежних началах. Так, «Петроградское атлетическое общество» весной 1917 года провело в последний раз свои соревнования на чемпионат страны, в том числе и по стрелковому спорту, в которых принял участие и я; они отличались от прежних еще меньшим числом участников и не столь высокими достижениями. Но эти соревнования проводились уже как бы по инерции.

После февраля 1917 года, наряду с ликвидацией части буржуазных клубов, особенно усилился рост числа «диких» безуставных кружков. Буржуазные объединения (лиги) и клубы, чтобы сохранить свое существование, были вынуждены облегчить таким кружкам и отдельным кружковцам вступление в состав своих действительных членов. Демократические элементы приобрели, таким образом, большую силу в организациях, а это вызвало со стороны буржуазного руководства попытки принимать контрмеры для поддержания своего влияния: вместе с сохранением всего бюрократического аппарата союзов и лиг остался в силе и жесткий порядок дисквалификации за нарушение установленных лигами правил и за неподчинение их решениям.

Но революционная пропаганда партии большевиков делала свое дело, и внутри многих спортивных клубов непрерывно росла сознательная оппозиция новых демократических элементов против всей системы буржуазного руководства. Она выражалась сперва в нарушениях запрета соревнований с членами «диких» кружков, потом в прямой борьбе с комитетами и даже в использовании соревновательных встреч для революционной агитации.

Случаи проведения запретных встреч бывали, правда, в военное время и раньше, например, в 1915 году футболисты «Лужского кружка любителей спорта», вопреки категорическому запрещению своего комитета, провели матч с местной «дикой» командой. Но после февраля 1917 года не только участились подобные случаи, но и возникли открытые попытки демократической части клубов взять руководство их деятельностью в свои руки. Так, например, в дачном футбольном кружке «Мурзинка» в состав правления вошли лица, выдвинутые рабочей частью членов кружка; в результате кружок слился с солдатским футбольным кружком I Революционного клуба. В футбольном клубе «Коломяги», о котором я уже говорил выше, демократическая часть игроков снова выбросила своих буржуазных заправил Синдеева, Гомилиуса и др.

Среди новых безуставных организаций за этот период образовалось много самостоятельных рабочих и солдатских кружков, преимущественно футбольных, как это было, например, в Колпине и в Царском Селе, где я неоднократно наблюдал игру солдатских команд на лужайках Отдельного парка. Попытки буржуазного руководства прибрать к рукам такие кружки не имели

успеха. Например, Петроградская футбольная лига учредила кубки для розыгрыша первенства между рабочими командами, но в нем приняли участие только четыре команды военных заводов. На учрежденный этой же лигой кубок для солдатских команд играли тоже только четыре команды, но не солдат, а юнкеров и гардемаринов.

Случаи использования соревнований и спортивных игр для революционной агитации были тогда довольно часты. Так, летом 1917 года во многих городах — в Екатеринославе (теперь Днепропетровск), Ревеле (Таллин), Астрахани и других — были организованы встречи с командами футболистов из военнопленных немцев и австрийцев как демонстрация единства интересов рабочего класса всех народов в форме братания и борьбы за ликвидацию империалистической бойни.

После июльских дней, когда временное правительство Керенского открыто перешло к попыткам подавить силой оружия надвигающуюся социалистическую революцию, захотели и буржуазные заправилы спортивных объединений осуществить решительный нажим на демократические элементы клубов и повернуть их в русло сотрудничества с правительством. Это выразилось в форме беспощадных дисквалификаций за иногда искусственно спровоцированные нарушения директив руководства. При этом изгнанные в свое время члены правлений клубов восстанавливались в своих прежних должностях, как это было, например, в том же клубе «Коломяги», не без участия в этом деле Г. А. Дюперрона.

Но из этого не могло получиться ничего, кроме окончательного выявления неспособности старого руководства спортивным движением вывести его из лабиринта противоречий и разложения.

Великая Октябрьская социалистическая революция разбила капитализм, уничтожила эксплуататорские классы и открыла новую эру в истории нашей страны, в истории человечества.

С этого момента начинается новая эра и в истории отечественного спорта — эра, открывшая безграничные просторы для всенародного развития физической культуры и спорта, для всестороннего, коммунистического воспитания советского человека.

А вместе с тем откроются и новые страницы моих воспоминаний.

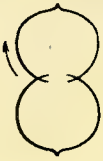
СОВЕТСКАЯ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРОГРАММА ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ (ШКОЛЬНЫХ) УПРАЖНЕНИЙ ПО ФИГУРНОМУ КАТАНЬЮ НА КОНЬКАХ

Условные обозначения:

I — правая нога
II — левая нога

1 — вперед наружу
2 — вперед внутрь
3 — назад наружу
4 — назад внутрь

№	Названия и ходы	Множители трудности
	Круг	
1	$I_1 — II_1$	1
2	$I_2 — II_2$	1
3	$I_3 — II_3$	1
4	$I_4 — II_4$	2
	Параграф	
5*а*	$I_1 — II_2$	1
б	$II_1 — I_2$	1
6*а*	$I_3 — II_4$	2
б	$II_3 — I_4$	2
	Тройка	
7	$I_1 — II_1$	1
8*а*	$I_1 — II_4$	2
б	$II_1 — I_4$	2
9*а*	$I_2 — II_3$	1
б	$II_2 — I_3$	1
	Двукратная тройка	
10	$I_1 — II_1$	1
11	$I_2 — II_2$	1
12	$I_3 — II_3$	1
13	$I_4 — II_4$	2



№	Названия и ходы	Множители трудности
	Петля	
14	$I_1 — II_1$	2
15	$I_2 — II_2$	2
16	$I_3 — II_3$	2
17	$I_4 — II_4$	2
	Скобка	
18*а*	$I_1 — II_4$	3
б	$II_1 — I_4$	3
19*а*	$I_2 — II_3$	3
б	$II_2 — I_3$	3
	Крюк	
20*а*	$I_1 — II_3$	4
б	$II_1 — I_3$	4
21*а*	$I_2 — II_4$	4
б	$II_2 — I_4$	4
	Выкрюк	
22*а*	$I_1 — II_3$	3
б	$II_1 — I_3$	3
23*а*	$I_2 — II_4$	3
б	$II_2 — I_4$	3

№	Названия и ходы	Множители трудности
	Восьмерка	
24*а*	$I_1 — II_2$	2
б	$II_1 — I_2$	2
25*а*	$I_3 — II_4$	3
б	$II_3 — I_4$	3
	Параграф с тройками	
26*а*	$I_1 — II_3$	2
б	$II_1 — I_3$	2
27*а*	$I_2 — II_4$	3
б	$II_2 — I_4$	3
	Параграф с двукратными тройками	
28*а*	$I_1 — II_2$	1
б	$II_1 — I_2$	1
29*а*	$I_3 — II_4$	3
б	$II_3 — I_4$	3
	Параграф с петлями	
30*а*	$I_1 — II_2$	2
б	$II_1 — I_2$	2
31*а*	$I_3 — II_4$	4
б	$II_3 — I_4$	4

№	Названия и ходы	Множители трудности
	Параграф со скобками	
32*а*	$I_1 — II_3$	3
б	$II_1 — I_3$	3
33*а*	$I_2 — II_4$	3
б	$II_2 — I_4$	3
	Восьмерка с тройками	
34*а*	$I_1 — II_2$	3
б	$II_1 — I_2$	3
35*а*	$I_3 — II_4$	3
б	$II_3 — I_4$	3
	Восьмерка с двукратными тройками	
36*а*	$I_1 — II_2$	3
б	$II_1 — I_2$	3
37*а*	$I_3 — II_4$	4
б	$II_3 — I_4$	4
	Восьмерка с петлями	
38*а*	$I_1 — II_3$	4
б	$II_1 — I_2$	4
39*а*	$I_3 — II_4$	5
б	$II_3 — I_4$	5
	Восьмерка со скобками	
40*а*	$I_1 — II_2$	4
б	$II_1 — I_2$	4
41*а*	$I_3 — II_4$	5
б	$II_3 — I_4$	5

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От автора 3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
(80-е годы—конец XIX века)

I. Как зарождалась страсть к спорту 7
II. Начало более серьезной спортивной деятельности 16
III. Развитие спорта в Петербурге 26
IV. Велоспорт в девяностых годах 29
V. Университет. П. Ф. Лесгафт 46
VI. Деятели Юсупова сада. Первенство мира по фигурному катанью на коньках 1896 года 48
VII. Первые мои выступления по фигурному катанью и возникновение школы под моим руководством 64
VIII. Что происходило вне Юсупова сада 69
IX. Участие в гребном и парусном спорте 71

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
(первое десятилетие XX века)

X. Начало нового века. Моя первая встреча с иностранными фигуристами 81
XI. В „Крестовском лаун-теннис-клубе“ 89
XII. Первенство мира по конькам 1903 года в Петербурге 93
XIII. Первая поездка за границу 103
XIV. Стрелковый спорт в царской России. Чемпионаты страны . . . 108
XV. Фигурное катанье в 1905—1907 гг. 123
XVI. Первенство Европы, розыгрыш кубка в память Паншина и первенство России по фигурному катанью 1908 года 128
XVII. Подготовка к IV Мировой Олимпиаде 137
XVIII. В „Туманном Альбионе“ 142
XIX. Моя учебная работа в Юсуповом саду. Книга о фигурном катанье 155
XX. Развитие хоккея. Изменения в спортивной жизни к концу десятилетия 162

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
(годы второго десятилетия XX века—до Великой Октябрьской социалистической революции)

XXI. Подъем спортивного движения к началу второго десятилетия. Российско-шведская выставка 169
XXII. Юбилей „Петербургского речного яхт-клуба“ 171
XXIII. Первенство России для женщин и первенство Европы для мужчин по фигурному катанью 1911 года 177
XXIV. Первые шаги авиационного спорта 181
XXV. Подготовка к V Мировой Олимпиаде 185
XXVI. V Мировая Олимпиада 1912 года 190
XXVII. Последние годы довоенного спорта (1912—1914) 197
XXVIII. Годы войны. Канун Октября 205

Приложение.
Советская и международная программа обязательных (школьных) упражнений по фигурному катанью на коньках 210

БИБЛИОТЕКА им. В. И. Ленина

Цена 5 руб. 50 коп.

3

Н.А. ПАНИН-КОЛО́МЕНКИН

СТРАНИЦЫ ИЗ ПРОШЛОГО

ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ
1951